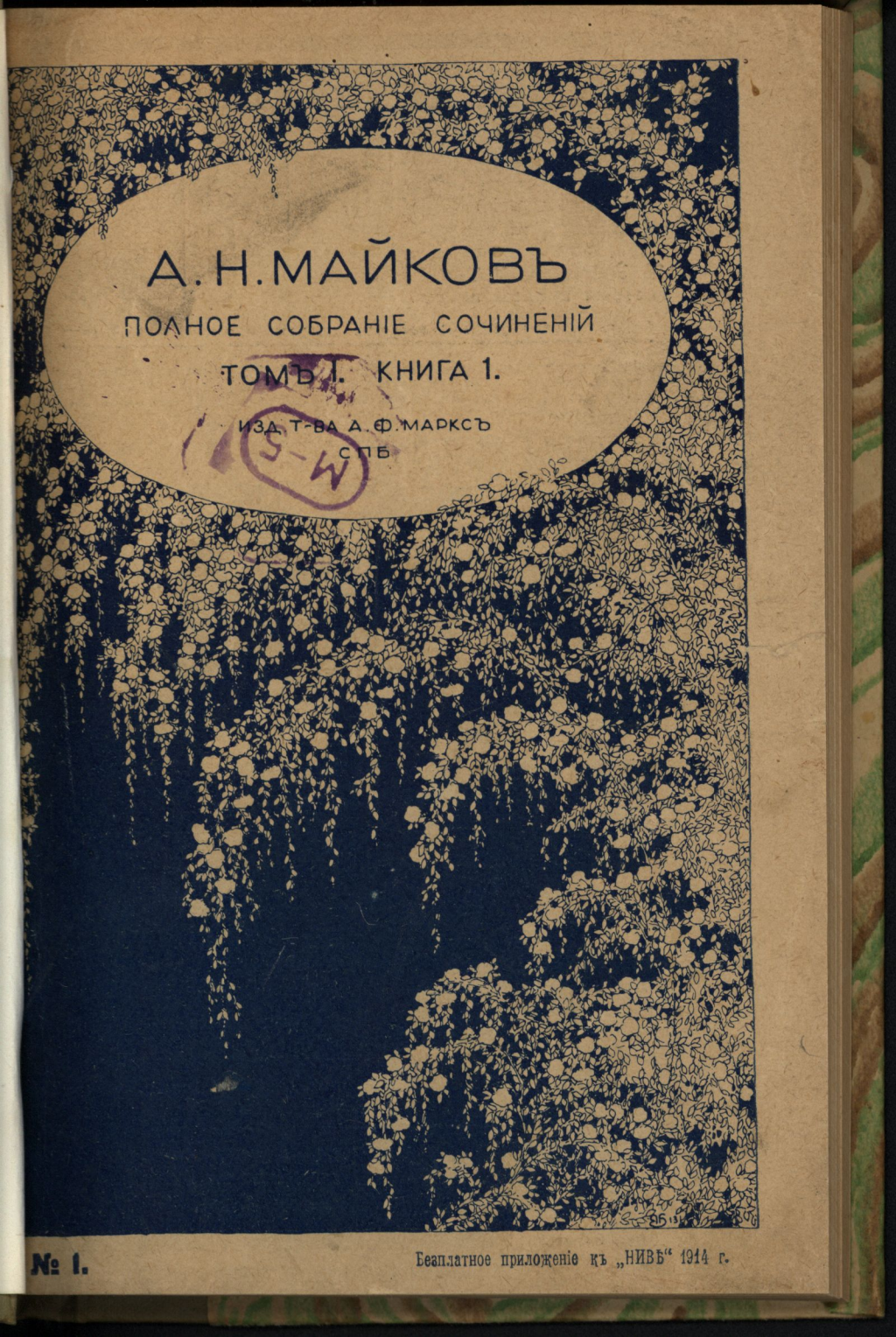

А. Н. Майков
Полн. собр. соч.
т. 1, кн. 1.

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМЪ I. КНИГА I.

ИЗД. Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ

СПБ

20 руб. —

А. Монаховъ

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

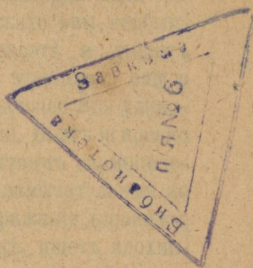
СЪ КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИМЪ
ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ДЕВЯТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ПОДЪ РЕДАКЦЕЙ П. В. БЫКОВА ⋮ ⋮ ⋮ ⋮

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

24238-

ИЗДАНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Приложение къ журналу „Нива“ на 1914 г.

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

СП. КИТАНО-ПОСЛАНИЕ
ОПТИКА И ПОСЛАНИЕ

ЛЕВТОМЪ ИСПЫТАНИЕНОЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ Л. В. МАКОВА

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ Т-ва А. Ф. Марксъ : С. ПЕТЕРБУРГЪ

Издательство А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

А. Н. Майковъ.

Критико-біографическій очеркъ П. В. Быкова.

Есть имена въ нашей литературѣ, особенно дорогія сердцу русскаго читателя, составляющія славу и гордость родной страны. Къ такимъ, немногимъ, именамъ принадлежитъ имя Аполлона Майкова, творчество котораго давно уже стало близкимъ, родственнымъ ру скому обществу и слилось съ его психологіей. Кажется, нѣтъ уголка въ необъятной Россіи, гдѣ бы не знали Майкова, какъ творца столькихъ вдохновенныхъ пѣсень, невольно остающихся въ памяти. Многія изъ нихъ положены на музыку лучшими нашими композиторами, включены въ каждую хрестоматію, въ каждый сборникъ жемчужинъ русской поэзіи. До сихъ поръ шедевры творчества Майкова, какъ романы, не перестаютъ исполняться въ концертахъ и представляютъ благодарнѣйшій матеріалъ для чтецовъ-декламаторовъ, потому что его стихи всегда содержатъ ѣны, необыкновенно звучны, своеобразны по своей античной красотѣ и дышатъ истинно-поэтическимъ настроеніемъ. Къ этому надо прибавить еще и большое разнообразіе напѣвовъ его поэзіи, пронстекающее отъ удивительной чуткости и отзывчивости изящной музы Майкова. Поэтъ искренно восторгается величіемъ античнаго міра, его богатствомъ гармоническихъ сочетаній, его строгой мудростью и даетъ замѣчательныя по мысли, настроенію и формѣ антологическія пьесы, подражанія древнимъ; онъ загорается и жаждой жизни, любовью къ природѣ, ищетъ вдохновенія въ русской старинѣ, въ исторіи славянства, въ широкой и трогательной любви къ родинѣ, въ патріотическихъ стремленіяхъ русскаго народа, въ успѣхахъ русскаго оружія, въ явленіяхъ современно ти. Словомъ, про Майкова можно сказать то же, что сказать поэтъ Баратынскій о Гёте: „ничто не оставлено имъ подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта, на все отозвался онъ сердцемъ своимъ, что просить у сердца отвѣта“. Вѣчень будетъ, вѣчно цѣнимъ геній Пушкина. А Майковъ — прямой наслѣдникъ великаго поэта, всю жизнь свято хранившій его священные завѣты. И такимъ образомъ Майковъ среди нашихъ выдающихся поэтовъ является какъ бы связующимъ звеномъ новѣйшаго времени отечественной литературы съ пушкинской школой.

Успѣхъ поэзіи Майкова—не случайный успѣхъ, а слѣдствіе высокой красоты ея: поэтъ глубоко постигъ тайны изящнаго творчества и умѣлъ чуть не съ первыхъ шаговъ своихъ въ литературѣ „глаголомъ жечь сердца людей“, выражать тѣ идеалы, свѣтлые и прекрасные, которые онъ всегда носилъ въ душѣ своей: онъ умѣлъ увлекать насъ въ „царство вѣчной юности и вѣчной красоты“, къ свѣту, къ звѣздамъ, училъ понимать и духовную красоту, и земную во всѣхъ ея проявленіяхъ. Достигалъ онъ этого не только содержаніемъ своей поэзіи, но и выраженіемъ ея—вѣщимъ словомъ, облеченнымъ въ красивую, необыкновенно изящную форму. Въ этомъ отношеніи Майковъ является образцовымъ выразителемъ поэтической мысли. Насколько важна тщательность отдѣлки формы, въ которую выливается эта мысль, Майковъ превосходно понималъ отъ юныхъ дней своихъ. Онъ говорилъ:

Возвышенная мысль достойной хочеть брони,
Богиня строга—ей нуженъ пьедесталь,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимваль,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...
Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ огнемъ души твоей!..

Благодаря такому взгляду на способъ выраженія поэтической мысли, Майковъ смѣло рѣшался передавать словами то, что доступно лишь кисти мастера, и, несмотря на необычайную трудность задачи, всегда выходилъ побѣдителемъ. Вотъ почему Майковъ такъ поразительно наглядно, съ такимъ искусствомъ передаетъ всю прелесть и своеобразность античной поэзіи. Спокойствіе древнихъ грековъ и римлянъ, полное величія, ихъ безпредѣльное увлеченіе земными наслажденіями и вмѣстѣ съ тѣмъ то полнѣйшее равнодушіе, съ которымъ они относились къ смерти, — переданы Майковымъ въ произведеніяхъ подобнаго рода чрезвычайно картинно и выпукло, и здѣсь, въ области антологической поэзіи, въ подражаніяхъ древнимъ, онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ между отечественными поэтами. Спокойный, благородно-невозмутимый тонъ, при чуткомъ художественномъ созерцаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объективность всегда, въ извѣстной степени, проглядываютъ въ поэзіи Майкова. Онъ чуждъ чрезмѣрныхъ восторговъ, отзывающихся обыкновенно какой-то фальшью, онъ никогда не затемняетъ свои образы и ясныя очертанія ни сухими разсужденіями ни предвзятостью мысли. Съ одинаковымъ глубокимъ спокойствіемъ, со строгой художественной выдержанностью, продуманно, прочувствованно изображаетъ онъ древняго грека и римлянина, средневѣковые эпизоды, моменты изъ новой исторіи Европы, родную Русь древнихъ временъ или повѣйшія злобы дня въ ней, природу у себя и на чужбинѣ. И это все одинаково прекрасно выражено у него во всѣхъ трехъ главныхъ формахъ поэзіи: эпосѣ, лирикѣ и драмѣ.

Кто не восхищался его лирическими пьесами? Кто не знаетъ наизусть

его очаровательных стихотворений: „Нива“, „Весна! Выставляется первая рама“, „Голубенькій, чистый, подснежникъ-цвѣтокъ“, „Зимнее утро“, „Пахнетъ сѣномъ надъ лугами“, „Лѣтній дождь“, „Картинка“ и пр.? Эти вещи проникли и въ народъ черезъ сельскія школы. Ихъ заучивали и заучиваютъ дѣти всѣхъ сословій. А его „Клермонтскій соборъ“, „Савонарола“, „Приговоръ“, „Послѣдніе язычники“, „Трисмерти“, „Два міра“, „Брингильда“? Сколько тутъ картинъ, образовъ, сценъ! Вотъ яркое изображеніе собора крестоносцевъ, вотъ проповѣдь суроваго аскета среди карнавальнаго гутолки и шума, вотъ судъ надъ Яномъ Гусомъ, вотъ предсмертныя муки христіанъ, осужденныхъ Нерономъ, — все это блестящъ мѣстнымъ колоритомъ, полно широкаго размаха поэтической кисти. Эта кисть живописца, сочная, мягкая, нѣжная, ощущается живо въ его изящныхъ изображеніяхъ картинъ природы и ея таинственныхъ, обаятельныхъ явленій. Какое здѣсь богатство образовъ, какая роскошь красокъ, сколько граціи и пластики! Замѣчательный лирикъ, у котораго каждый стихъ „словно рукой геніальной обточенъ“, Майковъ въ стихотворной драмѣ можетъ быть сравнимъ развѣ съ Пушкинымъ, надъ которымъ онъ даже имѣетъ одно несомнѣнное преимущество въ этой области: стихъ его живѣе, отрывочнѣе и, такъ сказать, разговорнѣе, что составляетъ одно изъ важныхъ условій въ живомъ развитіи драматическаго дѣйствія. Его поэма „Два міра“, надъ которой Майковъ работалъ долгіе годы, составляющая вѣнецъ всей дѣятельности поэта, такъ прекрасна по мысли и исполненію, что даже немногіе противники Майкова, и тѣ относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ этому во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательному произведенію, въ которомъ, по выраженію одного изъ многочисленныхъ критиковъ поэта, „сосредоточились всѣ лучи майковской поэзіи“.

Обладая огромнымъ талантомъ, Майковъ былъ настоящимъ баловнемъ судьбы, и, какъ увидимъ изъ данныхъ его жизнеописанія, все способствовало быстрому развитію этого таланта. Пожалуй, тутъ сыграла роль и наслѣдственность, такъ какъ въ заслуженномъ, древнемъ роду Майковыхъ было не мало даровитыхъ людей, потрудившихся въ области искусства, на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Еще въ XV столѣтіи, въ до-петровской Руси жилъ знаменитый просвѣтитель земли русской Нилъ Майковъ, по прозванію Сорскій, прославившійся строгостью жизни и поученіями. Онъ сочинилъ скитскій уставъ и въ своихъ трудахъ обнаружилъ высокія христіанскія воззрѣнія, рѣдкую человѣчность, возставая противъ казни еретиковъ, предлагая для обращенія ихъ на путь истины мѣры кротости и убѣжденія. Благодаря содѣйствію ярославскаго помѣщика Майкова, творецъ отечественнаго театра Ѳ. Г. Волковъ въ 1755 году устроилъ на берегу рѣки Волги „россійское позорище“, оеатръ. Въ екатерининское время извѣстенъ былъ Василій Ивановичъ Майковъ, сынъ ярославскаго помѣщика, насадителя у насъ сценическаго искусства, родной братъ прадѣда нашего знаменитаго

поэта, писавшій стихи, о которомъ въ словарѣ Н. И. Новикова сказано: „Онъ почитается въ числѣ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ и тѣмъ паче достоинъ похвалы, что ничего не заимствовалъ: ибо онъ никакихъ чужестранныхъ языковъ не знаетъ“. Двое племянниковъ этого стихотворца, автора поэмы „Елисей, или раздраженный Вакхъ“, Аполлонъ и Михаилъ Александровичи Майковы—одинъ директоръ Императорскихъ театровъ, другой директоръ Демидовскаго училища высшихъ наукъ,—оба также писали стихи и были люди даровитые.

Отецъ нашего поэта, Николай Аполлоновичъ Майковъ (род. 28 авг. 1796 г., ум. 23 авг. 1873 г.), замѣчательный живописецъ, имѣвшій званіе академика, по словамъ Гончарова, „составляетъ феноменальное явленіе въ искусствѣ, какъ самородный талантъ, которому случайность открыла путь къ искусству“. Онъ никогда не учился живописи, служилъ въ военной службѣ и въ битвѣ подъ Бородинымъ былъ раненъ въ ногу навывлетъ. Когда онъ лѣчился въ ярославскомъ помѣстьѣ, надъ его кроватью висѣла какая-то картинка. Ради скуки, чтобы убить время, Николай Аполлоновичъ сталъ ее копировать. Вышло удачно, и тогда онъ началъ рисовать съ натуры все, что попадалось подъ руку, и продолжалъ это занятіе и потомъ, когда вернулся въ свой полкъ. Онъ до того пристрастился къ живописи, что „помышлялъ даже тайкомъ покинуть армію и бѣжать въ Италію“. Но тутъ отецъ вытребовалъ его къ себѣ, въ Москву, гдѣ Николай Аполлоновичъ Майковъ женился на Евгениі Петровнѣ Гусятниковой (род. 17 декабря 1803 г., умерла 19 іюля 1880 года), женщиной выдающагося ума, развитой, образованной, даровитой, помѣщавшей стихи и повѣсти въ „Библіотеку для чтенія“ Сенковскаго и другихъ изданій, за подписью *Е. Подольской* и анонимно. Отъ этого брака 23-го мая 1821 года у него родился сынъ Аполлонъ, спустя два года второй сынъ—Валеріанъ, впоследствии извѣстный критикъ, мыслитель, публицистъ, рано умершій (1847); за нимъ появился на свѣтъ Владимиръ Николаевичъ (1826—1885), хорошій компиляторъ, переводчикъ и издатель дѣтскаго журнала „Подсѣжники“; наконецъ, спустя много лѣтъ, родился (1839 г.) Леонидъ Николаевичъ Майковъ, получившій извѣстность, какъ знатокъ исторіи литературы, оставившій замѣчательные труды по своей специальности, занимавшій постъ вице-президента Академіи Наукъ и должность помощника директора Императорской Публичной Библіотеки. Такъ или иначе—братья Майковы выдавались въ литературѣ и наукѣ, но наибольшей славы достигъ Аполлонъ Николаевичъ, совмѣстившій въ себѣ гармонически начала поэтическаго и художественнаго творчества и „роль свою сыгравшій мастерски“.

Отецъ поэта имѣлъ на него большое вліяніе и первый заронилъ въ душу богато одареннаго сына зерно любви къ искусству, къ поэзіи. Мы имѣемъ свидѣтельство друга семьи Майковыхъ, Ивана Александровича Гончарова, какую симпатичную, свѣтлую личность представлялъ собою Николай Аполлоновичъ. „Онъ былъ,—говорить творецъ „Обломова“,—

необыкновенно доброй, кроткой души, мягкого характера, любимый въ семьѣ, друзьями и всѣми, кто только его зналъ. Онъ жилъ, какъ живутъ, или, если теперь уже не живутъ такъ, то какъ жилали артисты, думая больше всего объ искусствѣ, любя его, занимаясь имъ и почти ничѣмъ другимъ. Домъ его лѣтъ 15—20 и болѣе назадъ китѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферы мысли, науки, искусствъ. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, всѣ толпились въ не обшпринныхъ, не блестящихъ, но пріятныхъ залахъ его квартиры, и всѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всѣ учились другъ у друга, размѣниваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями наукъ, искусствъ. Старикъ Майковъ радовался до слезъ всякому успѣху и всѣхъ, не говоря уже о друзьяхъ, въ сферѣ интеллектуальной или артистическаго труда, всякому движенію впередъ во всемъ, чтó доступно было его уму и образованію. Чистый, безупречный человекъ, Николай Аполлоновичъ Майковъ своими нравственными качествами, чуткостью души, дарованіями привлекалъ къ себѣ неуждержимыя симпатіи; его глубоко уважали, дорожили его мнѣніемъ, подчинялись его огромному художественному вкусу. На вечерахъ у Майковыхъ было тепло, отрадно, весело, оживленно. Здѣсь не было ничего натянутого, здѣсь не священнодѣйствовали поэты, музыканты, художники, артисты, здѣсь не разыгрывались напыщенные самолюбія. Простота, сердечность властвовали въ этомъ чудномъ уголкѣ, гдѣ каждого сюда влекло неуждержимо, гдѣ каждый чувствовалъ себя здѣсь, какъ дома.

Въ такой-то прекрасной, благотворной обстановкѣ росъ и развивался юный Аполлонъ Николаевичъ. Ранніе годы дѣтства его прошли въ деревнѣ, въ помѣстьѣ отца, сельцѣ Никольскомъ, Московской губерніи, неподалеку отъ исторической Троице-Сергіевской лавры. Приходилось ему жить и въ имѣніи бабушки, сельѣ Чечихѣ, въ Клинскомъ уѣздѣ той же губерніи. По душѣ ему была жизнь на лонѣ природы, незамысловатая, патриархальная, среди деревенскаго люда, оратая родной земли, который былъ доступенъ его пониманію и рано развилъ въ немъ любовь къ народному быту. Природа манила къ себѣ будущаго поэта, шевелила лучшія струны его души. Онъ жадно созерцалъ ее, чувствуя ея красоты, находился въ тѣсномъ, непосредственномъ общеніи съ нею. Она оставила неизгладимый слѣдъ въ его воспримчивомъ сердцѣ, въ его воображеніи. Объ этомъ у него сохранились самыя отрадныя воспоминанія, и въ зрѣломъ возрастѣ поэтъ писалъ:

Картины бѣдныя полуночнаго края!

Гдѣ бъ я ни умираю, вась вспомню умирая:

Отъ сердца шылкаго все злое прочь гоня,

Не вы ль, міра съ людьми, учили жить меня...

И вотъ почему природа играетъ такую видную роль въ поэзій

Майкова. У него очень мало стихотвореній безъ картинъ природы. Если онъ не прямо живописуетъ ихъ, то все-таки всегда находить предлогъ хоть слегка коснуться ихъ. „Гармоніи стиха божественныя тайны“ внушило ему созерцаніе природы преимущественно въ тихіе, спокойные, ласкающіе, полные умиротворенія моменты. Вчитываясь въ стихотворенія Майкова, посвященныя природѣ, глубоко вникая въ нихъ, можно смѣло сказать, что —

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна...

Чутко прислушивался юноша къ шептанью тростниковъ и плеску волнъ шумливыхъ, къ звенящимъ струямъ подгорнаго ключа, къ жужжанью колосевъ, присматривался къ пробуждающемуся утру, къ тѣмъ часамъ, когда на желтѣющія нивы ложится тѣнь прозрачными клубами, къ морю, приѣмлющему лунный ликъ, къ полю, что зыблется цвѣтами, къ осыпавшемуся береговому скату, „съ котораго торчитъ корней мохнатыхъ рядъ“, къ заросшему, запущенному саду. И все, что онъ видѣлъ и слышалъ, преломляется радужными или томными лучами въ его вдохновеніи. Созерцаніе природы было однимъ изъ лучшихъ наслажденій въ его жизни и являлось живымъ неисчерпаемымъ источникомъ его поэзіи. Какъ тонко понималъ онъ природу, ея воздѣйствіе, — это видно изъ письма поэта съ чужбины: „Чувство природы, возбуждаемое въ насъ ея созерцаніемъ, — писалъ Майковъ изъ Флоренціи, — вездѣ одно: и въ болотистыхъ окрестностяхъ петербургскихъ, и гдѣ угодно. У насъ въ русской природѣ это чувство живѣе и непосредственнѣе оттого, что тамъ вокругъ лѣсъ, луга и нивы, и все это жужжитъ, шумитъ, шелеститъ, интересничаетъ съ вами, а здѣсь — камень, декораціи, апельсины, лимоны и оливы... Но этого живого трепета жизни не чувствуете, какъ въ словомъ или березовомъ лѣсу, или въ лугахъ съ кузнечиками, бабочками“.

Свои дѣтскіе годы въ уединеніи сельской жизни, далекой отъ шума и суеты города, Майковъ рисуетъ въ прелестной пьесѣ „Рыбная ловля“, посвященной С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и „всѣмъ, понимающимъ дѣло“. Здѣсь онъ между прочимъ говоритъ:

Себя я помню стать въ деревнѣ подь Москвою.
Бывало, ввечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подь елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,

Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головою струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

Въ этомъ же стихотвореніи поэтъ вспоминаетъ, какъ грустилъ онъ, чувствовалъ себя чужимъ, какъ будто сидящимъ на чуждомъ пирѣ, когда онъ очутился въ Петербургѣ, куда его перевезли на двѣнадцатомъ году жизни и помѣстили у дяди. Это былъ артиллерійскій полковникъ, занимавшійся приготовленіемъ молодыхъ людей въ учебныя заведенія, преимущественно военныя, знатокъ своего дѣла. Не одинъ дядя занимался съ племянникомъ, богато одареннымъ отъ природы: ему помогали другъ семьи Майковыхъ—Владимиръ Андреевичъ Солоницынъ, страстный любитель литературы, самъ поэтъ. Несмотря на служебныя занятія, на труды по редактированію „Библиотеки для чтенія“, въ качествѣ помощника О. И. Сенковскаго, Солоницынъ всецѣло отдавался дѣлу воспитанія сыновей Николая Аполлоновича—Аполлона и Валеріана—и имѣлъ огромное вліяніе на образованіе характера, на вкусы и наклонности поэта. Человѣкъ большого ума, превосходно образованный, знавшій языки и иностранную литературу, бывавшій за границей, Солоницынъ, чтобы развить вкусъ и любовь къ литературѣ въ своихъ воспитанникахъ, задумалъ въ семьѣ Майковыхъ изданіе рукописнаго журнала „Подсѣжникъ“. Тутъ вкладчиками были: Гончаровъ, въ тѣ дни еще молодой кандидатъ московскаго университета, переселившійся, службы ради, въ невскую столицу, извѣстный поэтъ Бенедиктовъ, Евгенія Петровна Майкова, самъ Солоницынъ и всѣ трое братьевъ Майковыхъ: Валеріанъ, Владимиръ и Аполлонъ, и еще кое-кто изъ тогдашнихъ мелкихъ писателей. „Подсѣжникъ“ украшенъ былъ множествомъ рисунковъ работы Майкова-отца и Солоницына и издавался три года (1835—1838), а затѣмъ его замѣнили рукописный альманахъ „Лунныя ночи“. Въ „Подсѣжникѣ“ Аполлону Майкову принадлежали, кромѣ прозы, стихотворенія: „Лунная ночь“, „В. Г. Бенедиктову“, „Венера Медицейская“, „Солнце“, „Сонъ“, „Сомнѣніе“, „Кладбище“, „Пѣвцу“, „Воспоминаніе“, „Вечеръ на морѣ“, „Молитва“, „Призывъ“ и „Воробьевы горы“. Всѣ эти пьесы немного позднѣе появились въ „Библиотекѣ для чтенія“ и другихъ изданіяхъ 1839—1842 гг.

Благодаря большимъ способностямъ и удивительной памяти, Аполлонъ Николаевичъ въ теченіе трехъ лѣтъ прошелъ весь гимназическій курсъ и въ 1837 году, шестнадцати лѣтъ, блестяще выдержалъ экзамень, особенно изъ математики, обративъ на себя вниманіе всего математическаго факультета петербургскаго университета. Дивились его знаніямъ и профессоры историко-филологическаго факультета. Но ни на этотъ факультетъ ни на математическій онъ не поступилъ. Солоницынъ направилъ своего питомца на факультетъ юридическій, такъ какъ на этомъ факультетѣ, кромѣ правовѣдѣнія, читались предметы, касающіеся общаго образованія: всеобщая исторія и русская словесность. Впрочемъ, исто-

рію літератури еще раніше молодому Майкову преподавав Ів. Ал. Гончаровъ и, по отзыву самого Майкова, съ огромнымъ талантомъ. Гончарову помогала матъ поэта, Евгенія Петровна, содѣйствовавшая развитію въ сынѣ вкуса къ поэзіи. Въ университетѣ Аполл. Ник. ревностию всего посѣщаль лекціи П. Д. Калмыкова, читавшаго энциклопедію законовѣднія, и В. В. Шнейдера, профессора римскаго права. Кромѣ того, онъ слушалъ лекціи М. С. Куторги, который читалъ всеобщую исторію, а русскую—у Н. Г. Устрялова, и въ особенности лекціи русской словесности, которую читали тогда старшій профессоръ этого предмета Петръ Александровичъ Плетневъ и его товарищъ по кафедрѣ Александръ Васильевичъ Никитенко, извѣстные писатели, критики и журналисты. Изучая римское право, Майковъ поневолѣ долженъ былъ приналежъ на латинскій языкъ, давшій ему возможность читать классиковъ въ подлинникѣ. Греческаго языка онъ не зналъ и выучился этому языку уже въ очень зрѣлыя годы, а до тѣхъ поръ грековъ-классиковъ изучалъ во французскихъ переводахъ. Исторія римскаго права навела его на мысль изучать философію, а чтеніе греческихъ и римскихъ поэтовъ пробудило въ немъ особый интересъ къ античному міру, который онъ такъ тлубоко понималъ и воспѣвалъ съ такой любовью, одно время доходившею до благоговѣйнаго обожанія. Въ дивныхъ строфахъ лирики и драмы воспѣлъ и представилъ онъ этотъ міръ, и воспѣваніемъ его положилъ начало своей славы.

Помимо университетскихъ лекцій, Майковъ усердно изучалъ Библію въ славянскомъ переводѣ. Это служило ему подспорьемъ для занятій поэзіей и живописью, любовью къ которой онъ унаслѣдовалъ отъ отца. Всѣ эти занятія, которымъ онъ нерѣдко предавался съ особеннымъ жаромъ, сообщили мало-по-малу его языку ту силу, мощь, которыми онъ въ правѣ былъ гордиться и которыя придавали особенную красоту и прелесть, яркій, своеобразный колоритъ его произведеніямъ. Занятія живописью приносили Майкову не мало горя: его близорукость сильно мѣшала его художественнымъ замысламъ. „Аполлонъ Николаевичъ,—говоритъ одинъ изъ внимательныхъ его біографовъ,—не любилъ мелкой детальной работы. Его фантазіи открывались большіе горизонты, его сюжеты требовали большихъ размѣровъ, а близорукость ставила ему преграды на каждомъ шагѣ; это его раздражало, заставляло скорбѣть и роптать на судьбу“. Эту скорбь выразилъ онъ въ первомъ своемъ стихотвореніи „Разочарованіе“, гдѣ юный поэтъ-отрокъ говоритъ:

Когда въ святомъ небесномъ вдохновеньи
Я возношусь въ подоблачный эфиръ
И создаю въ своемъ воображеньи
Особенный, прекрасный, н вый міръ,—
Зачѣмъ тогда прекрасное созданье
Я не могу изобразить
И перелить въ него мое очарованье,
И прелестью небесной оживить...

Стоя изстрадавшагося сердца, вопль мощной силы, словно связанной по рукамъ и ногамъ, не находящей себѣ выхода, жалоба на свое-нравный рокъ, давшій поэту талантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяющій ему развернуться во всю ширь, слышатся въ этомъ наивномъ и милomъ стихотвореніи. Оно написано въ 1836 году, когда поэту исполнилось пятнадцать лѣтъ и когда онъ боролся съ самимъ собою, затрудняясь въ выборѣ дороги: быть ли ему живописцемъ или поэтомъ. Но уже со стихотворенія „Разочарованіе“ поэтическое призваніе беретъ верхъ, и, хотя Майковъ не бросаетъ кисти, его муза начинаетъ нашептывать ему сладостныя пѣсни. Юный студентъ, сидя еще на школьной скамьѣ, создаетъ одну за другою свои антологическія пѣсы: „Истинное благо“, „Орель“, „Картина вечера“, „Воспоминаніе“, „Призывъ“ и др., которыя частью появляются въ „Подсѣжники“, частью остаются въ рукописи, въ завитой тетрадкѣ поэта. Едва ли не вслѣдъ за „Разочарованіемъ“ онъ написалъ пѣсу „Истинное благо“, и въ ней звучитъ тотъ же скорбный напѣвъ:

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тлѣнье.
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ внидетъ снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалить, и душа въ отчизну возвратится...
И въ двери райскія къ ночлегу постучится...

За годъ до окончанія Майковымъ университетскаго курса въ „Одескомъ Альманахѣ“ на 1840 годъ появились два стихотворенія его, подписанныя буквою *М.*: „Сонъ“ и „Картина вечера“. Венедиктовъ выпросилъ эти обѣ пѣсы у скромнаго автора и послалъ ихъ В. И. Карлгофу для этого альманаха. Чуткій Бѣлинскій, не зная, кому принадлежитъ первая изъ этихъ пѣсень—„Сонъ“—и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь, перепечаталъ ее въ маленькой замѣткѣ объ „Одескомъ Альманахѣ“, отозвавшись о ней съ похвалою, а спустя годъ, въ критической статьѣ о „Римскихъ элегіяхъ“ Гёте, въ переводѣ Струговщикова, онъ вновь привелъ „Сонъ“—„антологическое стихотвореніе одного неизвѣстнаго, но даровитаго поэта, въ которомъ выражено обаяніе сна, или, лучше сказать, усыпленія послѣ прогулки фантастическимъ вечеромъ мая“. Выписавъ стихотвореніе цѣликомъ, критикъ восторженно восклицаетъ: „Что это такое? Вздохъ музыки, палевый лучъ луны, играющій на поверхности спящаго пруда, поэтическая апотеоза простого дѣйствія природы въ фантастическомъ образѣ легкой феи, успокоительной царицы сна? Что бы ни было, вы его понимаете, оно вамъ знакомо, вы не разъ испытали его, это что-то, которому поэтъ далъ и образъ и имя... Это—ощущеніе, всѣмъ знакомое и всѣмъ общее въ жизни. А вотъ и картина: вспомните Пушкина „Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила“. Глубокъ смыслъ этой прелестной картины...“

Быстро росъ талантъ Майкова. Когда его стихотворенія еще не печатались, и онъ былъ на второмъ курсѣ, профессоръ Никитенко познакомилъ

своихъ слушателей, петербургскихъ студентовъ, съ двумя пьесами начинающаго поэта, ихъ товарища — „Гнѣвъ Божій“ и „Венера Медицейская“, а другой профессоръ, извѣстный литераторъ Степанъ Петровичъ Шевыревъ, одновременно познакомилъ московскихъ студентовъ съ новыми выдающимся дарованіемъ, прочитавъ имъ стихи Майкова „Сонъ“. Бесѣдоваль о произведеніяхъ его и Плетневъ, этотъ удивительно просвѣщенный, изящный, чуткій ко всему прекрасному, знатокъ поэзіи, другъ и совѣтникъ Пушкина. Онъ угадалъ въ Майковѣ сильный, яркій талантъ и старался дѣлать его, ободряя поэта, открывая ему новые горизонты въ его поэтической дѣятельности. Съ начала сороковыхъ годовъ стихотворенія Майкова стали появляться въ „Библіотекѣ для чтенія“ („Орелъ“, „Истинное благо“, „Пустынникъ“, „Сомнѣніе“, „Письмо“, „Лунная ночь“, „Элегія“, „Превращеніе“, „Перерожденіе“, „Барельефъ“, „Предсказаніе“, „Цезарь“), въ „Отечественныхъ Запискахъ“ („Памятникъ“, „Видѣніе“, „Черногорецъ“, „Призывъ“, „Внимаю ль я порой словамъ любви“, „Тайна“, „Люблю, если тихо къ плечу моему прислонившись“) и въ нѣкоторыхъ альманахахъ. Почти все эти, болѣею частью антологическія, пьесы были собраны и въ концѣ 1842 года вышли отдѣльной книжкой.

Вѣлинскій встрѣтилъ ее горячими похвалами. „Стихотворенія Майкова, — писалъ критикъ, — хотя и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами собою раздѣляются въ глазахъ читателя на два разряда, не имѣющіе между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это — перлъ поэзіи Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе“. И затѣмъ, говоря объ этихъ стихотвореніяхъ, Вѣлинскій останавливается снова на пьесѣ „Сонъ“ („Когда ложится тѣнь прозрачными клубами“), говоря, что „это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ себѣ самой красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть, — вполне основательно восторгается Вѣлинскій: — какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искусственную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одно такого стихотворенія вполне достаточно, чтобы признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ пьесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышитъ живою идеей“. А Плетневъ, въ началѣ февраля того же года, писалъ другу своему Я. К. Гроту: „На-дняхъ я получилъ „Стихотворенія Апол-

лона Майкова“. Онъ учился у насъ въ университетѣ. Эта книга меня уладила. Кажется, я читалъ идеи Дельвига, переданныя стихами Пушкина“. Затѣмъ, 25 марта 1842 года, въ своемъ отчетѣ объ университетской дѣятельности за истекшій годъ, на торжественномъ актѣ Плетневъ упомянулъ о новоявленномъ поэтѣ и прочелъ его пьесу „Горный ключъ“. „Это было причиною, — писалъ Плетневъ Гроту, — что министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ желаніе лично съ нимъ (Майковымъ) познакомиться и просилъ меня представить ему поэта. Итакъ, Майковъ пріобщился къ моему маленькому кругу. Министръ желаетъ представить государю экземпляръ его стихотвореній“.

Вообще, успѣхъ книжки стихотвореній Майкова былъ полный: произведенія поэта читались и въ литературныхъ кружкахъ и даже въ высшихъ сферахъ, гдѣ были очень заинтересованы его личною. Не одно блестящее дарованіе помогло Майкову выдвинуться, завладѣть общимъ вниманіемъ. Тутъ сослужили ему большую службу и двѣ статьи Вѣлинскаго, разъяснившаго значеніе поэзіи Майкова, давшаго ей отличную оцѣнку. „Отстраняя всѣ гаданія, — писалъ онъ, — которыя могутъ быть произвольны или односторонни, и предоставляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта г. Майкова, мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и нѣчто общающее въ будущемъ... Если взгляды нашъ на важность поэзіи, на высокое значеніе поэта не помѣшала намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ г. Майкова, значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта... Майковъ вполне владѣетъ орудіемъ искусства — стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это — великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ“. Съ похвалою отзывался критикъ, далеко не щедрый на поощренія и похвалы въ отношеніи начинающихъ писателей, о пьесахъ Майкова: „Октава“, „Искусство“, „Гезіодъ“, „Вакхъ“, „Ангелъ и демонъ“, „Раздумье“, „Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней“, „Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты“ и другихъ.

И по поводу этихъ и вообще всѣхъ стихотвореній Майкова въ антологическомъ родѣ критикъ приходитъ къ заключенію, что муза Майкова относительно ея возникновенія сродни древне-эллинской музѣ: „подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣтственные и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески-ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ и безыскусственно-изящныхъ пѣсень“. Изучая изящныя произведенія древнихъ классиковъ, Майковъ открылъ богатый источникъ для своихъ вдохновеній, расчистилъ себѣ широкую дорогу и смѣло пошелъ по ней. И такъ много въ его пьесахъ эллинскаго духа, столько антологическаго, что каждая изъ нихъ похожа

Майковъ является объективнымъ художникомъ. Кстати сказать, поэтъ признавалъ необходимость объективнаго творчества: содержаніе и самый тонъ рѣчи изображаемаго лица должны строго соответствовать его духовнымъ особенностямъ и той эпохѣ, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ. И поэтъ вполне достигалъ этого.

Въ Италіи Майковъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Валеріаномъ, и оба ѣздили вторично въ Парижъ, чтобы пробить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени Аполлонъ Николаевичъ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и въ Collège de France и еще болѣе обогатился знаніями, такъ отразившимися на развитіи его творчества. Передъ возвращеніемъ въ Россію поэтъ побывалъ въ чешской Прагѣ. Его тянуло поближе взглянуть на славянъ, присмотрѣться къ ихъ быту, узнать ихъ прошлое, тѣмъ болѣе, что славянство очень занимало его еще и раньше. Знакомство съ славянскимъ міромъ и его юридическими памятниками дало Майкову матеріалъ для его кандидатской диссертациі—„О первоначальномъ характерѣ законовъ по источникамъ славянскаго права“. Одинъ изъ біографовъ поэта говоритъ: „громадной заслугой этого труда было уже то, что онъ открылъ собою рядъ дальнѣйшихъ университетскихъ работъ по славянской исторіи и славянскому праву“. Какъ первый по времени въ этомъ направленіи, юридическій трудъ А. Н. Майкова обратилъ на себя вниманіе въ университетѣ. Профессоръ Варшевъ замѣтилъ по поводу диссертациі Майкова, что въ ней много любопытнаго и новаго.

Мы остановились на этой юридической работѣ нашего поэта потому, что она объясняетъ тотъ интересъ, съ которымъ онъ относился къ славянской жизни и который задержалъ его въ Прагѣ. Тогдашняя славянская жизнь и наука сосредоточивались въ этомъ городѣ: здѣсь жили писатели и ученые, здѣсь Вячеславъ Ганка и Шафарикъ составили тѣсный кружокъ своихъ единомышленниковъ, въ которомъ уже чувствовалось пробужденіе національнаго чувства, зарожденіе славянской самобытности, идеи самостоятельности. Майковъ познакомился съ обоими славянскими дѣятелями и нашелъ въ кружкѣ ласковый, дружественный пріемъ. Онъ написалъ чешскую пѣсню, переведенную Шафарикомъ и тогда же положенную на музыку:

Чехъ сидитъ надъ Лабой горной,

Къ чеху соколъ прилетѣлъ:

„Чтѣ сидишь ты съ думой черной?

Ты бы пилъ, да ты бы пѣлъ!“

— Радъ бы пить я, да не пьется,

Радъ бы пѣть, да не поется!..

Посѣтилъ Майковъ и Дрезденъ, гдѣ изучалъ памятники искусства въ художественной галлерей. Пробывъ за границей съ 29 іюня 1842 г. по 8-е марта 1844 г., онъ вернулся на родину и началъ знакомиться съ многими выдающимися писателями: Тургеневымъ, Григоровичемъ, Панаевымъ, Некрасовымъ, Вѣлинскимъ, кружокъ котораго онъ одно

время дѣятельно посѣщаль и невольно отдавался его настроенію. Оно отразилось въ двухъ его поэмахъ: „Машенька“ и „Двѣ судьбы“, въ которыхъ поэтъ касается вопросовъ, уже волновавшихъ общественное самосознаніе, и которые, по собственному признанію поэта, относятся къ его „средней эпохѣ“, въ особенности „Двѣ судьбы“, съ героемъ поэмы Владимиромъ—отголоскомъ славянофильскихъ идей съ одной стороны и западничества Бѣлинскаго—съ другой.

Въ этой поэмѣ, вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ, Майковъ сдѣлалъ попытку представить положеніе молодого, развивающагося поколѣнія среди неразвитого, закоснѣвшаго въ старыхъ привычкахъ общества. Герой поэмы, Владимиръ, пламенный поклонникъ природы, красоты, любящій науку, искусство, еще молодой человѣкъ, но уже достаточно разочаровавшійся въ своихъ самыхъ свѣтлыхъ надеждахъ, допытывается у судьбы о томъ, какая тайна кроется въ медленности развитія нашей общественной жизни. Онъ вдумывается въ причины своего душевнаго разлада, охлажденія—и горячо молится за родину, прося Творца, для счастья родины, послать новаго пророка, чтобы этотъ пророкъ, подобно царю Петру, живымъ, мощнымъ словомъ двинулъ неразрѣлое общество впередъ, пробудилъ въ немъ жизнь. Онъ горько упрекаетъ тѣхъ, кто не понялъ идеи великаго преобразованія:

Ужель, когда мессія нашъ возсталъ,
Васъ пробудить и міръ открыть вамъ новый,
Въ васъ мысль вдохнулъ, вамъ жизнь иную далъ—
Не вняли вы его живое слово,
И гласъ его въ пустынь прозвучалъ?
И, грустные, идете вы, какъ тѣни,
Безъ силы, безъ страстей, безъ увлеченій?
Или была наука вамъ вредна?
Иль, дикаго растливъ, въ вашъ духъ она
Не пролила свой пламень животворный?
Иль, лѣнью окованнымъ позорно,
Не по плечу вамъ мысли блескъ живой?..

Много прекрасныхъ страницъ разсѣяно въ этой поэмѣ, но въ общемъ она показала, что ея духъ, настроеніе не сродни Майкову, его чисто-художественному таланту.

Въ кружкѣ Бѣлинскаго Майковъ чувствовалъ себя чужимъ, „гостемъ“ и отдыхалъ душой въ тѣсномъ домашнемъ кружкѣ среди товарищей и друзей: П. М. Цейдлера, впоследствии извѣстнаго педагога, С. С. Дудышкина, извѣстнаго критика и соредатора „Отечественныхъ Записокъ“ Краевского, И. А. Гончарова и Ѳ. М. Достоевскаго, съ которымъ Аполлонъ Николаевичъ былъ друженъ до самой кончины послѣдняго, глубоко цѣнившаго талантъ своего друга. Къ этому времени относится и знакомство поэта съ Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ, извѣстнымъ, но мало оцѣненнымъ у насъ критикомъ, который высоко цѣнилъ впоследствии талантъ Майкова. И вотъ что писалъ Григорьевъ о поэтѣ въ „Москвитянинѣ“ 1853 года: „Мы ставимъ высоко Аполлона

Майкова — поэта, съ явнымъ преобладаніемъ объективности въ творчествѣ, но въ дѣятельности котораго нельзя подмѣтить непріятно дѣйствующей на читателя фальши равнодушія или столько же непріятно дѣйствующей форсированной пластичности... Майковъ никогда не насилуетъ себя на античное воззрѣніе, хотя, какъ истинный художникъ, по натурѣ горячо сочувствуетъ античной красотѣ, тонко понимаетъ ее и сознаетъ, что удобнѣе было быть художникомъ во времена непосредственности, неразорванности созерцанія. Онъ самъ высказалъ чрезвычайно искренне и вѣрно свое отношеніе къ искусству, какъ поэтъ новаго:

Быль глушь когда-то человѣкъ:
Младенцемъ жить и умеръ грекъ,
И въ простотѣ первоначальной,
Что слышалъ въ сердцѣ молодомъ,
Творилъ довѣрчиво рѣзцомъ
Онъ въ красотѣ монументальной..
А ты, художникъ нашихъ дней,
Ты, аналитикъ и психологъ,
Что въ нашемъ духѣ отыскалъ?
Съ чего снимать блестящій сколокъ
Ты мрамору и бронзѣ далъ?..
Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь
И, мучась тѣсной пустотой,
Боговъ Олимпа къ намъ изводишь,
Забывъ, что было въ нихъ душой...

И, не имѣя ни малѣйшей нужды, какъ поэтъ новый, хотя съ жаркимъ и тонкимъ чувствомъ пластической красоты, прибѣгать къ неистовому ей поклоненію, а съ другой стороны, не мучась душевной пустотой, — онъ художническими, часто литыми чертами выражаетъ то, что поражаетъ его, какъ художника и мыслителя, не обходя никакихъ вопросовъ современности, если они дѣйствительно возбуждаютъ въ немъ живое художническое сочувствіе. Съ другой стороны, г. Майковъ чуждъ и противоположной напряженности субъективной... Ему чужда всякая фальшь и форсировка, но изъ этого не надобно заключать, чтобы Майковъ наклоненъ былъ впадать въ крайности объективности, въ тупое равнодушіе, или, чтобы даже лиризмъ его отличался особеннымъ спокойствіемъ; ничуть не бывало: страстнѣе многихъ стихотвореній Майкова, иногда даже тревожили ихъ — вы не много найдете; но всегда въ нихъ типично и чувство и выраженіе... Насколько міросозерцаніе Майкова, при всей объективности, далеко отъ тупого спокойствія, всего очевиднѣе въ его поэмахъ... Въ послѣднее время, сколько мы знаемъ, вопросы и интересы (современности), глубоко принимаемые впечатлительной натурой нашего поэта, обрѣли и въ этомъ родѣ надлежащія стройныя и вмѣстѣ строгія художническія формы. И въ заключеніе проницательный критикъ пророчески говоритъ: „Майкову въ этомъ родѣ, какъ намъ кажется, тѣсны рамки обыч-

ной дѣйствительности, нужны грандіозные размѣры и характеры древняго или, по крайней мѣрѣ, средневѣковаго міра: таково уже свойство его таланта, что у него не выйдетъ лица изъ героя „Двухъ судебъ“, Владимира, но зато выйдетъ живой образъ изъ эпикурейца, напри- мѣрѣ, Люція, который въ послѣдній часъ хочетъ ухнуть „дыханьемъ травъ и моремъ спящимъ, и солнцемъ, въ волны заходящимъ, и Лиды ясной красотой...“, что, однимъ словомъ, онъ останется лирикомъ, хотя и въ высокой степени объективнымъ“.

Крымская война, настроеніе, охватившее русское общество, невольно сообщило чуткому поэту, образъ мыслей котораго достигъ полной зрѣлости. Свои тогдашнія чувства, свои думы онъ ярко выражаетъ въ письмѣ къ А. О. Писемскому, появившемся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1854 года. Поэтъ пишетъ: „Нынѣшняя война въ нашей частной жизни, въ исторіи нашихъ убѣжденій—событіе столько же рѣшительное, столько же важное, какъ и въ политическомъ мірѣ. Надобно быть слѣпымъ упрямымъ, улиткоподобною флегмой, чтобъ не отозваться на ту электрическую искру, которая потрясла всѣ сословія русскаго народа. Съ какимъ-то судорожнымъ напряженіемъ ожидаю, что изъ этого будетъ, и не могу еще обхватить мыслью и связать въ одно стройное цѣлое, въ одну картину того, что внутреннее сознаніе цѣлаго народа говоритъ ему, что онъ такое, на что онъ призванъ и какія силы въ немъ хранятся. Я готовъ пророчить, что нынѣшнія событія—величайшій шагъ въ нашемъ развитіи: съ нихъ начнется новый періодъ нашей исторической жизни уже потому, что они заставили всѣхъ и cadaго вдругъ, внезапно остановиться и спросить себя: „кто же ты?“. И каково бы ни было образованіе cadaго, изъ какихъ бы источниковъ ни почерпнулъ онъ свои знанія и мнѣнія, всѣ въ одинъ голосъ, въ одинъ мигъ должны были разрѣшить этотъ вопросъ и единодушно, передъ судомъ совѣсти, отвѣтить: „Я—русскій!“... Ничто не подавило въ нашемъ сознаніи, что можно быть ученымъ и образованнымъ человѣкомъ и чувствовать, что мы въ то же время русскіе, и что въ насъ превыше всего одно святое чувство любви къ отечеству!.. На насъ, писателей, лежитъ великій долгъ—увѣковѣчить то, что мы чувствовали со всѣми. Намъ слѣдуетъ уяснить и осязательно нарисовать тотъ идеаль Россіи, который ощутителенъ всякому...“

Благодаря такому настроенію, такому восторженному порыву, Майковъ написалъ рядъ стихотвореній, которыя онъ напечаталъ въ разныхъ журналахъ, а затѣмъ собралъ и выпустилъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: „1854 годъ“. Къ нимъ—какъ бы прелюдией является стихотвореніе, написанное въ декабрѣ того года и до извѣстной степени одухотворенное мыслями, которыя поэтъ отчасти высказываетъ въ открытомъ письмѣ Писемскому—

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь--блаженство для меня!

Меня гармоніи тогда плѣняли тайны,
 И самъ своихъ стиховъ заслушивался я...
 Теперь не служить стихъ мнѣ праздною забавой,
 Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой,
 На зовъ торжественный отечественной славы.
 Широкий горизонтъ открылся предо мной.
 Рукою вѣрно берусь теперь за лиру,
 И, обновленная, привѣтствуетъ она
 Намъ новыхъ дней зарю...

Самъ Некрасовъ въ своемъ „Современникѣ“ встрѣтилъ эту книжку стихотвореній Майкова полнымъ одобреніемъ и писалъ между прочимъ: „Новое направленіе, одушевляющее лиру г. Майкова — отголосокъ того чувства, которымъ нынѣ проникнуто сердце всякаго русскаго патриота; оно вызвано справедливымъ убѣжденіемъ нашего поэта, что

Не полны воинскіе лавры
 Безъ звона неподкупныхъ лиръ.

Г. Майковъ созналъ, что на немъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едва ли имѣетъ Россія, прямымъ образомъ лежить обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства. Онъ смѣло приступилъ къ исполненію этой обязанности и послѣ нѣсколькихъ стихотвореній, разбѣянныхъ въ журналахъ, даритъ намъ небольшую книжку съ заглавіемъ: „1854 годъ“, къ событіямъ котораго относится ея содержаніе. И, выписавъ пьесу „Пастухъ“, Некрасовъ говоритъ далѣе: „Эти прекрасные опыты въ чисто-народномъ духѣ показываютъ намъ, что талантъ г. Майкова столь же гибокъ, какъ и силенъ... Если стихъ г. Майкова прибавилъ хотя единую искру одушевленія къ той массѣ патриотическаго энтузіазма, которымъ преисполнены русскія сердца, то поэтъ, измѣнивъ направленіе согласно требованіямъ современности, поступилъ прекрасно и благородно — даже и въ такомъ случаѣ, если бъ эта перемѣна послужила въ ущербъ его таланту“.

Но не таковъ поэтический геній Майкова. Онъ нимало не пострадалъ отъ временнаго порыва поэта. Вдохновенный пѣвецъ остался вѣренъ себѣ, задачамъ истиннаго художника, поклоненію красотѣ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого понятія. Изъ-подъ его пера вылились такія пьесы, какъ „Мечтанія“, „Подъ дождемъ“, „Нива“, „Въ лѣсу“, „Поле зыблется цвѣтами“, „Весна“, „Мать и дочь“, „Розы“, „Импровизация“, „Звуки ночи“, „Вотъ бѣдная чья-то могила“, „Ласточки“, „Осень“ и проч. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ чувствуется прежній антологистъ и созерцательный, пытливый художникъ съ волшебною палитрой, съ удивительнымъ рѣзцомъ въ античномъ духѣ. Какая прелесть стиха, сколько художественности въ образахъ, какія богатые поэтическія мысли, какая глубина чувствъ! Пятидесятые годы, на рубежѣ шестидесятыхъ особенно плодотворны въ дѣятельности Майкова, пластичность и картинность поэзіи котораго всегда была ея характерной чертой. Не измѣ-

нился талант Майкова, но творчество его расширилось, обогатилось новымъ содержаніемъ. Это вызвано было и тѣми стремленіями, которыя съ половины пятидесятихъ годовъ окрѣпили въ поэтѣ, и оживленіемъ въ обществѣ послѣ Крымской войны. Новымъ пламенемъ, еще болѣе яснымъ, еще болѣе горячимъ, вспыхнула въ поэтѣ, въ его отзывчивой душѣ, любовь къ родинѣ, къ ея природѣ, къ быту „непросвѣщеннаго народа“...

Не одной вышней красотой, не одними милыми, прелестными картинами полны пѣсни Майкова, вызванныя его обожаніемъ родины, не бурнымъ и стремительнымъ, а тихимъ, спокойнымъ. Въ нихъ выступаетъ выпукло лирическая философія, идейность; ошутителенъ здѣсь и лирическій пантеизмъ поэта, существенно разнящійся отъ объективнаго пантеизма. Образчикомъ стихотвореній, въ которыхъ ярко сквозитъ какая-нибудь мысль, порою глубокая, могутъ служить такіа пѣссы, какъ „По нивѣ прохожу я узкою межей“, „Журавли“, „Болото“, „Облачка“, „Картинка“, „Поля“ и т. д. Въ пѣснѣ „Журавли“ поэтъ говоритъ:

Отъ криковъ ихъ на небѣ дальнемъ
Какъ будто благовѣсть идетъ—
Привѣтъ лѣсамъ патріархальнымъ,
Привѣтъ знакомымъ плесамъ воды!..
Здѣсь этихъ водъ и лѣсу вволю,
На нивахъ сочное зерно...
Чего жъ еще? вѣдь имъ на долю
Любить и мыслить не дано...

Еще рельефнѣе въ этомъ отношеніи стихотвореніе „Облачка“, гдѣ поэтъ сравниваетъ тучки небесныя со страстями сердца, съ бредомъ вдохновенія и дѣлаетъ заключеніе, что безъ этихъ жизненныхъ облачковъ былъ бы чуждъ и страшенъ Божій судъ.

Васъ развѣять съ неба жизни,—
И вся жизнь тогда—
Силь слѣпыхъ, законовъ вѣчныхъ
Вѣчная вражда...

Еще Вѣлискій, разбирая антологическія стихотворенія Майкова, писалъ, между прочимъ: „придетъ время—и, можетъ-быть, въ душѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра—міра нравственнаго, міра судебъ человѣка, народовъ и человѣчества“... И Вѣлискій не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Если поэтъ и не опускался въ тину житейскихъ дрязгъ, то, при совершавшихся въ дорогѣ ему отечествѣ событіяхъ, отключался на нихъ, черпалъ отсюда сюжеты для своихъ произведеній. Но и тутъ всегда оставался онъ самимъ собою, не пѣлъ въ угоду какимъ-либо партіямъ, вѣяніямъ и, твердо помня, что „свобода — только въ царствѣ духа“, не измѣнялъ своимъ идеаламъ, служенію красотѣ. Но больше всего его влекли духовныя черты прошлаго Россіи, стойкость родного

народа, подвиги и страданія „двухъ силъ“, шедшихъ рука объ руку въ государственномъ дѣлѣ: князя народа, вождей земли, многолѣтняя судьба строителей русскаго царства, выдавшихъ на своемъ вѣку столько страданій ради любви къ народному краю. Съ необыкновенной любовью, съ большимъ подъемомъ рисуетъ Майковъ картины этого прошлаго. Такихъ стихотвореній у Майкова не много, но въ нихъ поэтъ сказалъ гораздо больше, чѣмъ кто-либо изъ его собратьевъ по перу о чувствахъ и настроеніяхъ, двигавшихъ нашимъ народомъ. Невольно воспоминается прелестная пьеса поэта „Упраздненный монастырь“, гдѣ представлена богатая картина отечественной средневѣковой обители. Эта картина озарена глубокимъ пониманіемъ всего сдѣланнаго ею для русскаго общества. Глубоко вѣрить поэтъ въ призваніе родной Руси и умиляется ея долготерпѣнію, выносливости, крѣпости. Онъ говоритъ:

...и вытерпѣла ты,
Святая Русь, что посылалъ
Тебѣ Господь,—всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и опаль...
Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка—
Но вѣришь ты, что Богъ, любя,
Тебя караль—и тѣмъ крѣпка!

Въ эпоху умственного движенія русскаго общества стоявшій во главѣ морского министерства великій князь Константинъ Николаевичъ, желая оживить органъ министерства „Морской Сборникъ“ расширеніемъ его программы и привлеченіемъ къ сотрудничеству въ немъ извѣстныхъ литераторовъ, рѣшилъ устроить ихъ поѣздки по Россіи съ тѣмъ, чтобы писатели изслѣдовали разныя мѣстности ея въ географическомъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніяхъ и результаты своихъ изслѣдованій помѣщали въ „Морскомъ Сборникѣ“. Для поѣздки по Россіи приглашены были: Островскій, Потѣкинъ (А. А.), Писемскій, Гончаровъ, М. Л. Михайловъ, С. В. Максимовъ, Афанасьевъ-Чужбинскій и другіе. Августѣйшій генералъ-адмиралъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ нужнымъ командировать Аполлона Николаевича на годичный срокъ въ морское вѣдомство и зачислить въ составъ морской экспедиціи, отправляемой въ Грецію и Архипелагъ на корветѣ „Баянъ“. Прежде чѣмъ отправиться въ эту экспедицію, Майковъ со свойственной ему добросовѣстностью сталъ приготовляться къ путешествію и прежде всего выучился, подъ руководствомъ Георгія Спиридоновича Дестуниса, извѣстнаго ученаго и писателя, новогреческому языку. Майковъ быстро усвоилъ этотъ языкъ, чему много способствовала его даровитая натура, и недаромъ Гротъ когда-то писалъ Плетневу, что у Майкова много талантовъ: „онъ поэтъ, живописецъ, музыкантъ, полиглотъ“. Корветъ „Баянъ“ началъ плаваніе съ августа 1858 года съ греческихъ водъ, затѣмъ, постоаявъ въ Рагузѣ, отправился въ Палермо и Неаполь. Плодомъ этой

поэздки Майкова явился рядъ его стихотвореній подъ общимъ заглавiемъ: „Неаполитанскій альбомъ“, написанныхъ въ легкомъ проническомъ тонѣ, въ шутиливой формѣ и съ приущимъ поэту изяществомъ. Въ „Неаполитанскомъ альбомѣ“ онъ вѣрно и живо отразилъ, по замѣчанiю одного критика, черты красивой страсти, вольнаго веселья Италiи, къ которымъ не остается равнодушень поэтъ. Но въ глубинѣ каждой пьески „альбома“ вы видите скептически-насмѣшливое лицо поэта, не вѣщаго ни въ эту красоту ни въ эту волю. Что касается „Новогреческихъ пѣсень“, внушенныхъ Майкову тою же поѣздкой, то въ нихъ онъ воспѣваетъ героевъ маленькаго народа, отстаивавшихъ свою вѣру, свою свободу въ непрестанной борьбѣ съ азиатскими варварами-угнетателями. Безхитростны эти греческiя пѣсни, но прекрасно характеризуютъ духъ народа, его настроенiе и своеобразную мудрость; онѣ полны милой искренности, настроенiя и тихой прелести. Воинствующимъ клефтамъ, „паликарамъ“ поэтъ отдаетъ свои симпатiи. Картинно рассказываетъ онъ о гадальщицѣ-египтянкѣ, предсказывающей молодой дѣвушкѣ гибель юноши-красавца, ея милаго, или о воинственномъ городѣ Сули, гдѣ „въ рядахъ мужей воюютъ жены, дѣвицы и дѣти“.

И съ ружьемъ въ рукѣ выводитъ
Всѣхъ Цавелиха ихъ въ поле...
На плечахъ съ груднымъ младенцемъ
И съ патронами въ подолѣ...

Благородной натурѣ поэта мила и героиня-дѣвушка, борющаяся съ врагами, переодѣтая мальчикомъ и обнаружившая свой полъ нечаянно при метанiи камней. Когда присутствующiе ослобѣли,

Зарѣлася красавица, отъ гнѣва чуть не плачетъ—
„Чего глядите?—крикнула,—три года были слѣпы!“
Свой фесъ и ножъ имъ бросила, и скрылася изъ виду.
Съ тѣхъ поръ пропасть и слухъ о ней въ горахъ, у паликаровъ.
Но во святой обители, между бѣлицъ смиренныхъ,
Смиреннѣй всѣхъ ихъ новая бѣличка появилась.

Къ 1858 году относится появленiе второго сборника стихотворенiй Майкова. Новый сборникъ, въ двухъ томахъ, изданъ былъ извѣстнымъ тогда меценатомъ гр. Григорiемъ Александровичемъ Куселевымъ-Безбородко, причастнымъ къ литературѣ, писавшимъ рассказы подъ псевдонимомъ *Грицко Григоренко*, и основателемъ журнала „Русское Слово“, и встрѣтилъ сочувственные отзывы въ печати. Появленiе его дало поводъ страстному любителю литературы, большому ея знатоку, критику А. В. Дружинину сдѣлать характеристику перелома въ образѣ мыслей Майкова, „когда онъ обнаруживать столько чуткости къ кореннымъ началамъ русской жизни и къ общественному возбужденiю, послѣдовавшему въ Крымскую войну и за нею“. Отвѣчая всему живому

и человѣческому, — писалъ Дружининъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, — Майковъ выучился уважать тѣ границы, въ которыхъ должна держаться дѣятельность поэта истиннаго, вполне призналъ основы и серьезность вліянія, какое всякій поэтъ можетъ имѣть на общество, ему современное. Навсегда отстранившись отъ партіи въ дѣлѣ поэзии, онъ не только поставилъ свое призваніе превыше всякой временной партіи, но, такъ сказать, подчинилъ себѣ все временное и преходящее, мирно замыкая въ свои пѣсни лишь одно то, что вѣчно и всесторонне“. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь и тѣ слова самого поэта, которыми уясняется „средняя“ эпоха его творческой дѣятельности и которыя характеризуютъ міросозерцаніе, взгляды поэта. Майковъ рассказываетъ, какъ эпоха реформъ, брань на старое ошеломяли его, „но уже тутъ было столько жизненнаго, независимаго отъ литературы“, что онъ возрадовался, когда „великія идеи новаго царствованія открыли новые горизонты“. Майковъ около того времени познакомился съ такъ называемой „молодой редакціей“ „Москвитянина“, которую составляли Аполлонъ Григорьевъ, Островскій, Писемскій, мало оцѣненный у насъ критикъ-эстетикъ Эдельсонъ, Тертіи Филипповъ и другіе, и сблизился со славянофилами. „Здѣсь, — признается Майковъ, — показалось мнѣ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ; но, принявъ кое-что изъ идей старыхъ славянофиловъ, я не могъ вполне принять ихъ ученія, принять основы, почувъ въ нихъ историческую правду, но отвергъ выводы, какъ фантастическіе и отвергающіе исторію, а въ ней и цѣлую русскую имперію...“ „Засимъ, — говоритъ далѣе Майковъ, — знакомство съ Ѳ. И. Тютчевымъ и его расположеніе ко мнѣ, все скрѣпленное пятнадцатилѣтнею службою вмѣстѣ и частыми бесѣдами и свиданіями, окончательно поставило меня на ноги, дало высокія точки зрѣнія на жизнь и міръ, Россію и ея судьбы въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, и сообщило тотъ устой мысли, на коемъ стою и теперь и на коемъ воспиталъ свое семейство. Этотъ устой далъ мнѣ при этомъ еще одно благо: полную независимость и свободу мысли отъ постороннихъ вліяній. Напротивъ, самъ вывелъ многихъ изъ мрака и шатанія. Такимъ образомъ завершился періодъ исканій правды въ философіи, религіи, политикѣ. Нравственная евангельская правда одна съ малотѣтства не была поколеблена, плюсъ нѣкоторыя рыцарскія фамиліныя преданія. Когда все это установилось и отошло на задній планъ, тогда только началось настоящее творчество, въ связи отчасти съ непредвидѣнными событіями жизни, отчасти съ ходомъ внутренней работы мысли“. Эти искреннія строки находятся въ письмѣ Майкова изъ Константинополя къ одному изъ близкихъ пріятелей его и сослуживцевъ по комитету цензуры иностранной, М. Л. Златковскому, и очень цѣнны для уясненія нравственнаго облика поэта, который, познавъ себя, утвердившись въ идеалахъ, уже неуклонно съ тѣхъ поръ шелъ своей дорогой.

Разбирая собраніе стихотвореній Майкова, вышедшее въ 1858 г.,

Дружининъ чрезвычайно лестно отзывается о „въ высшей степени замѣчательныхъ“ пьесахъ: „Нива“, „Осень“, „Импровизація“, „Звуки ночи“, „Рыбная ловля“, на этихъ шедеврахъ музыки Майкова и на поэмахъ: „Савонарола“ и „Три смерти“, которыя обозначаютъ собою „новую ступень развитія поэта и новую область для всей его дѣятельности“. Талантъ Майкова онъ опредѣляетъ такъ: „Это, — говоритъ критикъ, — поэтъ-художникъ, поэтъ-пластикъ, но не лирикъ; писатель, замѣчательный мастерскою спокойною отдѣлкою своихъ стихотвореній, онъ съ перваго своего появленія передъ русскою публикою сталъ поэтомъ мысли и безтрепетно принялъ на себя весь нескончаемый трудъ, сопряженный съ этимъ званіемъ“. Въ этихъ двухъ томахъ, — замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ критикъ — „едва ли найдется неловкая рима, неровный стихъ, небрежный оборотъ рѣчи или торопливо набросанное заключеніе... Въ настоящемъ изданіи авторъ принялъ къ свѣдѣнію всѣ дѣльные указанія критиковъ (ипога очень темныхъ), округлилъ и сгладилъ всѣ стороны, носившія въ себѣ отпечатокъ несовершенства, и, изгнавъ всѣ неточныя выраженія, замѣнилъ всѣ тирады, замѣченныя въ нѣкоторой сухости, новыми образами, отличающимися рельефностью исполненія или сжатой силою слога. Къ поэту, до такой степени строгому и чуткому на всякое полезное указаніе, только самая презрѣнная критика можетъ отнестись съ излишнею строгостью“. Въ изданіе стихотвореній Майкова гр. Куселева-Везбородко вошла и написанная за годъ передъ выходомъ этого изданія поэма „Савонарола“. На нее критика обратила особенное вниманіе, какъ на глубоко-задушевное произведеніе, выразившее такъ ярко, такъ ясно весь микрокосмъ мыслей поэта, его убѣжденія. Здѣсь Майковъ является поборникомъ науки, приверженцемъ искусства; здѣсь обнаруживаетъ онъ свое восхищеніе античнымъ міромъ, цивилизацію котораго онъ такъ уважалъ, свою высокую человѣчность, истинно-христіанское отношеніе даже къ языческому міру, стремленіе примирить двѣ культуры — христіанскую и языческую; здѣсь онъ является поэтомъ съ философскою подкладкой, поэтомъ-ученымъ. Надо сказать, что Майковъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ подчеркивалъ необходимость науки и для поэта, потому что, по его словамъ, поэтъ безъ науки, чѣдъ человѣкъ безъ хлѣба. „Крѣпокъ мой даръ въ огнѣ науки“, говоритъ онъ въ посвященіи книги стихотвореній своихъ матери.

Бездну книгъ прочелъ Майковъ, цѣлые годы просиживалъ надъ изученіемъ эпохи, изъ которой у него взяты поэмы „Три смерти“ и „Два міра“, ознакомился съ народнымъ эпосомъ и нашимъ, и сербскимъ, и новогреческимъ, и другими памятниками народнаго творчества; четыре года изучалъ „Слово о полку Игоревѣ“; много поглотилъ онъ матеріаловъ, чтобы написать свою поэму „Странникъ“ или стихотвореніе изъ славянской жизни „Любуша и Премисль“, долго корпѣлъ онъ надъ изученіемъ греческаго текста подлинника.

прежде чѣмъ сдѣлать переводъ нѣсколькихъ главъ Апокалипсиса. „Бальдуръ“, „Брингильда“, „Кассандра“ — это не только плоды вдохновенія, это и результаты изученія скандинавской и греческой литературъ. Такъ и для поэмы „Савонарола“ Майковъ немало потрудился надъ изученіемъ эпохи и личности этого суроваго реформатора-аскета, крутого монаха, что „въ столицѣ шумной и живой, какъ геній смерти воцарился“, сжигая все мірское — античныя статуи, картины, всякіе памятники дивнаго древняго искусства, столько говорящія душѣ вдохновеннаго поэта. Майковъ глубоко понялъ психологію итальянскаго реформатора съ его обоженіемъ религіи, любовью къ сирымъ и убогимъ, но сердце поэта не лежало къ фанатизму, который, проносясь какъ вихрь степенной, пытался разметать и науку, и литературу Возрожденія, истребить философію, творенія Аристотеля, Платона, Филона, всѣхъ древнихъ мудрецовъ, на томъ основаніи, что, по словамъ Савонаролы, „послѣдняя христіанка умиѣ Платона“, и что всякіе міровые мудрецы „идутъ въ царство дьявола“. Въ коротенькомъ стихотвореніи поэтъ ярко, красочно изобразилъ фигуру монаха-реформатора, желавшаго всѣхъ итальянскихъ женщинъ облечь въ монашескія одежды, требовавшаго пытокъ для игрока, сожженія развратника и т. п. Картинно представлена у Майкова сцена уничтоженія бѣсовскаго навожденія — карнавала. Чудно озаряло солнце фигуру Джироламо Савонаролы.

Онъ крестъ держалъ, главу склоняя
И указуя въ небеса...
Въ глубокихъ впадинахъ сверкая,
Его свѣтились глаза:
Народъ внималъ ему угрюмо
И рвалъ бѣсовскіе костюмы,
И, маски сбросивши тайкомъ,
Рыдали женщины кругомъ...

Монахъ дерзко соорился съ папой и въ концѣ концовъ очутился на кострѣ. И, задыхаясь въ пламени, произнесъ то имя, во славу котораго онъ умиралъ:

Христомъ былъ духъ его напнтанъ,
И за Него на казнь онъ шелъ:
Христа же именемъ прочитанъ
Монаху смертный протоколъ...

Его сожгли именемъ Христа, Который проповѣдывалъ терпимость, всепрощеніе, высокую любовь ко всему живому. А у знаменитаго реформатора, тоже дѣйствовавшаго именемъ Христа, не было ни этой любви ни терпимости. Надо ли говорить, какая глубокая мысль озаряетъ это стихотвореніе, въ особенности его заключительныя строфы. Родственными этой мысли идеями проникнута и пѣса „Приговоръ“ (легенда о Констанцкомъ соборѣ). Религіозность не показная, а истинная, глубокая, сквозитъ въ этихъ и другихъ стихотвореніяхъ Майкова, вводившаго христіанское настроеніе въ большинство своихъ произведеній и

глубоко убѣжденнаго въ томъ, что религія является общечеловѣческимъ, общегосударственнымъ дѣятелемъ, основою нашей исторической жизни. Подобно неизсякаемому источнику живой воды, она всегда утоляла духовную жажду русскаго человѣка, и Майковъ неоднократно отмѣчалъ въ своей поэзіи всю благодать, всю важность этого свѣтозарнаго источника. Христіанское настроеніе русской души часто воодушевляло поэта, давало пищу его вдохновенію. Онъ благоговѣнно относился къ набожности православнаго русскаго народа и съ любовью говорилъ о его храмахъ, обителяхъ, святителяхъ, благочестивыхъ князьяхъ и подвижникахъ земли русской. Въ стихотвореніи „Нива“, созерцающая будущую жатву, „Божью благодать“, поэтъ съ одушевленіемъ восклицаетъ:

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!..

Когда онъ входитъ въ храмъ и видитъ массы возженныхъ свѣчей передъ иконами, онъ умиляется духомъ. Свѣчи пылаютъ, гармонируя съ торжественнымъ пѣніемъ клироса, и поэту кажется, будто свѣтлый ангелъ упованья вѣщаетъ надъ толпою молящихся. Знаменованье этихъ восковыхъ свѣчей—говоритъ поэтъ—

Чую трепетной душой:
Это—мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ-быть... убійцы...
Покаянная тоска...
Это—свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души...

Глубоко-вѣрующій христіанинъ въ личной жизни и вполне уяснившій себѣ значеніе христіанства, Майковъ такимъ христіаниномъ весь отразился и въ своихъ произведеніяхъ, воспѣвалъ ли онъ родную природу, вѣка и народы, историческія событія и вообще бывшее родины и чужбины. Сумѣвъ своей чуткой душой понять не только событія, но и уразумѣть вполне ихъ истинный смыслъ, Майковъ, по выраженію Бестужева-Рюмина, старался „вознести къ высшему религіозному началу и въ немъ слиться со своимъ народомъ“. Подобно другу своему и до извѣстной степени единомышленнику Тютчеву, онъ „считалъ Россію по природѣ христіанскимъ царствомъ и хранительницей истиннаго христіанскаго духа“. Характеризуя поэта, проникновеннаго религіознымъ духомъ, поэта, въ творествѣ котораго ярко отразились христіанскіе взгляды и идеалы, проф. Е. В. Барсовъ говоритъ: „Небеса повѣдали славу Божию“—вотъ вѣра, изъ которой всегда исходила творческая мысль Аполлона Николаевича и которою прониклось его вдохновенное слово“.

Къ пятидесятымъ годамъ относится и стихотвореніе Майкова „Дурочка Дуня“, „идиллія“, какъ назвалъ ее поэтъ, философская вещь, наводящая на цѣлый рядъ вопросовъ и считающаяся въ числѣ образцовыхъ произведеній его. Это — рассказъ бабушки о своей внучкѣ, которую она называетъ дурочкой. Дуня страстно любила природу, отъ общенія съ которой у нея сильно развилось чувство, воображеніе, фантазія. „Она не умѣла разсуждать, не умѣла задумываться, а быстро отзывалась только на то, что непосредственно вліяло на ея чувство и воображеніе; всѣ порывы ея души тотчасъ переходили въ дѣйствіе. Кромѣ природы, любила она дѣтей, нянчилась съ ними, „все имъ сказки говорила про русалокъ да князей“. И откуда у ней брались слова при разсказахъ? Разговаривала она съ животными, съ птицами, точно знала ихъ языкъ, по крайней мѣрѣ, она воображала, что птицы понимаютъ ее. Свобода ей была всего дороже; „дурочка“ уходила изъ дому, а если ее удерживали и возвращали домой, пряталась куда-нибудь въ уголокъ и плакала... Ей —

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою набереть,
Станетъ въ полѣ, смотреть въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветь...

Она была наивна до крайности, до самозабвенія, благодаря чему умственныхъ силъ ей не доставало. Страхомъ она не вѣдала: не боялась спать въ одной комнатѣ съ мертвецами, не боялась отдаваться и стремительнымъ порывамъ души; находилъ на нее веселый стихъ, и она хохотала, плясала, рѣзвилась. Сливая съ природой свою жизнь, Дуня не могла сообразить, насколько ея слабыя силы несоразмѣрны съ громадными силами природы, и при первомъ столкновеніи съ ними погибла. Ее потянуло куда-то вдаль, къ иной жизни, какую рисовало ей пылкое воображеніе, въ какую-то волшебную страну. Дуня ушла отъ родныхъ, отправилась въ путь зимой и замерзла. Бабушка, отъ лица которой ведется рассказъ, утѣшала себя тѣмъ, что, видно, ея внучкѣ „не жилось на свѣтѣ“, потому что Богъ не долго даетъ жить юродивымъ. Они Божьи дѣти, „прямо въ рай Онъ ихъ беретъ“. Разсказчица-бабушка признается, что, хотя у ея внучки мало было соображенія и вся ея жизнь была бредомъ, а все-таки безъ Дуни пусто стало въ семьѣ: какъ будто не стало души въ домѣ. Прекрасно проведена въ этомъ стихотвореніи мысль о наивномъ отношеніи къ жизни. Наивна была Дуня въ своихъ порывахъ и дѣйствіяхъ, наивно разрѣшала всѣ вопросы, согласно съ религіозными чувствами своего сердца, и ея бабушка, представительница помѣщичьей семьи средняго достатка, идиллію которой такъ мастерски набросалъ поэтъ. Помимо характера „юродивой“ дѣвушки, обрисованнаго нѣсколькими штрихами, чрезвычайно выпукло, красиво поэтъ мимоходомъ отмѣтилъ и ничтожность человѣка передъ

силами природы—то, что другой поэт-философъ, Тютчевъ, высказалъ въ своей пьесѣ „Пожары“:

Предъ стихійной грозной силой
Молча руки опусти,
Человѣкъ стоять уныло —
Безпомощное дѣтя...

Большое вниманіе тогдашняго (конца пятидесятихъ годовъ) критика обратила на знаменитую поэму Майкова „Три смерти“, въ которой съ такою красотой изображена картина языческаго Рима временъ упадка, съ величественными фигурами его представителей. Поэта давно занимало переходное время отъ античнаго римскаго міра къ міру христіанскому, самое интересное въ ряду историческихъ моментовъ человѣческаго бытія, являющееся событіемъ первой важности. Богатый матеріалъ для изслѣдованій и наблюденій этого событія, которое легло въ основу нашего нравственнаго и общественнаго строя, будучи тѣсно связано съ высшими интересами нашего существованія, не могло не занимать вдумчиваго поэта. Множество вопросовъ и соображеній, ставшихъ предметомъ научныхъ изысканій, волновали его. Онъ понялъ, что не сухія, хотя бы и всестороннія изслѣдованія могутъ создать полную картину этой знаменательной эпохи, а искусство; только ему, исполненному творческаго смысла, дано приподымать завѣсу, за которой сокрыта отъ насъ даль минувшихъ вѣковъ, только художнику, съ помощью науки, доступно воспроизведеніе прошлой жизни, такъ сказать, воскрешеніе ея души. Поэтъ хорошо зналъ, что попытку изображенія выродившагося и умирающаго Рима и зарождающейся новой жизни на началахъ христіанства уже дѣлали многіе западно-европейскіе писатели, тѣмъ не менѣе, надѣясь на свой талантъ, онъ рѣшилъ наглядно изобразить эту эпоху распада, за которой уже свѣтлѣла эпоха возрожденія. Глубоко заинтересованный своей задачей, онъ поглотилъ немалое количество изслѣдованій, и все яснѣе вставала передъ нимъ задуманная имъ картина, которую онъ и осуществилъ въ своей поэмѣ „Два міра“. Но первоначальныя идеи поэмы, по собственному признанію поэта, зародившіяся въ немъ въ самомъ началѣ его поэтической дѣятельности, онъ долго не могъ выразить такъ, какъ хотѣлъ. Онъ только пытался, и этого рода попытки его мы видимъ сперва въ римскихъ сценахъ временъ пятаго вѣка христіанства подъ заглавіемъ: „Олиночъ и Эсѡиръ“, а затѣмъ въ поэмѣ „Три смерти“ и какъ бы ея окончаніи—„Смерть Люція“.

„Олиночъ и Эсѡиръ“ написана Майковымъ въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ и мало удовлетворила слишкомъ строгаго къ себѣ автора. Въ этой драматической поэмѣ, написанной прекрасными, звучными стихами, представленъ контрастъ и взаимныя отношенія гибнущаго міра языческаго и торжествующаго народившагося міра христіанскаго. Пер-

вый—это Римъ, „огромный бассейнъ, въ которомъ слилось и смѣшалось безчисленное множество ручьевъ. Въмѣсто разныхъ народовъ и государствъ, явилось одно человѣчество подѣ названіемъ римскихъ гражданъ: престолъ римскаго императора былъ источникомъ законовъ вселенной, Пантеонъ — ея храмомъ“. Это была огромная сила. Второй міръ—это та немногочисленная семья, которая дерзнула, явившись неожиданно среди него, начать великую борьбу на жизнь и смерть съ великаномъ, существовавшимъ цѣлые вѣка. На борьбу безъ крови и гнѣва, въ которой оружіемъ были слово и свѣтъ истины, шли христіане. „Два діаметрально-противоположныя начала не могли остаться въ мірѣ: чувственность и духовность, жизнь внѣшняя и внутренняя явились во враждѣ, въ противодѣйствіи“. Въ то время, какъ Римъ представлялъ собою олицетвореніе разложенія, малочисленное общество христіанъ явилось, въ противоположность ему, началомъ созидательнымъ, съ его созерцаніемъ Божества и духа, съ его добродѣтелями. Такова мысль поэта. Вопреки мнѣнію Бѣлинскаго, въ ней много трагическаго. Превосходны послѣднія сцены спасенія Олінеомъ Эсеири, которую, съ небеснымъ вѣнцомъ вокругъ чела, невредимо провелъ архангелъ брани сквозь волны дыма, осыпавъ своимъ крыломъ. Очень оригиналенъ эпилогъ поэмы, блестящимъ поэтическимъ стихомъ написана пиришественная пѣсня римлянъ-язычниковъ. „Олінеъ и Эсеиръ“—зародышъ „Двухъ міровъ“, и, если прочесть ее и поэму „Три смерти“, можно видѣть постепенный ростъ идеи поэта, приближеніе къ совершенству задуманнаго имъ плана.

Любопытно отмѣтить, что Бѣлинскій какъ бы внушилъ поэту мысль въ созданіи величаваго образа Деція, героя поэмы „Два міра“. Разбирая поэму „Олінеъ и Эсеиръ“, критикъ говоритъ въ заключеніе, что Майковъ долженъ былъ бы, въ противоположность христіанству, „избрать послѣдняго римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы—сколько стоическою жизнію и трагическою смертію, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества—все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ“. Эти слова были какъ бы пророческимъ желаніемъ критика, которое исполнилось, хотя и спустя много лѣтъ. И нужно ли говорить, какъ дивно создалъ поэтъ величавую, глубоко-трагическую фигуру „послѣдняго римлянина“, его образъ, цѣльный, живой, какъ будто возставшій изъ гроба и явившійся передъ нами изъ тьмы вѣковъ во всеоружіи своей античной своеобразной красоты. Но прежде, чѣмъ создать этотъ совершенный, удивительный образъ на фонѣ великолѣпной картины нероновскаго Рима, поэтъ пыталъ свои силы въ поэмѣ „Три смерти“. Она читалась въ литературныхъ кружкахъ, но по цензурнымъ условіямъ довольно долго не могла явиться въ печати. Это видно, между прочимъ, изъ переписки Плетнева съ Я. К. Гротомъ. 31 октября 1851 года Плетневъ писалъ своему другу: „Оба новыя стихотворенія

свои Майковъ читаль у меня самъ: одно—„Выборъ смерти“, а другое—„Савонарола“. Они историческія, и это придаетъ имъ особенное достоинство, не говоря уже о томъ, что написаны они энергическими стихами. Только теперь и думать нельзя о напечатаніи: цензура покамѣстъ похожа на удава, который инстинктивно бросается душисть все, что дышитъ!“. Лирическая поэма „Три смерти“ явилась, спусти шесть лѣтъ, въ „Библіотекѣ для чтенія“ (1857 г., октябрь), а „Савонарола“—за нѣсколько мѣсяцевъ раньше въ томъ же журналѣ.

По возвращеніи изъ-за границы, изъ путешествія по Италіи, Майковъ, интересовавшійся отечественной исторіей, познакомился и скоро сблизился съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, Константиномъ Николаевичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, Павломъ Ивановичемъ Мельниковымъ и Евгениемъ Александровичемъ Вѣловымъ. Это знакомство много способствовало занятіямъ поэта исторіей, уясняло ему историческія событія въ родной странѣ. При содѣйствіи Мельникова-Печерскаго, онъ свелъ знакомство кое-съ-къ-мъ изъ старовѣровъ и другихъ раскольниковыхъ сектъ, съ извѣстнымъ отцомъ Парвеніемъ. Въ преданіяхъ „людей древляго благочестія“ Аполлонъ Николаевичъ увидѣлъ новый источникъ для своихъ поэтическихъ вдохновеній и задумалъ большую поэму „Жаждающій“. Но, долго работая надъ нею, онъ успѣлъ написать лишь первую часть, которую посвятилъ Тютчеву и напечаталъ въ исходѣ шестидесятихъ годовъ. Здѣсь выразились его воззрѣнія на своеобразный міръ сектантства, на исканіе Бога представителями этого міра, упорными въ своемъ исканіи и фанатизмъ, его отношенія къ старинѣ русской, которою поэтъ интересовался все больше и больше и все чаще выбиралъ изъ нея сюжеты для своихъ произведеній. И надо удивляться здѣсь его работѣ, его гению. Часто воображеніе помогало ему восполнять скудный матеріалъ, добытый имъ изъ разнообразныхъ источниковъ, создавать цѣльные живые образы. По его собственному признанію, тутъ онъ доходилъ до того, что мнилось ему, будто онъ видитъ воочію эти образы, эти фигуры князей русскихъ разныхъ періодовъ, ихъ фizioноміи даже, и настолько ясно, что, кажется, могъ бы ихъ нарисовать. Для дѣтей и для народа написалъ онъ свои „Разсказы изъ русской исторіи“: о Петрѣ и Алексѣѣ, митрополитахъ московскихъ, о славномъ Мамаевомъ побоищѣ, о взятіи Константинополя турками, объ Иоаннѣ Грозномъ, о покореніи Казани и Астрахани и завоеваніи Сибири. Майковъ не придавалъ особеннаго значенія своимъ произведеніямъ въ прозѣ, тѣмъ не менѣе и въ „Разсказахъ изъ русской исторіи“ чувствуется подъемъ духа поэта, его стильность, его прекрасный языкъ.

Занятія Майкова отечественной стариной, русскимъ эпосомъ привели его къ огромному труду—къ переводу „Слова о полку Игоревѣ“. Какимъ образомъ Майковъ пришелъ къ мысли перевести этотъ замѣчательный образчикъ нашей древней поэзіи, объ этомъ есть любопытный разсказъ у одного изъ біографовъ поэта. По увѣренію г. Златковского,

это вышло совершенно случайно. Старшему сыну поэта пришла въ гимназіи пора проходить это произведеніе. „Аполлону Николаевичу вздумалось прочесть этотъ интересный памятникъ вмѣстѣ съ сыномъ. Началь онъ разбирать его по екатерининскому списку, изданному Пекарскимъ, сталъ дѣлать на части, руководясь единственно ходомъ творчества самого пѣвца. Построеніе „Слова“ привело его въ восхищеніе, но для справки въ темныхъ мѣстахъ пришлось взять русскіе переводы. Оказалось, что всѣ иначе дѣляютъ и понимаютъ „Слово“, чѣмъ нашъ поэтъ; всѣ дробятъ памятникъ, и онъ является чѣмъ-то безсвязнымъ, отрывочнымъ. Аполлонъ Николаевичъ наскоро набросалъ свой переводъ и пошелъ къ И. И. Срезневскому показать его и попросить объясненія темныхъ мѣстъ. „Сами добивайтесь!“—отвѣчала строгій и осторожный ученый“. Этого было достаточно, чтобы Майковъ сразу загорѣлся и началъ изучать подлинникъ и сидѣть надъ литературой, помогающей этому изученію, дѣлая сравненія съ поэтическими памятниками подобнаго характера у другихъ народовъ. Онъ перечиталъ и „Шахъ-Намъ“, и „Рамайяну“, и „Эдду“ и проч. Четыре года работалъ надъ этимъ переводомъ нашъ поэтъ и сдѣлалъ его блестяще, снабдивъ свой трудъ цѣннымъ введеніемъ, изъ котораго видно, какъ прекрасно понялъ поэтъ свою задачу, насколько уяснилъ себѣ духъ этого перла отечественной древней поэзіи. Будучи истиннымъ знатокомъ изящнаго, поэтъ какъ нельзя лучше проникся поэтической стороною „Слова о полку Игоревѣ“, въ которой видятъ и реальность красокъ и ихъ вѣрность, жизненность. Вотъ почему переводъ Майкова сдѣланъ такъ близко къ подлиннику, такъ удивительно тонко передана его поэзія, его настроеніе.

Здѣсь кстати сказать, что занятія Майкова исторіей имѣли большое значеніе въ его поэтической дѣятельности и въ ходѣ развитія его внутренней жизни занимали видное мѣсто. Поэтъ показалъ себя историкомъ, стоящимъ на высотѣ науки, которому доступно было пониманіе философскаго смысла исторіи. По свидѣтельству проф. Овсянникова, во взглядѣ Майкова на происхожденіе „Слова о полку Игоревѣ“ выразилось вполне современное положеніе науки исторіи русской литературы семидесятыхъ годовъ. То же самое говорили по этому поводу ранѣе Буслаевъ, Афанасьевъ и другіе ученые: „мнѣстически-восточное происхожденіе многихъ нашихъ былинъ тогда всѣми признавалось“. Былины, какъ замѣчаетъ Майковъ въ своемъ введеніи къ переводу, сперва были пѣснями о богахъ и сложены въ ту отдаленную эпоху, когда аріи находились на Иранской возвышенности, такъ какъ въ былинахъ говорится о божествѣ солнца и великой матери-земли, то-есть о божествахъ, признаваемыхъ и чтимыхъ каждымъ изъ народовъ европейскаго семейства. Съ какой стати,—замѣчаетъ поэтъ,—на полѣ, засѣянномъ пшеницей, выросъ пышный розанъ, то-есть какъ могло появиться „Слово“ среди памятниковъ письменности XII вѣка, рядомъ съ поученіями и житіями святыхъ, рядомъ съ лѣтописью, въ той средѣ, въ которой мы не находимъ

ничего другого похожего, и не служить ли это доказательством его поддѣлки? Нѣтъ, Майковъ не видитъ въ немъ поддѣлки и относитъ „Слово“ къ устнымъ памятникамъ творчества нашей старины, къ тѣмъ народнымъ былинамъ, съ которыми „Слово“ наиболѣе въ гармоніи. Переводъ Майкова признанъ образцовымъ многими знатоками древней нашей литературы. Поэтъ старался сохранить слова и выраженія подлинника. Иногда встрѣчаются у него прибавки лишннихъ словъ. Это онъ дѣлалъ въ виду одного: вызвать въ умѣ нынѣшняго читателя тотъ образъ, который былъ задуманъ древнимъ пѣвцомъ и который возбуждался въ воображеніи его слушателей XII вѣка. Прибавки эти, впрочемъ, относятся лишь къ тѣмъ темнымъ мѣстамъ „Слова“, которымъ каждый изслѣдователь и переводчикъ даетъ свое толкованіе.

Майковъ называлъ „вторымъ университетомъ“ по филологическому факультету свою четырехлѣтнюю работу надъ приготовленіями къ переводу „Слова“ и надъ самымъ переводомъ. Въ это время онъ особенно дружилъ съ молодымъ писателемъ-филологомъ и поэтомъ Мстиславомъ Викторовичемъ Праховымъ. Этотъ чрезвычайно даровитый, чуткій, съ богатыми знаніями литераторъ, безвременно сошедшій въ могилу, въ раннемъ возрастѣ, былъ и совѣтчикомъ поэта, и его поклонникомъ, и „нянькою всѣхъ его тогдашнихъ произведеній“ и нѣкоторыхъ поэмъ, и части стихотвореній, вошедшихъ въ отдѣлъ „Отзывы исторіи“, и переводовъ сербскихъ пѣсенъ, былинъ и преданій, въ которыхъ поэтъ фактически доказалъ свою любовь къ изученію славянскаго міра, свои симпатіи къ славянству. Вспоминая о Праховѣ, столь глубоко понимавшемъ изучаемыхъ имъ поэтовъ, Майковъ въ одномъ изъ писемъ говорить: „Такого пониманія я ни до, ни послѣ него не встрѣчалъ!.. Увы! не надолго сводитъ судьба насъ съ людьми, которыхъ внутренняя жизнь вызываетъ и въ насъ подъемъ духа и изъ которыхъ этотъ духъ жадно втягиваетъ въ себя то чужое, что имъ далось, и претворяетъ потомъ въ свое! Тютчевъ умеръ, Праховъ умеръ... Пошли новыя сны, — тѣхъ уже не замѣнили: пошли люди, уже болѣе молодые, которые, можетъ-быть, въ свою очередь отъ насъ, стариковъ, взяли что-нибудь для своего развитія, какъ мы усваивали когда-то отъ другихъ ушедшихъ!.. Счастливы, кому выпало на долю быть хоть звеномъ, соединяющимъ „Славы обоюполы“ своего времени!..“

Чтеніе памятниковъ народнаго эпоса скандинавовъ, встрѣча со шведами и норвежцами въ городкѣ Арендалѣ, болѣею частью населенномъ моряками, „морскими волками“, куда заходилъ корветъ „Баянъ“, на которомъ плавалъ Аполлонъ Николаевичъ, внушили ему поэму „Бальдуръ“ — пѣснь о солицѣ по сказаніямъ скандинавской Эдды. Это также одно изъ видныхъ произведеній Майкова, гдѣ такъ мастерски переданы красоты западно-европейскаго эпоса, гдѣ столько силы и энергіи — этихъ качествъ, свойственныхъ таланту его. „Бальдуръ“ написанъ въ 1870 году. Около того времени появились „Двѣ

бѣлорусскія пѣсни“, „Любуша и Премысль“, чешское преданіе, „Сабля царя Вукашина“, „Сербская церковь“, „Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ“, „Какъ отдалилъ турецкій султанъ московскаго царя“, „Пульчинель“, „Кассандра“, „Емшанъ“, „Кто онъ?“, „Сказаніе о Петрѣ Великомъ“, „Изъ Апокалипсиса“, „Странникъ“ и др. Этими стихотвореніями начинается постѣдній періодъ поэтическаго творчества поэта, когда идейный элементъ является въ немъ преобладающимъ, когда пластика мало-по-малу исчезаетъ, „міръ его поэзіи становится все болѣе и болѣе безтѣлеснымъ“. На смѣну беззаботности, артистическаго эпикуреизма, стремленія къ наслажденію жизнью выступаютъ думы о подвигахъ духа, размышленія о высшихъ вопросахъ человѣческаго бытія. Совершается превращеніе: Майковъ все сильнѣе проникается религіознымъ духомъ, все ярче отражаетъ христіанскія воззрѣнія и идеалы; поэтъ образовъ уступаетъ мѣсто поэту-мыслителю. Поэтъ возрожденный, обращаясь къ своему собрату по лирѣ, проситъ у него „нетлѣнныхъ образовъ и вѣчныхъ“; онъ въ другомъ стихотвореніи восклицаетъ, что слова: „не отставай отъ вѣка“ — лживый лозунгъ,

Коранъ толпы. Нѣтъ, — выше вѣка будь!
Зигзагами онъ свой свершаетъ путь,
И вкривь и вкось стремя свои разливы,
Нѣтъ! мысль твоя пусть зрѣетъ и растетъ,
Лишь въ вѣчное корнями углубляясь,
И горизонтъ свой ширить, возвышаясь
Надъ уровнемъ мимобѣгущихъ водъ!..

Самосозерцаніе, вдумчивость, размышленіе надъ сущностью жизни, надъ ея задачами, высшее пареніе духа, скорбныя думы о многихъ явленіяхъ современности, — вотъ содержаніе большинства произведеній Майкова этого періода, каковы, напримѣръ, „Вопросъ“, „Для нихъ свобода — чтѣ виднѣе“, „Мани-факель-фаресь“, „Ex tenebris lux“, „Разсказъ духа“, „Изъ письма“, „О, море!“, рядъ стихотвореній „Изъ Аполлодора Гностика“ и пр. Между произведеніями этого періода перлами брызжутъ поэмы „Брингильда“ и „Кассандра“, и надо всѣмъ возвышается, какъ пышный расцвѣтъ могучаго таланта, лирическая трагедія „Два міра“, начатая въ 1872 году и оконченная въ 1881-мъ, наслѣдница „Оливеа и Эсэири“ и „Трехъ смертей“, гордость всякой литературы, всякаго народа, на языкъ котораго она была бы написана, вещь, возбуждавшая много толковъ въ печати и обществѣ, вызвавшая цѣлую литературу: о ней и все-таки не въ такой степени оцѣненная, какъ оцѣнено было бы подобное произведеніе въ западно-европейской литературѣ.

И „Три смерти“ и „Два міра“ взяты изъ одной и той же эпохи, эпохи Нерона, но замѣтно разнятся по характеру содержанія. Создавая первую поэму, Майковъ еще не могъ отрѣшиться отъ восхищенія античнымъ

міромъ, вѣшнюю красоту котораго онъ и отразилъ въ „Трехъ смер-
тяхъ“ вмѣстѣ съ представителями его, тогда какъ внутреннее содержаніе,
сущность этого міра какъ будто отошли на второй планъ. Нравственное
паденіе Рима читатель видитъ лишь изъ рѣчей юноши-поэта Лукана,
извѣстнаго философа Сенеки и эпикурейца Люція, возмущенныхъ раз-
ложеніемъ общества римскаго, растлѣніемъ нравовъ. Всѣ трое дѣй-
ствуютъ въ драматическій моментъ: въ тотъ, когда они готовятся по-
кинуть этотъ суетный міръ, стоя у края могилы. Въ такую важную ми-
нуту въ ихъ жизни черты характера каждаго изъ этихъ типичныхъ
сыновъ своего вѣка являются особенно рельефными. Такъ, Луканъ, без-
завѣтно преданный культу красоты, ея жизнерадостный пѣвецъ, ко-
торому такъ хочется жить и любить, страшится близости смерти и, воз-
мущенный, рѣшается бѣжать отъ нея. Его удерживаетъ только извѣ-
стіе о самоубійствѣ Эпихариды, „души безумныхъ сатурналій“, кото-
рая, какъ ни пыталась ее открыть сообщниковъ заговора противъ Не-
рона, „подъ колесомъ“;

Въ жестокихъ мукахъ не винулась

И никого не предала...

Въ противоположность Лукану, привязанному къ жизни, богатый
патрицій Люцій настолько пресытился ею, земными наслажденіями, что
не страшится перехода въ иной міръ и заботится лишь о томъ, чтобы
усладить послѣднія минуты, задаетъ роскошный пиръ, во время кото-
раго онъ долженъ принять ядъ. Наконецъ Сенека, какъ подобаетъ
философу, равнодушенъ къ небытію, потому что смерть не считаетъ не-
бытіемъ. Остановившая спорящихъ Люція и Лукана, онъ наставительно
говоритъ имъ, что неприлично „свои послѣднія мгновенья“ посвящать
безумнымъ рѣчамъ, что смерть—великій шагъ, и проситъ вѣрить, что

Есть смыслъ въ Платоновомъ ученьи,

Что это—мигъ перерожденія.

Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ,

Но, какъ мерцаніе Авроры,

Какъ милый чистый оиміамъ,

Какъ лиръ торжественные хоры,

Иная жизнь насъ встрѣтитъ тамъ!

Въ душѣ за симъ земнымъ предѣломъ

Проснутся, выглянуть на свѣтъ

Иныя чувства, роємъ цѣлымъ,

Которымъ органа здѣсь нѣтъ...

Какъ ни различны характерныя черты всѣхъ троихъ: жизнелюбца, эпи-
курейца и философа, вѣрящаго въ загробную жизнь,—но они сходны
однимъ: культомъ своей личности, своего я, какъ яркимъ вырази-
телемъ крайняго индивидуализма, къ которому привело античный міръ
его разложеніе въ то время, когда все то, что нѣкогда нравственно
связывало людей, объединяло ихъ, распалось. И въ то время, какъ

погибалъ отжившій міръ, возникшій новый проявлялъ силу и мощь, именно благодаря нравственному сплоченію людей, одушевленныхъ и обновленныхъ христіанствомъ. Столкновенію этихъ діаметрально противоположныхъ другъ другу міровъ и посвящена трагедія „Два міра“.

Новое высокое настроеніе поэта, глубоко-духовное, сказалось въ этой великолѣпной трагедіи съ особенной силой. Въ ней сосредоточились всѣ лучи майковской поэзіи. Мѣсто дѣйствія—тотъ „вѣчный городъ“, которому поклонялся весь классическій міръ, какъ яркому отраженію высшей цивилизаціи, представителю высокаго разума, не подозревая, что рухнетъ это отживающее начало. Время—конецъ шестидесятихъ годовъ I-го столѣтія, когда царилъ тиранія въ лицѣ одного изъ бичей человѣчества—Нерона, утонченнаго развратника, кровожаднаго властолюбца. Главное дѣйствующее лицо—Децій—язычникъ-мудрецъ, философъ-эстетикъ, молодой богатый патрицій, „сохранившій“ въ себѣ доблестный духъ классическаго гражданина, пламенѣющій любовью къ Риму, человѣкъ обаятельный, въ которомъ отразилось все изящество греческой образованности, ея неотъемлемая прелесть. Онъ истинный патриотъ—и потому „полонъ скорби безутѣшной“ о томъ ужасномъ растлѣніи, до котораго дошелъ Римъ— „Римъ гетеръ, шута и мима“. Колоссомъ кажется Децій въ сравненіи съ окружающей его толпой, разнузданной, безнравственной до ужаса, подлой, алчной и лъстивой, съ толпой пигмеевъ, къ которымъ онъ относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Все Децій совмѣщаетъ въ себѣ. И тѣмъ не менѣе эта богато одаренная натура носить на себѣ печать своего вѣка. Гордыни и самообожанія исполнена душа Деція. Въ ней не живетъ высокая любовь, облагораживающая человѣка, всепрощающая, внушающая ему сознаніе долга по отношенію къ ближнимъ. Когда христіанинъ Марцеллъ напоминаетъ ему о нихъ и говоритъ, что „милліоны ближнихъ надо было“ ему себѣ взять въ подножье, чтобъ стоять въ высотѣ, Децій надменно отвѣчаетъ ему:

Миліоны ближнихъ!.. Чтѣ такое
Мнѣ эти ближніе... Рабовъ
Ты разумѣешь!.. О, пустое
Мечтанье этихъ мудрецовъ!
Рабы и въ пурпурѣ мнѣ гадки!

— Во мнѣ есть божество, и если для его полного раскрытія необходимо, чтобъ гибли тысячи тупыхъ, несмыслящихъ слѣпыхъ существъ,— пусть гибнутъ!—восклицаетъ Децій.

Его эгоизмъ ясенъ и неприкрашенъ, и христіанка Лида, любящая его и смотрящая въ то же время на него съ ужасомъ, говоритъ:

Какъ ночь душа его мрачна!
Онъ —Боже!—никого не любить!..

Этимъ однимъ восклицаніемъ Лида показываетъ, кто она, какую противоположность Децію представляетъ эта раскаявшаяся „преlestница“, исполненная высокой нравственной красоты. Она воплотила въ себя тотъ новый міръ, который повелъ человѣчество къ свѣту, освободилъ его отъ мрака и тлѣнія, отъ языческаго эгоизма. Кромѣ Лиды и Марцелла представителями христіанства въ „Двухъ мірахъ“ являются обитатели разныхъ странъ, люди всевозможныхъ общественныхъ положеній: тутъ и варвары—Даки и Готы, сиріецъ—Іовъ, греки—Дидима, Главкъ, Мениппа и друг. Свѣточемъ своей поэзіи Майковъ озаряетъ передъ читателями встрѣчу двухъ міровъ, одного, уже выполнившего свое назначеніе и приближающагося къ небытію, и другого, готовящагося расцвѣсти пышнымъ, дивнымъ цвѣтомъ, стать, такъ сказать, высшей небесной точкой въ судьбахъ человѣчества. Изъ этого видно, какая глубокая мысль положена поэтомъ въ основу его замѣчательнаго произведенія, оцѣненнаго выдающимися критиками русскими и иностранными. Объявляя въ публичномъ засѣданіи второго отдѣленія Академіи Наукъ, 19 октября 1882 года, о присужденіи творцу „Двухъ міровъ“ полной Пушкинской преміи, академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ сказалъ въ заключеніе: „Поэма г. Майкова въ цѣломъ составѣ своемъ, и съ внутренней и съ внѣшней стороны, представляетъ столь крупное и замѣчательное явленіе, столь зрѣло обдуманное и тщательно обработанное художественное созданіе, что его нельзя не причислить къ тѣмъ приобрѣтеніямъ нашей литературы, которыми она въ правѣ гордиться“.

Разборъ этой поэмы Академія поручила Николаю Николаевичу Страхову, извѣстному философу, истинному цѣнителю всего изящнаго, глубокому знатоку литературы, который въ отзывѣ своемъ говорить о poemѣ слѣдующее: „Въ выпуклыхъ образахъ, въ яркихъ краскахъ и живыхъ движеніяхъ выступаютъ передъ нами всякаго рода характерныя черты двухъ міровъ; изображеніе такъ многосторонне, что, если бы мы задумали дѣлать смѣту этимъ чертамъ, намъ слѣдовало бы задаваться не вопросомъ, что тутъ изображено, а, наоборотъ, вопросомъ, чего тутъ не изображено. Съ одной стороны, сенаторы, временщики, философы, гетеры, развратъ, рабство, эгоизмъ, жестокость и ненависть, — съ другой стороны — рабы, дѣти, матери, раскаявшіеся грѣшники и грѣшницы, любовь, смиреніе, прощеніе и самоотверженіе... Лица и сцены не низаны на нить одной какой-нибудь идеи, одного настроенія, а живьемъ выхвачены изъ дѣйствительности во всей ея пестротѣ и рѣзкомъ разнообразіи... Въ разговоры не только представляютъ необыкновенную живость и естественность, но каждый говорящій выдерживаетъ свой тонъ и свой слогъ. Старики Фабій, Публій, Энній говорятъ коротко, просто, съ нѣкоторымъ старческимъ пренебреженіемъ къ красотѣ рѣчи; но и тутъ есть отбѣнки. Энній торжественнѣе, Фабій ворчливѣе, Мартиллъ и Харидемъ говорятъ плавно, съ пошлой изысканностью, обна-

руживающей ихъ лицемѣріе. Лида и Децій говорятъ съ безукоризненнымъ изяществомъ и полной гибкостью выражений. Галлустъ и Гиппарисъ краснорѣчивы; Циникъ—вульгаренъ; Дакъ и Геть—просты; Дидима—поэтъ... Достоинства „Двухъ міровъ“ слишкомъ велики и очевидны; это — самое крупное произведеніе нашего поэта. Оно до такой степени крупно, что обыкновенныя сравненія и измѣренія для него даже излишни и неумѣстны“.

Профессоръ Никитенко, ветеранъ нашей словесности, тонко понимавшій художественныя произведенія, посвятилъ „Двумъ мірамъ“ обстоятельную статью и въ ней подробно разсматриваетъ основное содержаніе поэмы — встрѣчу двухъ началъ, изъ которыхъ христіанское побѣдило своего врага проповѣдью добродѣтели, чистой, какъ кристаллъ, вѣрой въ вѣчную истину, въ благое Провидѣніе съ братской ко всѣмъ любовью. Онъ даетъ оцѣнку характерамъ и типамъ, выведеннымъ въ поэмѣ, и, такъ сказать, даетъ руководящую нить читателю. По его замѣчанію, „у творца поэмы во всемъ видна его волшебная кисть, и гдѣ только коснулся онъ хоть кончикомъ этой кисти, тамъ рождается какая-нибудь живая характеристическая черта или часть образа, которая тотчасъ, при другомъ прикосновеніи кисти, превращается въ цѣлый, стройный гармоническій образъ“. По мнѣнію критика, цѣлью поэта, написавшаго „Два міра“, было поставить насъ лицомъ къ лицу съ однимъ изъ величайшихъ событій въ исторіи человечества и возбудить въ насъ сочувствіе къ тѣмъ нравственно-духовнымъ силамъ, которыя являлись главными его двигателями. Поэтъ этого достигъ. А задаваться такими цѣлями и достигать ихъ свойственно только таланту, глубоко одушевленному важностью предмета и обладающему значительными средствами художественнаго творчества. Глубоко-жизненная идея „Двухъ міровъ“ является главенствующей въ поэтической дѣятельности Майкова за его послѣдній періодъ. Это новое настроеніе убѣдило его въ справедливости мысли, что Божество олицетворяется и въ поэзіи; что она — „вѣнецъ познанья, надъ зломъ и смертью торжество“, въ ней полнѣйшее, всесовершенное воплощеніе красоты, переносящей насъ въ царство вѣчнаго духа. Его знаменательный подъемъ виденъ сталъ во всѣхъ произведеніяхъ творца „Двухъ міровъ“, и историческихъ и посвященныхъ природѣ, которую онъ созерцалъ просвѣтленнымъ взоромъ. Она навѣвала ему „въ полночный тихій часъ“ столько отрадныхъ воспоминаній, проливающихъ цѣлѣбный бальзамъ въ усталую душу, въ часъ кроткаго сіянья заката внушала высокія думы объ „иной ступени бытія“ въ надзвѣздномъ мірѣ, гдѣ духъ, снявъ свои временныя тѣлесныя оковы,

Первоначальный образъ приметъ,
И съ вѣчныхъ тайнъ предъ нимъ подыметъ
Завѣсу Смерть — какъ старый другъ —
И возвратитъ ему прозрѣніе

Сквозь всё преграды вещества
Во все духовное въ твореньѣ...

Впрочемъ, Майковъ и прежде былъ полонъ тихаго созерцанія природы, спокойно отдавая себя во власть окружающаго, когда онъ вдохновлялся или природой, или памятниками древности, или воспоминаніями о быломъ. Къ природѣ онъ не рвался, не бѣжалъ „дикій и суровый, и звуковъ и смятенія полнъ“. Звуки онъ носилъ въ себѣ, но смятенія у него не было, и когда его охватывало волненіе, онъ оставался въ границахъ; въ свои спутницы бралъ онъ тихую грусть, и если отдавался радости, то также тихой, спокойной. И всегда, когда поэтъ платилъ дань особенностямъ своего уравновѣшеннаго, гибкаго и многосторонняго дарованія, онъ не насиловалъ своего чувства, и въ звукахъ его красивой лиры часто слышались

Послѣднія слезы

О горѣ быломъ

И первыя грезы

О счастьѣ иномъ.

Такимъ же подъемомъ духа, какой ощущается въ „Двухъ мірахъ“, проникнута и самая послѣдняя по времени поэма Майкова „Брингильда“ — „дитя снѣговъ и сѣверныхъ сѣний“, какъ опредѣлили ее самъ поэтъ, дѣйствительно отразившій въ ней суровую природу сѣвера, съ ея жестокими зимами, длительными ночами и еще болѣе длительными блѣдными днями лѣта, когда мимо воли чувствуется, что тамъ, за горизонтомъ непривѣтнаго холоднаго неба есть міръ новый, иной. Въ этой поэмѣ представленъ величавый образъ валкиріи съ ея могучими страстями, которыхъ она является покорною рабой, съ ея дикимъ мщеніемъ за отвергнутую любовь. Это Сигурдъ отвергъ ея любовь и тѣмъ страшно оскорбилъ ее. Брингильда отомстила за это оскорбленіе: руками наущенныхъ ею родственниковъ убила оскорбителя, но не умертвила въ себѣ оставшагося къ нему чувства и надъ тѣломъ Сигурда сама закололась. Поэта давно плѣняли дочери скандинавскаго сѣвера, прекрасныя валкиріи, которыми полны преданія скандинавовъ, и онъ съ особенной любовью остановился на Брингильдѣ. Въ этой поэмѣ, помимо ея красоты, поэтъ едва ли не впервые проявилъ не встрѣчавшійся у него прежде женственный элементъ. Онъ создалъ два глубоко поэтическихъ женскихъ образа — самой валкиріи и Гудруны, супруги Сигурда, два разныхъ характера, въ которыхъ поэтъ показалъ истинное, тонкое пониманіе чертъ капризной женской природы. Майковъ, по опредѣленію одного изъ критиковъ, „слишкомъ мужественный поэтъ“, и потому въ прежнихъ, въ особенности раннихъ его произведеніяхъ — лирическихъ пьесахъ и поэмахъ — женщины играли незначительную роль. Онѣ были прекрасны по-своему, но въ нихъ чувствовалось что-то не родное поэту, чисто-вѣшнее, словно поэту онѣ нужны были единственно какъ объектъ. Въ „Брингильдѣ“ женщина уже дѣйствуетъ самостоятельно, одна во

всей ея прелести, и это придаетъ созданію поэта еще болѣе смысла, еще болѣе очарованія.

Въ одинъ годъ съ появленіемъ въ печати этой поэмы праздновался юбилей полувѣковой поэтической дѣятельности Аполлона Николаевича. Праздникъ родного слова былъ устроенъ по почину тогдашняго Литературно-Драматическаго Общества, 30-го апрѣля, и на немъ присутствовало много народу и едва ли не всѣ представители изящной словесности русской. Юбилару объявлена была Монаршая милость — производство въ тайные совѣтники и увеличеніе ежегодной пенсіи до 3.500 рублей. Кромѣ привѣтствій отъ всевозможныхъ учреждений и частныхъ лицъ, было прочитано стихотвореніе великаго князя Константина Константиновича и лично присутствовавшими поэтами Я. П. Полонскимъ, К. К. Случевскимъ, гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ стихотворныя привѣтствія. Профессоръ А. И. Незеленовъ прочелъ стихотворенія, присланныя А. А. Фетомъ-Шеншинымъ, кн. Д. Н. Цертелевымъ и кн. Э. Э. Ухтомскимъ, а также письмо И. А. Гончарова, стараго друга семьи Майковыхъ, гдѣ престарѣлый писатель, выражая поэту свои чувства неизмѣнной пріязни, пожелалъ ему достичь, по примѣру отца и дѣда, „глубокихъ предѣловъ жизни, оставаясь вѣчно юнымъ и славнымъ пѣвцомъ, яркимъ свѣтильникомъ нашей поэзіи“. Знаменитый историкъ, другъ молодежи К. Н. Вестушевъ-Рюминъ, съ глубокой теплотой и душевнымъ пониманіемъ отмѣтилъ характерныя особенности поэтическаго дарованія Майкова и, указавъ на поэму „Два міра“, какъ на самое выдающееся произведеніе поэта, прибавилъ: „Предъ нами въ яркихъ образахъ предстало два міра, и ясно стало для умственного взора каждому, почему палъ одинъ и восторжествовалъ другой. Въ упорномъ преслѣдованіи этой цѣли сказалось руководящее начало вашего духа, которое выразили вы такъ полно и сжато, какъ умѣютъ выражать только истинные поэты, въ вашемъ стихотвореніи „Изъ темныхъ доловъ...“ Кто живетъ мыслию, тотъ можетъ часто повторять это стихотвореніе, а особенно его заключительныя слова:

„Туманомъ міръ внизу объять,
Но надо мною все гудить,
Во весь широкій небосклонъ,
Сюда, сюда!—все тотъ же звонъ...“

Хотя и послѣ своего пышнаго праздника поэтъ написалъ немало стихотвореній, но съ этимъ праздникомъ уже подводился итогъ его служенія музамъ, давшій такіе блестящіе результаты, какихъ достигаютъ рѣдкіе изъ нашихъ поэтовъ съ Пушкинымъ во главѣ, завѣты котораго такъ свято блюлъ Майковъ, удивительно строго относившійся къ своему призванію, вѣчно недовольный собою и заботившійся о самосовершенствованіи. Въ этомъ итогѣ оказалось, что Майковъ оставилъ богатое наслѣдіе. Видное мѣсто занимаютъ въ немъ антологическія стихотво-

ренія, ранѣ всего оцѣненныя Вѣлинскимъ, немного позднѣе Дружининымъ и наконецъ новѣйшей критикой. Дружининъ отмѣтилъ, какъ лучшіе изъ первыхъ опытовъ поэта, пьесы: „Раздумье“, „Сонъ“, „Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты“, „Картина вечера“, „Вакханка“, „Зимнее утро“, „Доридъ“, „Эхо и молчаніе“ и друг. Во многихъ изъ нихъ онъ находилъ высокія мысли, выраженные высоко-поэтическими словами („Раздумье“), художественное изображеніе сельской природы, мастерскіе пейзажи („Картина вечера“, „Зимнее утро“), картинность изложенія, доходящую до изумительной степени („Вакханка“); пьеса „Дорида“, по его мнѣнію, наводитъ на мысль самыя горячія изъ антологическихъ пьесъ Шенье, причемъ она ничуть не вдается въ чувственность, характеризующую собой лучшія произведенія французскаго поэта. „Книжка первыхъ стихотвореній Майкова, — говоритъ критикъ, — изданная еще въ то время, когда лучшіе изъ современныхъ намъ русскихъ поэтовъ едва закладывали основаніе своей извѣстности, была встрѣчена громкими похвалами критики и восторгомъ читателей. Самымъ взыскательнымъ дилетантамъ какъ будто снова послышался голосъ навсегда замолкнувшей музы Пушкина. Въ этомъ картинномъ стихѣ, въ этомъ художественномъ спокойствіи поэта, въ его неизысканномъ обращеніи со своими темами, — всякому смыслящему дѣло критику сказалось нѣчто могучее, яркое, самостоятельное. Майкова даже нельзя было, по обычаю стараго времени, произвести въ поэты, подающіе великія надежды, — онъ сразу сталъ выше всего круга лицъ, занимающихся подаваніемъ надеждъ по разнымъ отраслямъ словесности... Въ книжкѣ Майкова не встрѣчалось невѣрнаго лепета голоса музы, колеблющейся или неувѣренной въ своемъ призваніи“.

Затѣмъ Дружининъ разсматриваетъ дальнѣйшія стихотворенія Майкова, видитъ въ нихъ, какъ много боролся съ собою поэтъ, сознавая отвѣтственность, налагаемую на него дарованіемъ, и не задремалъ на лаврахъ своей молодости; какъ испытывалъ себя на всѣхъ поприщахъ, отыскивая вдохновеніе въ мірѣ исторіи, увлекаясь временными и настоящими требованіями общества, передавая на русскій языкъ мысль и духъ знаменитѣйшихъ чужеземныхъ поэтовъ, зорко слѣдя за всѣми моментами нашей всендневной жизни, обращаясь къ разительнѣйшимъ явленіямъ древняго міра. Майковъ все болѣе и болѣе расширялъ кругъ своего міросозерцанія и полнѣе понималъ самую сущность того, чтѣ на языкѣ нашемъ зовется поэтическимъ призваніемъ — и наконецъ сталъ виднымъ поэтомъ мысли. Огромной заслугой Майкова Дружининъ считаетъ поэму „Три смерти“, поразительную по замыслу, блестящую по формѣ и лиризму. Поэма эта напоминаетъ собою мастерски отдѣланный барельефъ, въ которомъ, можетъ-быть, и встрѣчаются два-три украшенія не совсѣмъ классическаго стиля, но который истинно поразителенъ по правильности каждой фигуры, по строгости и грандіозности постановки. Въ послѣднемъ монологѣ философа Сенеки, по заключенію крѣ-

тика, „божественнымъ огнемъ вспыхиваетъ и горитъ возвышеннѣйшій лиризмъ, какого невозможно было даже предвидѣть въ дарованіи Майкова за первую пору дѣятельности“. Отзывъ Дружинина о дѣятельности поэта, о характерѣ его таланта представляетъ большую цѣну. И не даромъ его мнѣніе о Майковѣ повторяли чуть не слово въ слово многіе позднѣйшіе обозрѣватели дѣятельности поэта, „историки литературы, некрологисты“.

О стихотвореніяхъ Майкова въ антологическомъ родѣ и вообще о произведеніяхъ его той же эпохи сочувственно отзывалась и критика новѣйшаго времени, находя въ нихъ прекрасную форму, пластичность, объективно-зрительный характеръ, любованіе красою жизни въ художественномъ преображеніи послѣдней; въ этихъ произведеніяхъ онъ — настоящій лирико-живописецъ, могущій служить образцомъ для поэтовъ. И такимъ живописцемъ въ лирикѣ онъ остался навсегда. „Любованіе красою жизни“ наиболѣе отразилось въ эпикурейскихъ пѣсняхъ поэта: „Мирта Киприды мнѣ дай“, „Блеститъ чертогъ, горитъ елей“ и „Остроумица, плясунья“. Однако и тутъ невольно бросается въ глаза болѣе глубокая подкладка, ужасъ поэта предъ неизбежными роковыми силами дѣйствительности и восторгъ передъ тайной, вольной красотой внутренняго міра человѣка. Поэтъ отворачивался отъ всего, что лишено истинной красоты, отъ унылой и пошлой прозы, гдѣ „одна случайность роковая являлась въ ней и намъ самимъ“.

Рѣдко выступающій въ критикѣ представитель яркаго прогрессивнаго направленія въ литературѣ К. К. Арсеньевъ лестно отзывался объ антологическихъ нѣсахъ Майкова и находить, что въ нихъ полная гармонія между содержаніемъ и формой встрѣчается на каждомъ шагѣ. „Въ миниатюрномъ рисункѣ, — говоритъ маститый критикъ, — нѣтъ ни одного лишняго штриха, краски блестятъ ровнымъ, спокойнымъ блескомъ; все просто, знакомо, и вмѣстѣ съ тѣмъ все ново и чудно въ своемъ поэтическомъ колоритѣ. Здѣсь точно разстилается лѣсъ или садъ, освѣщенный вечернимъ солнцемъ; тамъ точно слышится музыкальный аккордъ, прилетѣвшій издалека. Въ этомъ чудесномъ мірѣ не составляетъ диссонанса даже ветхій міеологическій аппаратъ, не рѣжутъ уха давно наскучившія имена Вакха, Пана, Авроры; дѣйствительность и фантазія сливаются въ одно стройное цѣлое. Изрѣдка сквозь изящную оболочку сквозитъ глубокая мысль, но это вовсе не необходимо для эффекта картины: вѣдь никому же не приходится въ голову требовать мысли отъ пейзажа“. И, сравнивая пѣсы „Октава“ и „Искусство“ съ пѣсой „Приапъ“, критикъ затрудняется, которой изъ нихъ отдать преимущество. Но замѣчанію критика, „лучшія антологическія стихотворенія Майкова ничего не теряютъ даже при сопоставленіи съ Андре Шенье, изъ всѣхъ европейскихъ поэтовъ наиболѣе, быть-можетъ, близкимъ къ античному духу; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть помѣщенный рядомъ съ ними превосходный переводъ превосходной пѣсы

„J'étais un faible enfant qu'elle était grande et belle“ („Я былъ еще дитя: она уже прекрасна“).

На ряду съ стихотвореніями Майкова въ антологическомъ родѣ критикъ ставить его поэму „Три смерти“, гдѣ поэтъ проявляетъ свои эстетическіе инстинкты во всей силѣ и гдѣ древній міръ рисуется передъ нимъ во всей своей величественной цѣлости, не затѣмняемый никакой предвзятой мыслью. „Отсюда необыкновенная объективность, составляющая главную прелесть „Трехъ смертей“. Сенека, Луканъ, Люцій являются здѣсь такими, какими они могли быть на самомъ дѣлѣ, авторъ не возвышаетъ одного на счетъ другихъ, не морализируетъ, не критикуетъ ни стоицизма ни эпикуреизма, отбѣняя ихъ только путемъ естественнаго внутренняго ихъ контраста. Люцій такъ же симпатиченъ, какъ и Сенека; если въ любви поэта созданіямъ его фантазій и можно уловить степеніи, отбѣнки, то развѣ въ смыслѣ невольнаго влеченія къ веселому, спокойному, безстрашному эпикурейцу“. Не лишено интереса добавленіе г. Арсеньева къ этой оцѣнкѣ „Трехъ смертей“, написанныхъ звучнымъ, сильнымъ стихомъ, обличающимъ настоящаго художника. „Пишущій эти строки, — говоритъ онъ въ примѣчаніи, — принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые выучили „Три смерти“ наизусть еще въ то время, когда поэма, по цензурнымъ причинамъ, не появлялась въ печати, и не забылъ ея до сихъ поръ. Первоначальнаго ея печатнаго текста у насъ нѣтъ подъ руками, но въ рукописи, обращавшейся въ публичкѣ, послѣдняя часть предсмертнаго монолога Сенеки была изложена не такъ, какъ въ настоящемъ изданіи. Теперь Сенека прямо указываетъ на христіанъ и допускаетъ возможность вредной ошибки въ собственномъ своемъ ученіи:

Быть-можетъ, вѣруя упорно
Въ преданія юности своей,
Мы ледянимъ, какъ вихрь тлетворный,
Жизнь обновленную людей, —

тогда онъ ограничивался слѣдующимъ восклицаніемъ:

Міръ палъ и нашихъ жертвъ не приметъ,
И только Богъ своей рукой
Изъ мрака падшаго подниметъ
И обновитъ въ немъ образъ Свой...

Когда Майковъ былъ ближе къ исторической и поэтической правдѣ, — это не требуетъ поясненія. По поводу двухъ редакцій монолога Сенеки, которая изъ нихъ ближе къ истинѣ, — мы не будемъ вдаваться въ разсужденія. Но изъ этихъ передѣлокъ Майкова можно только заключить, какъ усиленно работалъ онъ надъ своей поэмой, какъ обдумывалъ въ ней чуть не каждую строку. Есть свидѣтельства этой напряженной работы поэта надъ своими произведеніями въ большей части рукописей поэта, въ корректурахъ его. Автору этихъ строкъ удалось видѣть нѣ-

сколько корректур Майкова, въ которыхъ имъ сдѣланы безчисленные поправки первоначальнаго текста и, что называется, „не оставлено камня на камнѣ“. Невольно вспоминается другъ Майкова Гончаровъ, который съ нимъ былъ „одного поля ягода“: безпощадно уничтожалъ цѣлыя страницы въ своихъ произведеніяхъ и замѣнялъ ихъ новыми, передѣланными до неузнаваемости.

Въ наслѣдіи Майкова играетъ видную роль поэма „Брингильда“. Въ новѣйшей критикѣ она также оцѣнена по достоинству. Самый сюжетъ ея признанъ въ высокой степени интереснымъ, располагающимъ къ себѣ богатствомъ своего содержанія, тѣмъ богатствомъ, которое намъ раскрылъ еще незабвенный историкъ Грановскій, освѣтивъ со всѣхъ сторонъ этотъ мрачный скандинавскій эпосъ. Братъ Всеволода Гаршина, Евгений Михайловичъ, извѣстный своими историко-литературными работами и критическими этюдами, подробно разобралъ эту чудесную поэму, гдѣ Майковъ ярко выразилъ свое тонкое и глубокое проникновеніе міросозерцаніемъ старой сѣверной мифологіи. Критикъ видитъ заслугу Майкова, какъ творца этой грандіозной картины скандинавскаго міра сѣдой старины, въ томъ, что поэтъ сумѣлъ со всей силой поэтической живописности воспроизвести ту „трагическую красоту страданія“, на которую указывалъ въ своей великолѣпной характеристикѣ древнѣйшаго скандинавскаго эпоса еще Грановскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободилъ читателя отъ трудностей, съ какими, по словамъ того же восторженнаго истолкователя этихъ перловъ истиннаго романтизма, сопряжено воспріятіе образовъ древней скандинавской поэзіи. „Въ обработкѣ Майкова, — по замѣчанію Гаршина, — дивный старо-сѣверный сюжетъ производитъ впечатлѣніе геніальной реставраціи, подобно той, которая поражаетъ васъ, когда вы остановитесь въ сосредоточенномъ вниманіи передъ какой-нибудь античной статуей: все въ ней цѣльно, изящно, закончено, и, только взглянувъ въ каталогъ съ подробнымъ описаніемъ статуи и приемотрѣвшись, вы видите, что она найдена въ кускахъ. Проанатомировать майковскую поэму, показать каждое звено этой чудной поэтической цѣпи — дѣло, возможное для всякаго критика, сколько-нибудь вооруженнаго соотвѣтствующей литературой предмета; но это то же, что начинать изученіе антиковъ не съ непосредственнаго своего впечатлѣнія, а съ исчисленія реставрированныхъ частей по подробному каталогу. Насколько же требованія исторической критики могутъ быть предъявлены къ художественной работѣ нашего поэта въ томъ отношеніи, остался ли онъ вѣренъ духу воспроизводимой имъ эпохи, — Майковъ здѣсь безупреченъ: въ немъ сказался ревнивый знатокъ старо-сѣверной мифологіи и выливагося въ ней міросозерцанія, тѣсно связаннаго съ обрядовой стороной жизни древняго германца“.

И эстетическая критика, подобно исторической, должна быть вполне удовлетворена этой поэмой. Гаршинъ отличаетъ безукоризненность, чистоту и точность языка Майкова. Его искусное перо сочетало въ

„Брингильдъ“ реченія родного языка „въ свободно лющіися синтаксическія цѣлыя“. Здѣсь языкъ поэта пріятно поражаетъ своей простотой, живостью и характерностью; въ немъ отчеканены индивидуальныя черты каждаго дѣйствующаго лица и отрадно нѣжатъ слухъ всѣми переливами различныхъ тоновъ рѣчи, отъ непосредственнаго лиризма до возвышенно-царственнаго пафоса. Истинныя лирическія красоты, словно извлеченныя изъ богатѣйшей сокровищницы поэтическихъ представлений народа, критикъ находитъ въ словахъ королевы Медди, которыми она пытается утѣшить Гудруну, супругу Сигурда. „Самый словарь этого чудснаго монолога, — восхищенно говоритъ Гаршинъ, — блещетъ живописью выражений, взятыхъ непосредственно изъ нѣдръ народной рѣчи, но дивно пріуроченныхъ къ цѣлямъ изящнаго творчества; изъ того же источника — всѣ поэтическіе обороты этого отрывка“. Такой же красотой блещетъ и страстная рѣчь Брингильды, восхваляющей Сигурда, впервые представшаго передъ очарованной валькиріей. Вообще, разныя мѣста поэмы представляютъ поразительное завоеваніе творчества. „Ни одинъ штрихъ, — говоритъ далѣе Гаршинъ, — не пропадаетъ у нашего поэта даромъ, и разборъ внѣшней формы его произведенія обнаружилъ уже передъ нами и всю глубину его психологическаго анализа. Съ поразительной правдой рисуется душевный міръ Брингильды и Гудруны въ ихъ отношеніяхъ къ Сигурду, какъ живая, выступаетъ королева Герварда, когда она рассказываетъ о времени своего плѣна у Алана и о невольномъ замужествѣ“.

Новѣйшая критика еще не сказала своего послѣдняго слова о Майковѣ, но она подробно коснулась исторіи міросозерцанія поэта, религіознаго начала въ его творчествѣ, особенностей его таланта, литературнаго направленія и художественнаго настроенія въ зависимости отъ занятій поэта исторіей вообще и русской въ частности. Намѣтила она, въ какой мѣрѣ отразились важнѣйшія событія русской жизни и современности въ поэзіи Майкова, его близость къ природѣ, подчеркнула педагогическое значеніе его произведеній и отвела ему въ исторіи литературы самыя видныя страницы, признавъ, что творецъ „Двухъ міровъ“ оставилъ намъ замѣчательное литературное наслѣдіе, которое всегда будетъ жить въ народной памяти. Но Майковъ такъ всеобъемлющъ, его творчество — такой неисчерпаемый кладъ красоты и мудрости, дающій обильную пищу для ума, матеріалъ для познанія его творчества, что о достойномъ преемникѣ Пушкина можно писать долго, не исчерпывая этой увлекательной, интересной темы. И, безъ сомнѣнія, критика еще не разъ вернется къ славному имени поэта, къ тайнамъ его творчества.

Здѣсь уже было упомянуто о замѣчательной, богато одаренной натурѣ Майкова, о томъ, что онъ проявилъ способности, какъ живописецъ. Но, вѣроятно, не многимъ извѣстно, что Аполлонъ Николаевичъ не былъ чуждъ и музыкальной дѣятельности. Тонкимъ пониманіемъ и большимъ эстетическимъ чутьемъ обладалъ онъ въ этой области и самъ хорошо

игралъ на скрипкѣ. И музыка занимала вообще въ семействѣ Майковыхъ далеко не послѣднее мѣсто, являясь однимъ изъ насущныхъ элементовъ ихъ жизни. Музыкальность Майкова несомнѣнно много способствовала поэту, когда онъ чуть не отрокомъ познавалъ „мелодіи стиха божественныя тайны“, а позднѣе довелъ до такого совершенства свой поэтической языкъ. Слухъ у него былъ превосходный, и, когда композиторъ Александръ Николаевичъ Сѣровъ приходилъ къ Майкову съ партитурой своей оперы „Юдифь“, поэтъ сдѣлалъ композитору цѣныя замѣчанія, указавъ въ его твореніи на отсутствіе мелодіи и въ концѣ концовъ много способствовалъ его оживленію. „Необходимо замѣтить, — разсказываетъ біографъ Майкова, — что, пока Сѣровъ исполнялъ (въ домѣ Майковыхъ) свою оперу, Аполлонъ Николаевичъ замѣчалъ про себя: „вотъ тутъ бы хорошо дать Юдифи арію; здѣсь бы дуэтъ: Олофернъ только кричить, надо бы ему спѣть“ и т. д. И въ ту же ночь Аполлонъ Николаевичъ принялся сочинять слова для этихъ арій, дуэтовъ и пр. Здѣсь онъ написалъ: „Я одѣнусь въ виссонъ“, потомъ „Горы наши бѣдны“ — для Юдифи; „Знойной мы степью идемъ“ — для Олоферна и проч., всего номеровъ семь или восемь. Утромъ приходитъ Сѣровъ за либретто (оставленнымъ имъ у Майкова). — „А что, Александръ Николаевичъ, если бы тутъ Юдифи спѣть вотъ это?.. а тутъ — вотъ это, а Олоферну, который вѣдь все только рычитъ, спѣть бы вотъ это: „Знойной мы степью идемъ“... Какъ вы думаете? Было бы это хорошо?“ Сѣровъ былъ совсѣмъ озадаченъ. Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, чего не доставало его произведенію“. И опера была имъ передѣлана, получила иной, болѣе живой и рельефный характеръ, благодаря словамъ поэта, введеннымъ въ „Юдифь“. Таковъ былъ чуткій поэтъ, жизнерадостный, цвѣтущій, рѣдко жаловавшійся на недостатокъ здоровья. Онъ работалъ и почти не чувствовалъ усталости, несмотря на свой достаточно преклонный возрастъ. Еще 26 февраля 1897 года, когда поэту было болѣе семидесяти пяти лѣтъ, на торжественномъ собраніи Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III Майковъ прочелъ свое извѣстное стихотвореніе: „20 октября 1894 года“, и присутствующіе были поражены той бодрой силой, тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, съ какимъ убѣленный сѣдинами старецъ-поэтъ произнесъ свое вѣщее слово, и никто не могъ предположить, что это было послѣднее публичное выступленіе поэта, и что, спустя нѣсколько дней, онъ уйдетъ изъ „міра печали и слезъ“. Аполлонъ Николаевичъ неожиданно простудился, заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ и такъ же неожиданно скончался 8 марта, въ 7 часовъ утра. Прахъ поэта былъ преданъ землѣ 11 марта 1897 года на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря при огромномъ стеченіи народа. Много рѣчей было произнесено надъ его свѣжей могилой; нѣсколько молодыхъ поэтовъ проводили стараго пѣвца въ вѣчное успокоеніе стихами, въ которыхъ охарактеризовали его музу. Но самъ усопшій поэтъ

ровно за четыре года до своей кончины приготовить себѣ надгробное слово, въ которомъ такъ задушевно сказалъ:

...Говорить мнѣ тайный голосъ,
 Что не вотще душа моя
 Здѣсь и любила и боролась:
 Въ ней есть свое живое „я“...
 И жизнь—не сонъ, не сновидѣнье,
 Нѣтъ! Это—пламенникъ святой,
 Мнѣ озарившій на мгновенье
 Миръ и небесный и земной.
 И смерть—не мигъ уничтоженья
 Во мнѣ того живого „я“,
 А новый шагъ и восхожденье
 Все къ высшимъ сферамъ бытія...

Петръ Быковъ.

Царское Село.
 Декабрь 1913 г.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

(Е. П. Майковой).

Тебѣ, которой были милы
Мой первый лепетъ, первый стихъ,
Кто въ звукахъ слабыхъ и простыхъ
Провидѣлъ дремлющія силы,
Кто сердца трепетомъ слѣдилъ,
Какъ крѣпъ мой даръ въ огнѣ науки, —
Я вдохновеній вольныхъ звуки
Тебѣ смиренно посвятилъ.
Привѣтствуй ихъ своей улыбкой
И словомъ мира и любви
Ихъ въ новый путь благослови,
Дорогой скользкою и зыбкой!

Такъ скромные дары боговъ,
Кошницы собранныхъ плодовъ,
Богамъ же чтитель ихъ приносить;
Ихъ оросивъ виномъ златымъ,
Глядитъ, какъ съ камня вьется дымъ,
И даръ пріять въ молитвѣ просить.

1842.

ВЪ АНТОЛОГИЧЕСКОМЪ РОДѢ.

О К Т А В А.

Гармоніи стиха божественныя тайны
 Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
 У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно,
 Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
 Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
 Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
 Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
 Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

1841.

Р А З Д У М Ь Е.

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларь
 Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
 Прольютъ всѣ боги: лугъ его заблещетъ; нивы
 Церера озлатить; акаціи, оливы
 Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
 Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
 Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
 И лозы каждый годъ подъ осень отягчатся
 Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословить...
 Не грозенъ для него свѣтильникъ Эвменидъ:
 Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
 А здѣсь рука его на жертвенники неба
 Повергнетъ, не дрожа, плоды, янтарный медъ,
 Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обовьетъ...

Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья:
 Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
 Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
 И бури, и тревогъ, и воли дорогой,
 Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ
 И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ,
 При общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ витать,
 На бездну упадать и въ небѣ утонать.

1841.

С О Н Ъ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь, —
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ:
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
Съ таинственныхъ высотъ, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ.
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главою склоняясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

1839.

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величій здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь по вѣтру... О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужъ литавръ брицанья; пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ — въ забытые чертоги
Вселились, — новые, невѣдомые боги!

Ораніенбаумъ.

1839.

КАРТИНА ВЕЧЕРА.

Люблю я берегъ сей пустынной
Когда съ зарею доно водъ
Его, ласкаясь, обойметъ
Дугой излучистой и длинной.
Тамъ въ мелководье, по песку,
Стада спустилися лѣнливо;
Тамъ темные сады въ рѣку
Глядятся зеленью стыдливой;
Тамъ ива на воды легла,
На вервяхъ мачта тамъ уснула,
И въ глади воднаго стекла
Ихъ отраженье потонуло.

1838.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Въ забытой тетради забытое слово!
Я все прожитое въ немъ вижу опять;
Но странно, неловко и мило мнѣ снова
Во образѣ прежнемъ себя узнавать...
Такъ путникъ приходитъ чрезъ многіе годы
Подъ кровли отеческой мирные своды.
Заборъ его дома травой обросъ,
И привязи псовъ у крыльца позабыты;
Крапива въ саду прорастаетъ межъ розъ,
И ласточекъ гнѣзда надъ окнами свиты;
Но все въ тишинѣ ему кажется вокругъ —
Что живъ еще встарь обитавшій здѣсь духъ.

1838.

ГЕЗІОДЪ.

Во дни минувшіе, дни радости блаженной,
Лились млеко и медъ съ божественныхъ холмовъ
Къ долинамъ бархатнымъ Аоніи священной
И силой дивною, какъ нектаромъ боговъ,
Питали генія младенческія силы;
И нимфы юныя, толпою легкокрылой,
Покинувъ Геликонъ, при блескѣ звѣздъ златыхъ,
Руками соплетая у мирной колыбели,
Вѣнчанной розами, плясали вокругъ и пѣли,

Амброзіей дитя поили и въ густыхъ
Дубравахъ, гдѣ шумятъ изъ урнъ каскада воды,
Телѣяли его младенческіе годы...
И рано лироу пѣвецъ овладѣвать:
И лѣсъ и водопадъ предъ нею умолкалъ,
Наяды, всплывъ изъ волнъ, внимали ей стыдливо,
И львы къ стопамъ пѣвца златой склонялись гривой.

1839.

ЭХО И МОЛЧАНІЕ.

Осень срывала поблекшіе листья
Съ блѣдныхъ деревьевъ, ручей покрывала
Тонкою слюдой блестящаго льда...
Грустный, блуждая въ лѣсу обнаженномъ,
Въ чащѣ глубокой подъ дубомъ и елью
Мирно уснувшихъ двухъ нимфъ я увидѣлъ.
Вѣтеръ игралъ ихъ густыми власами,
Вѣялъ, клубилъ ихъ зеленныя ризы,
Нѣжно ихъ жаркія лица лобзая.
Вдругъ за горами послышался топотъ,
Лаянье псовъ и охотничьи роги.
Нимфы проснулись: одна за кустами,
Шумомъ испугана, въ чашу сокрылась,
Робко дыханье тая; а другая,
Съ хохотомъ рѣзкимъ, съ пригорка къ пригорку,
Съ холма на холмъ, изъ лощины въ лощину,
Быстро кидалась, и вотъ, за горами,
Тише и тише... исчезла... Но долго
По лѣсу голосъ ея повторялся.

1840.

Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ.
Но день померкъ; главою качаясь сонной,
Заснули тополи, умолкли гальціоны:
Напрасно!.. Мѣсяцъ всталъ, серебрился и угасъ;
Рѣдѣла ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяныя врата
Младого дня, изъ кося своихъ роняла
Златыя зерна перловъ и опала
На синія долины и лѣса:
Ты не являлась...

1841.

ПУСТЫННИКУ.

Дай намъ, пустынный, дубовыя чаши и кружки,
 Утварь, которую рѣжешь ты самъ на досугъ;
 Ставь передъ нами изъ глины кувшины простыя
 Съ влагой студеной, почерпнутой въ полдень палящій
 Въ этомъ ручьѣ, что такъ звонко межъ камнями льется,
 Въ мракѣ прохладномъ, подъ сѣнью дуплистыхъ липы!
 Вкусимъ, усталые, сочныхъ плодовъ и кореньевъ;
 Вспомнимъ, какъ въ первые вѣки отшельники жили,
 Тѣло свое изнуря постомъ и молитвой;
 И, въ размышленіяхъ строгихъ и важныхъ,
 Шутку порой перекинемъ мірскую.

1841.

ПРИЗЫВЪ.

Ужъ утра свѣжее дыханье
 Въ окно прохлады вѣетъ мнѣ.
 На озаренное созданье
 Смотрю въ волшебной тишинѣ;
 На главахъ смоляного бора,
 Вдали лежащаго вѣнцомъ,
 Востокъ пурпуровымъ ковромъ
 Зажгла стыдливая Аврора;
 И, съ блескомъ алымъ на водахъ,
 Между рядами черныхъ елей,
 Заливъ почіетъ въ берегахъ,
 Какъ спитъ младенецъ въ колыбеди.
 А тамъ, вокругъ холма, гдѣ шумить
 По вѣтру мельница крылами,
 Ручей алмазными водами
 Вкругъ яркой озими бѣжитъ...
 Какъ темень сводъ деревъ вѣтвистыхъ!
 Какъ зеленъ бархатъ луговой!
 Какъ сладокъ духъ отъ соснъ смолистыхъ
 И отъ черемухи молодой!
 О, други! Въ поле! Силой дивной
 Мнѣ утро грудь животворить...
 Чу! Въ рощѣ голосъ заунывной
 Весенней иволги гремѣть!

1838.

П Р І А П У .

Садъ я разбилъ; тамъ подъ сѣнью развѣсистыхъ буковъ,
Въ мракѣ прохладномъ, статую воздвигъ я Пріапу.
Онъ, воздѣлатель мирный садовъ, охранитель
Гротовъ и рощъ, и цвѣтовъ, и орудій садовыхъ,
Юнымъ деревьямъ дастъ силу расти, увѣнчаетъ
Листьемъ душистымъ, плодомъ сладкосочнымъ обвѣситъ.
Подлѣ статуи, изъ грота шума, упадаетъ
Ключъ свѣтловодный; его осѣняютъ вѣтвями
Дубы; на нихъ свои гнѣзда дрозды укрѣпляютъ...
Будь благосклоненъ, хранитель пустыннаго сада!
Ты, увѣнчанный вѣнкомъ изъ лозы виноградной,
Плюща и желтыхъ колосевъ! Пролей свою благодать
Щедрой рукою на эти орудья простыя,
Заступь садовый и серпъ полукруглый, и соху,
И нагруженные туго плодами корзины.

1840.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его воздѣлѣло море,
Оно же его и пріало въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣистой ивой
Могилу ему ископалъ и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ —
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

1840.

Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ:
Лѣса пустынные, гдѣ сумракъ обитаетъ,
И гротъ таинственный, откуда струйка водъ
Межъ камней падаетъ, звенить и брызги бьетъ,
То прыгаетъ змѣей, то нитью изъ алмаза
Журчитъ между корней раскидистаго вяза,
Потомъ, преграду пней и камней раздробивъ,
Бѣжитъ средъ длинныхъ травъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
Разрозненныхъ въ корняхъ, но сплетшихся вѣтвями...

Я вижу, кажется, въ чащѣ, поросшей мхомъ,
Дріадъ, увѣнчанныхъ дубовыми листьями,
Надъ урной старика съ осоковымъ вѣнкомъ,
Сильвана съ фавнами, плетущаго корзины,
И Пана кроткаго, который у ключа
Гирлянды вѣшаетъ изъ розъ и изъ плюща
У входа тайнаго въ свой гротъ темнопустынный.

1840.

О В И Д І Й.

Одинъ, я погребенъ пустыней снѣговою.
Здѣсь всѣмъ моихъ стиховъ гармонія чужда,
И некому надъ ней задуматься порою,
Ей нѣтъ ни въ чьей душѣ отзвука и слѣда.
Зачѣмъ же я пою? Зачѣмъ же я слагаю
Слова въ размѣрный стихъ на языкѣ родномъ?
Кто будетъ ихъ читать и чувствовать?... О, знаю,
Ихъ вѣтеръ разнесетъ на берегъ пустомъ!
Лишь эхо повторитъ мои мечты и муки!..
Но все мнѣ сладостно обманывать себя:
Я жажду услышать страны родимой звуки,
Свои элегіи читаю громко я.
И думаю—дитя!—что это голосъ друга,
Что я въ кругу друзей... зову ихъ имена, —
И вотъ—мнѣ кажется, что дымная лагуна
Присутствіемъ гостей невидимыхъ полна.

1841.

И С К У С С Т В О.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у побережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарыбивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнить поморье.

1841.

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощѣ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, и чудный
Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сивьяновъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки и ихъ воскресить своей флейтой:
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя!..
Горькій безумецъ! Ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

1841.

ВАКХАНКА.

Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій
Молчанье дальнихъ горъ и рощей потрясали.
Движеньемъ утомленъ, я скрылся въ мракъ деревъ;
А тамъ, раскинувшись на мягкій бархатъ мховъ,
У грота темнаго, вакханка молодая
Покоилась, къ рукъ склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди
Лучъ солнца, тѣнь листовъ скользили, трепетали;
Съ аканѣомъ и плющомъ волосы ея спадали
На кожу тигрову, какъ рѣзвыя струи;
Тамъ тирсѣ изломанный, тамъ чаша золотая...
Какъ дышитъ виноградъ на персяхъ у нея,
Какъ алыя уста, улыбкою играя,
Лепечутъ, полныя томленья и огня!
Какъ тихо все вокругъ! Лишь слышны изъ-за дали
Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій...

1841.

ГОРНЫЙ КЛЮЧЬ.

Откуда ты, о, ключь подгорный,
Катишь звенящія струи?
Кто вызвать васъ изъ бездны черной,
Вы, слезы чистыя земли?
На горныхъ главахъ лучъ палящій
Кору ль лдяную растопилъ?
Земли ль изъ сердца ключь шипящій
Истоки тайные пробилъ?
Откуда бъ ни былъ ты, но сладко
Въ твоихъ сверкающихъ зыбяхъ
Дремать найдѣ, иль украдкой
Свой ликъ купать въ твоихъ водахъ;
Отрадно пастырямъ долины
У водъ твоихъ въ свой рогъ играть,
И двѣмъ звонкіе кувшины
Въ студеной влагѣ погружать.
Таковъ и ты, о, стихъ поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвалъ въ бездну свѣта?
Кого ты ищешь средь него?
То тайно всѣмъ; но всѣмъ отрадно
Твоей гармоніи внимать,
Любить твой строй, твой трепеть складной,
Въ тебѣ усладу почерпать.

1841.

ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь, въ долинѣ скорби, въ мирную обитель
Насъ земля приѣмлетъ:
Міра бѣдный житель отдохнуть приляжетъ
На груди родимой.
Скоро мохъ покроетъ надпись на гробницѣ,
И сотрется имя;
Но для тѣхъ безсильно времени крушенье,
Чье воспоминанье
Погрузить въ раздумье и изъ сердца слезы
Сладкія исторгнетъ.

1841.

ОРЕЛЪ.

Когда пернатыхъ царь стремится
Въ страны безоблачны парить,
Кавказъ его подножьемъ зрится,—
Кто смѣетъ съ нимъ себя сравнить?
Могучимъ, быстрымъ крыль размахомъ
Къ зениту простираетъ путь.
Ничто объять не можетъ страхомъ
Его безтрепетную грудь.
Онъ къ солнцу близиться дерзаетъ,
И вѣждъ предъ нимъ онъ не смыкаетъ,
Пьетъ взоромъ блескъ его лучей;
А тамъ, перуномъ вооруженный,
Своимъ величьемъ упоенный,
Онъ вержется, стрѣлы быстрѣй,
На доль съ превыспреннихъ зыбей.
(1835).

МЫСЛЬ ПОЭТА.

О, мысль поэта! Ты вольна,
Какъ пѣсня вольной гальціоны!
Въ тебѣ самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажетъ молніи: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажетъ горному орлу:
Ты не ширяй подъ небесами,
На солнце гордо не смотри,
И не плещи морей водами
Своими черными крылами
При блескѣ розовой зари?
1839.

ВАКХЪ.

Въ томъ гротѣ сумрачномъ, покрытомъ виноградомъ,
Сынъ Зевса былъ врученъ элидскимъ ореадамъ.
Сокрытый отъ людей, сокрытый отъ боговъ,
Онъ росъ подъ говоръ водъ и шелестъ тростниковъ.
Лишь мирный богъ лѣсовъ, надъ тихой колыбелью,
Младенца улаждалъ волшебною свирѣлью...

Какой отрадою, средь сладостныхъ заботъ,
Онъ нимфамъ былъ! Глухой внезапно ожилъ гротъ.
Тамъ, кожей барсовой одѣтый, какъ въ порфиру,
Съ тимпаномъ, съ тирсомъ онъ являлся божествомъ.

То въ играхъ хмелемъ и плющомъ
Опутываль рога, при смѣхѣ нимфъ, сатиру,
То гроздія срываль съ изгибистой лозы,
Ихъ связываль въ вѣнокъ, вѣнчалъ свои власы,
Иль нектаръ выжималь, смѣясь, своей ручонкой
Изъ золотыхъ кистей надъ чашей среброзвонкой,
И тѣшилъ, когда струей ему въ глаза
Изъ ягодъ брызнетъ сокъ, прозрачный, какъ слеза.

1840.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозить. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздуміи глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На доли, крытые ковромъ молодого снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у берега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ сребро;
Иглистымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ;
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою:
Тамъ по льду гладкому и скользкому рѣки
Свистять и искрятся визгливые коньки;
На лыжахъ звѣроловъ спѣшить къ лѣсамъ дремучимъ;
Тамъ въ хижинѣ рыбакъ предъ пламенемъ трескучимъ
Сухого хвоста худую сѣть чинить,
И сладостно ему вспомнить прежній бытъ,
Взирая на стекло окованной пучины—
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярыя и волнъ мятежный взрывъ,
И свой хранительный подъ ивами заливъ,
И про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
Проглянуть, озлатятъ пучины спящей гладъ
И свѣтять рыбаку свой неводъ подымать.

1839.

ДУМА.

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный свѣтлый день;
Тревожная—весны младая грозы.
Тамъ—солнца лучъ и въ зной оливы сѣнь,
А здѣсь—и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ и сладость слезъ!

1841.

СОМНѢНІЕ.

Пустъ говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сирень опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! Но въ полдень листьевъ шопоть
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ, моря ропоть
Глубокомысленъ, солнце дня
Съ такою любовію приємлетъ
Пучина моря, лунный ликъ
Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты!

1839.

П Л Ю Щ Ъ.

Зачѣмъ, о, плющъ, лозой своей
Гробницы мраморъ повиваешь,
И прахомъ тлѣющихъ костей
Свой корень темный ты питаешь?
Не лучше ль тамъ, у звонкихъ струй,
У грота, подлѣ водопада,
Гдѣ тайно юношѣ наяда
Дарить свой влажный поцѣлуй,
Тебѣ гранитовый осколокъ
Кудрявой зеленью убрать,
Или надъ ними брачный пологъ
Прозрачныхъ листьевъ разостлатъ?
„Прекрасенъ звукъ рѣчей нескромныхъ
Свиданья тайныя въ тѣни;
Но мнѣ милѣй на листьяхъ темныхъ
Слеза прощальная любви:
Пріавъ на зелень молодую,
Ее какъ жемчугъ я храню;
Объемля урну гробовую,
Я всѣмъ забытое люблю!“

1841.

ПРОЩАНІЕ СЪ ДЕРЕВНЕЙ.

О, други! прежде, чѣмъ покинемъ мирный кровъ,
Гдѣ тихо протекли дни нашего бездѣлья
Вдали отъ шумнаго движенія городовъ,
Ихъ скуки злой, ихъ ложнаго веселья,
Послѣдній кинемъ взглядъ съ прощальною слезой
На бывшій нашъ эдемъ!.. Вотъ домикъ нашъ укромной:
Пусть вѣкъ благой пенать хранить его покой
И грустная сосна объемлетъ вѣтвью темной!
Вотъ лѣсъ, гдѣ часто мы внимали шумъ листовъ,
Когда сквозить межъ нихъ лучъ солнца раскаленной...
Склонитесь надо мной съ любовью возжелѣнной,
О, вѣтви мирныя таинственныхъ дубровъ!
Шуми, мой свѣтлый ключъ, изъ урны подземельной,
Шуми, напони мнѣ игривою струей
Мечты настроены подъ сладкій говоръ твой,
Унывно-сладкія, какъ пѣсни колыбельны!..
А тамъ,—тамъ, на концѣ аллеи липъ и ивъ,

Колодець межъ деревъ, гдѣ часто, ночью звѣздной,
Звѣнящій свой кувшинъ глубоко опустивъ,
Дочь поля и лѣсовъ, склонясь надъ темной бездной,
Съ улыбкой образъ свой встрѣчала на водахъ
И любовалась имъ, и тайно помышляла
О стройномъ юношѣ,—а небо обвивало
Звѣздами ликъ ея на зыблемыхъ струяхъ.

1841.

С В И Р Ъ Л Ь.

Вотъ тростникъ сухой и звонкой...
Добрый Панъ! Перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И въ свирѣль его сложи!
Подѣлись со мной искусствомъ
Трели въ ней перебирать,
Оживлять ихъ мыслью, чувствомъ,
Понижать и повышать,
Чтобъ мнѣ въ зной полдня златого
Рощи, горы усыпить,
И изъ волнъ ручья лѣсного
Въ гротъ найду приманить.

1840.

Я знаю, отчего у этихъ береговъ
Раздумье тайное объемлетъ духъ пловцовъ:
Тамъ нимфа грустная съ распущенной косою,
Полузакрывая пѣвучей осою,
Порою пѣснь поетъ про шелкъ своихъ власовъ,
Лазурь заплаканныхъ очей, жемчугъ зубовъ,
И сердце, полное любви нераздѣленной.
Проѣдетъ ли челнокъ—пловецъ обвороженный,
Ея заслушавшись, перестаетъ грести;
Замолкнетъ ли она—но долго на пути
Ему все чудятся напѣвы надъ водою
И нимфа въ камышахъ съ распущенной косою.

1841.

ГОРЫ.

Люблю я горныя вершины,
Среди небесной пустоты
Горять ихъ странныя руины,
Какъ недоконченны мечты
И думы Зодчаго природы.
Тамъ недосозданные своды,
Тамъ великана голова
И неизваянное тѣло,
Тамъ пасть разинутая льва,
Тамъ профиль дѣвы онѣмѣлый...

1841.

ДИОНЕЯ.

Право, завидно смотрѣть намъ, какъ любить тебя Діонея.
Если ты въ циркѣ на бой гладиаторовъ смотришь, иль внемлешь
Мудрымъ урокамъ въ лицеѣ, иль учишься мчаться на коняхъ,—
Плачетъ, ни слова не скажетъ! Когда же въ пыли ты вернешься,
Вдругъ оживетъ, и соскочить, и кинется съ воплемъ,
Крѣпче, чѣмъ плющъ вокругъ колонны, тебя обвиваетъ руками:
Слезы на длинныхъ рѣсницахъ, въ устахъ поцѣлуй и улыбка.

1840.

НА ПАМЯТНИКЪ.

Онъ рано ужъ умѣлъ перебирать искусно
Свирѣли скважины; то весело, то грустно
Звучала трель его; онъ пѣлъ про плескъ ручья,
Помоной щедрою убранныя поля,
Про ласки юныхъ дѣвъ и сумрачные гроты,
И возраста любви тревожныя заботы.

1842.

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свижутъ соловьи, и иволги не слышно...
Ужъ полно! Не плести тебѣ гирлянды пышной
И забудками головки не вѣнчать;

По утренней росѣ ужъ зорекъ не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ легкіе пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ.
Не верескъ, не цвѣты пестрѣютъ по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та жъ: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшись и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою!
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цѣлуешь звонко, нѣжно!

1841.

Пусть полудикіе скины, съ глазами налитыми кровью,
Бьются, безумные, кубками пьянаго пира —
Други! Оставимъ имъ, дикарямъ кровожаднымъ, обычай
Сладкія Вакховы вина румянить пирующихъ кровью...
Бранныя копыа средь кубковъ и факеловъ пира!..
Гдѣ мы, скажите?.. Какое безумство! Веселье—и битва!
Полноте спорить! Умолкните, други! Вражду утопите
Въ чашахъ, у коихъ, чѣмъ болѣе пьете, все глубже и глубже
Кажется звонкое дно. Возлежите и пейте смиренно,
На руку мудрыя головы важно и тяжело уставивъ.

1841.

ЧЕРЕПЪ.

Духо мой заступъ, о черепъ ударясь, звенить. Замогильный
Гость, выходи-ка! Вокругъ тебя панцырь, перчатки и бердышъ—
Пусть истлѣваютъ! Тебя жъ отлучу я, о, черепъ, отъ тлѣна!
Ты не услышишь ни кликовъ воинскихъ, ни бранныхъ ударовъ.
Мирно лежи у подножія лиры эллинской и миртомъ
Вѣчно-зеленой Эллады вѣнчайся, порой наполняясь
Гулкимъ отвѣтомъ на струны ея, потрясенный вѣтромъ.
Также не въ вѣчныхъ ли мирахъ, не въ звукахъ ли горнихъ
гармоній,
Прежній хозяинъ твой, духъ, утонаетъ теперь?..

1840.

ПОЭЗИЯ.

Люби, люби камень, кури имъ ѳиміамъ!
Лишь ими жизнь красна, лишь ими милы намъ
Панорма небеса, Ѳетиды блескъ невѣрный,
И виноградики богатаго Фалерна,
И розы Пестума, и въ раскаленный день
Бландузія кристалль, и миръ его прохлады,
И Рима древняго священныя громады,
И утромъ ранній дымъ сабинскихъ деревень.

1840.

Свершай служенье музъ въ священной тишинѣ.
Пускай рожденія гармоніи высокой,
Рожденія стиха не узритъ смертныхъ око.
Ты самъ, творецъ, прійми дитя свое, свой стихъ;
Ты воспитай его и, въ латахъ золотыхъ,
Ужъ мужемъ, не дитей, введи въ арену міра.
Такъ зрѣетъ молнія на пажитяхъ ээира,
Во чревѣ грозныхъ тучъ; ихъ огонь мутитъ и мчитъ,
Но грянули, и вотъ стрѣльчатая летитъ
Огне-змѣистая, струится и сверкаетъ,
И рѣжетъ небеса и море обагрятъ.

(1842).

БАРЕЛЬЕФЪ.

Вотъ безжизненный отрубокъ
Серебра: стопи его
И вмѣстительный мнѣ кубокъ
Слей искусно изъ него.
Ни Кипридиныхъ голубокъ,
Ни медвѣдицъ, ни плеядъ
Не лѣпи по стѣнкамъ длиннымъ.
Отчекань: въ саду пустынномъ,
Между лозъ, толпы менадъ,
Выжимающихъ созрѣлый,
Налитой и пожелтѣлый
Съ пышной вѣтки виноградъ;
Вкругъ сидятъ умно и чинно
Дѣти возлѣ бочки винной;

Фавны съ хмелемъ на челѣ:
Вакхъ подь тигровою кожей
И Силенъ румянорокій
На споткнувшемся ослѣ.

1842.

SCHOLIA.

Не мирты съ лаврами, а грустный кипарисъ
Срываеиъ на пути сей жизни скоротечной;
Любимыхъ сверстниковъ не портики безпечны,
А гробы ихъ вкругъ насъ печально вознеслись...
Что жъ, други, унывать! И наши дни не вѣчны!
Возьми Горація, у древнихъ научись
Итти—не замѣчать потери безконечной.
Подь сводомъ древнихъ липъ, гдѣ дружно соплелись
Темнозеленый плющъ и тополь блѣднолистый,
Гдѣ катится, журча, источникъ серебристый,
Бели связать вѣнковъ, принесть столѣтнихъ винъ,
И пей классически, на зло судьбамъ упрямымъ
И Вакха чествуя: ему тамъ будетъ храмъ
Навѣсь деревъ, а гимнъ—отзвучіе долинъ!

(1842).

Внимаю ль я порой словамъ любви,
Такъ искренно люющимъ изъ сердца,
Какой-то духъ мнѣ говорить: „Не вѣрь,
Не вѣрь,—во всемъ обманъ жестокой.
Ты придалъ самъ имъ милое значенье,
Вокругъ себя самъ разлилъ чудный блескъ,
Довѣрчивой душой и пылкимъ чувствомъ
Ты чувство далъ тому, въ чемъ нѣтъ его“.—
Прочь, адскій духъ, оставь меня въ покоѣ,
Оставь мой сонъ; пройдетъ его волшебство,
И я, сказавъ: все въ мірѣ суета,
Его порой оплачу и скажу:
Какъ я любилъ разрушенный обманъ,
Горячихъ чувствъ волшебное безумье!..

(1842).

ТАЙНА.

Не вамъ, о, юные наперсники любви,
Не вамъ я укажу души моей царицу:
Смутять, сынъ праха, взоръ и помыслы твои
Селеній ангельскихъ младую голубицу.
Взгляните на нее, вы, духи горъ, лѣсовъ,
Вы, нимфы легкія дубравы тихогласной, —
Но, чуръ! не повторять названія прекрасной
Ни хитрому ловцу, ни пастырю дубровъ,
Ни этой вѣтреной жилищъ гротовъ темныхъ,
Измѣнницъ всѣхъ словъ и скромныхъ, и нескромныхъ.

1842.

ПРЕВРАЩЕНИЕ.

Я зналъ тебя, когда любви
Твоя душа еще не знала,
И буря сердца не смущала
Сны безмятежные твои;
И грудь твою, во дни и ночи,
Вздыхалась мѣрной чередой,
И не увлаживались очи
Любви загадочной слезой.
А нынѣ?.. Быстрыми очами
Ты искры льешь, полна тревогъ,
И вдохновенными устами
Незримо движетъ нѣкій богъ.
Такъ, древлѣ, жрица Аполлона,
Дотолѣ имъ не призвана,
У мрачныхъ капищъ Геликона
Нѣма, спокойна, холодна.
Но онъ воззвалъ: она трепещетъ,
По жиламъ огонь бѣжитъ струей,
И вдохновенной красотой
Лицо божественное блещетъ;
Въ движеніяхъ косы по плечамъ;
Речетъ—дрожать пещеры своды,
И внемлютъ съ ужасомъ народы
Ея пророческимъ рѣчамъ.

(1842).

ЕВГЕНИИ ПЕТРОВНѢ МАЙКОВОЙ.

Люблю я цѣлый день провести межъ горъ и скалъ...
Не думай, чтобы я въ то время размышлялъ
О благодати небесъ, величьи природы,
И, подѣ гармонію ея, я строилъ стихъ.
Разсѣянно гляжу на дремлющія воды
Лѣснаго озера и верхи сосенъ густыхъ,
Обрывы желтые въ молчаньи ихъ угрюмомъ;
Безъ мысли и лѣнивъ, смотрю я, какъ съ полей
Станицы тянутся гусей и журавлей,
И утки дикія ныряютъ въ воду съ шумомъ;
Безмысленно гляжу я въ зыблемыхъ струяхъ
На удочку, забывъ о прозѣ и стихахъ...

Но послѣ, далеко отъ милыхъ сихъ явленій,
Въ ночи, я чувствую, передо мной встаютъ
Видѣнья милыя, пестрѣютъ и живутъ,
И движутся, и я привѣтствую ихъ тѣни,
И узнаю лѣса и дальнихъ горъ ступени,
И озеро... Тогда я слышу, какъ кипитъ,
Во мнѣ святой восторгъ, какъ кровь во мнѣ горитъ,
Какъ стихъ слагается и прозябаютъ мысли...
1842.

ЧУДНЫЙ ВѢКЪ.

Былъ чудный вѣкъ, но вѣкъ сей золотымъ
Не нарекли потомки въ ослѣпленьи,
Хотя ему хвалы и славы дымъ
Они кадятъ въ нѣмомъ благоговѣннѣ,
Хотя и ихъ сіяніемъ своимъ
Объемлетъ онъ, какъ ангель вдохновенья.
Въ тотъ вѣкъ, въ его горнилъ закаленъ,
Былъ новый міръ изъ пепла возрожденъ.

Тотъ чудный вѣкъ не Греціи блаженной
Ниспосланъ былъ Юпитеромъ съ небесъ:
Онъ возсіалъ въ странѣ, загроможденной
Цѣпями горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
Средь благи и тундръ; въ той храминѣ священной,
Гдѣ льды горятъ, какъ въ храминѣ чудесъ,
При заревѣ и пламенномъ блистаньи
На сѣверѣ кроваваго сіянья.

Не пастыремъ скитался человѣкъ:

Онъ злато нивъ въ степяхъ разлилъ волнами;
Не бѣдный челнъ скользилъ по лону рѣкъ:
Котломъ моря вскипали подъ судами,
И Беринга могучій руль разсѣкъ
Льдяную грань между двумя мірами,
И царство вдругъ возстало, дрогнулъ врагъ,
И загулялъ въ моряхъ нашъ бѣлый флагъ.

Въ тѣни дубовъ коломенскихъ, смиренно
Возросъ небесъ помазанникъ молодой.
Тамъ изучалъ, въ тиши уединенной,
Всѣ язвы онъ страны своей родной,
И, прадѣдовъ ошибкой наученный,
Онъ скиптръ пріялъ, какъ Бога жезлъ святой,
Небесъ мечомъ перепоясалъ чресла,
Воззвалъ... и Русь изъ бездны тьмы воскресла!

И самъ вѣнецъ онъ слилъ ей на главу;
Сардамскій млатъ скрѣпилъ ея основы
И выковалъ ей мечъ и булаву;
Петра топоръ громовый сбиль оковы
Съ широкихъ вратъ въ Европу; а въ Неву
Пріялъ гостей младенецъ-городъ новый...
Былъ чудный вѣкъ, но золотымъ сей вѣкъ
Потомковъ гласъ въ смущеньи не нарекъ.

(1842).

Туда, гдѣ море спитъ у скалъ пирамидальныхъ,
Въ священной дикости лѣсовъ патріархальныхъ,
Въ пустынной глубинѣ таинственныхъ дубровъ,
Сокрой святую скорбь, питомецъ злополучья!
На торжищѣ суетъ, при оргіяхъ пировъ,

Ты не найдешь душъ своей созвучья.
Но тамъ, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ вокругъ запечатлѣнъ
Еще Господень перстъ въ гармоніи созданья,
Пади на грудь скалы, ей ввѣрь свои страданья
И, голову склоня у царственныхъ колѣнъ,
Повѣдай тайну ей. Ни пѣнистыя волны,
Ни томный скрипъ деревъ ее не разнесетъ:
Она ее навѣкъ въ груди своей запретъ...
Ея участіе глубоко и безмолвно!

(1841).

ВЕНЕРА МЕДИЦЕЙСКАЯ *).

„Невольницы мои младыя!
Курите чистый өиміамъ,
Развѣсьте ткани шелковыя,
Разсыпьте по цвѣтнымъ коврамъ
Гирлянды розановъ душистыхъ
И померанцовыхъ цвѣтовъ,
И, выжавъ брызги водъ струистыхъ
Изъ золотыхъ моихъ власовъ,
Ихъ благовоньемъ умастите,
И, діадимой оцѣнивъ,
На грудь высокую пустите
Змѣистыхъ локоновъ разливъ.
Пусть изумрудъ и жемчугъ млечный
По шеѣ цѣпью упадетъ,
Порфира алая безпечно
Тунику бѣлую повѣстъ.
На триумфальной колесницѣ
Златовѣнчанною царицей
Я вниду въ семихолмный Римъ.
Пусть, преклоненъ къ стопамъ моимъ,
Тогда народъ его упрямый
Меня богиней наречетъ
И рабски мнѣ изъ рода въ родъ
Жжетъ өиміамъ и зиждетъ храмы!
Чья грудь такъ гордо, высоко
Вздыхаетъ волны снѣговыя?
Чьи гуще косы золотыя?
И чьи ланиты такъ легко
Сіяютъ заревомъ денницы?..
Гдѣ мнѣ соперницы, о, Римъ?
Не вы ли, съ блескомъ подкупнымъ,
Продажныя порока жрицы?..
Предъ строгой гордостью моей,
Предъ блескомъ царственной осанки,
Замретъ невольно ядъ рѣчей
И взоръ неистовой вакханки.
Сразить ли онъ, сей взоръ нѣмой,
Молньеметательныя очи?..

*) Между археологами и художниками существуетъ повѣрье, что статуя, извѣстная подъ названіемъ «Венеры Медицейской», есть изображеніе одной римской императрицы.

Прочь, прочь! Вы блѣдны предо мной,
Какъ блѣдны звѣзды синей ночи
Передъ денницей молодой!
Я въ Римъ явлюсь, какъ къ роцамъ Книда
Являлась пышная Киприда
На колесницѣ золотой,
Влекомой плавно лебедями,
И жертвъ веселыми огнями
Горѣлъ алтарь ея святой“.
Такъ говорила молодая
Царица Рима, покидая
Купальни мраморной струи,
Волнами легкой кисеи
Роскошно члены обвивая,
И, сладкимъ трепетомъ полна,
Въ ковры кидалася она.
И вотъ красавицы надменной
Мечты сбылись: перенесло
Волшебство мысли вдохновенной
На мрамора обломокъ бранный
И это гордое чело,
Вѣнчанное красой Изиды,
И стройный станъ, и снѣгъ груди:
И Римъ нарекъ ее Кипридой!
И Римъ молился передъ ней!
Прошли вѣка. Ихъ молотъ твердый
Величья храмы раздробилъ;
Внесенный къ небу мраморъ гордый
Перунъ завистливый сразилъ;
Миеологическіе боги
Забыли пышный Пантеонъ,
И бродить нищій, тать убогій,
Въ пыли дорическихъ колоннъ.
Какъ трупъ, какъ остовъ молчаливый,
Лежать въ пескахъ златяя Фивы:
Тамъ блещетъ змѣй, иль бѣглый рабъ,
Степной скрывается арабъ...
Но вы, обломки величавы,
Которымъ геній чистоты
Лучами вѣчной красоты
Одѣялъ мраморныя главы!
Какъ завѣщаніе вѣковъ,
Вы сохранились средь гробовъ.
Не жертвы кровь, не блѣдный пламень,

Не өміама легкій дымъ
Объемлетъ жертвенный вапъ камень:
Нѣтъ, блещетъ даромъ онъ инымъ!
На немъ сіяетъ вдохновенье,
Восторгъ, какъ өміамъ, горить,
И, чуя бога, въ умиленіи
Душа трепещетъ и кипить.
(1842).

РАДОСТЬ.

Долго ль радости сіянье
Озаряетъ темный міръ?..
Други! Сядемъ ли за пиръ,
Сотворивши возліянья
Винъ на жертвенникъ боговъ
По начаткамъ отъ плодовъ;
Пышно чаши золотыя
Темнымъ миртомъ обовьемъ;
Осѣнимъ чело вѣнкомъ
Алыхъ розъ; струи живыя
Кипра пѣной осребримъ;
Храмъ веселья ярымъ воскомъ
Озаримъ, и огласимъ
Пирныхъ пѣсень отголоскомъ:
Что жъ?.. Еще горять огнемъ
Розы свѣжія Пестума,
А, какъ воронъ черный, дума
Тѣнью вьется надъ челомъ!
(1842).

ИЗМѢНА.

Алой ризою играя,
Быстро Цинтія младая
Покидала небеса.
„Подожди, богиня тѣни,
Оставлять восточны сѣни,
Тѣмь долины и лѣса.
Въ часъ, какъ Гесперъ засребрится
И въ густые тростники
Бѣлый лебедь удалится,
И вечерній лучъ, съ рѣки,

Плеща крыльями, окликнеть,—
Подъ скалою въ этотъ гротъ
Нимфа рѣзвая прійдетъ
И къ груди моей приникнетъ...
Но ужъ гаснетъ синій сводъ,
Спитъ тростникъ въ поморьѣ дикомъ,
Гесперь свѣтитъ, рощи спятъ,
Бѣлый лебедь томнымъ кликомъ
Ужъ привѣтствовалъ закатъ...
Подожди, богиня тѣни,
Покидать восточны сѣни,
Росы долу разсыпать,
Горы мракомъ устилать!“

Я молилъ; но въ тверди чистой
Вѣя мантией звѣздистой,
Съ синимъ факеломъ въ рукахъ,
Ночи мирная царица
Мнѣ явилась въ небесахъ:
Быстры кони, колесница
Черной тканью обвиты;
Сонмы блѣдныхъ привидѣній,
Грѣзы, призраки и тѣни
Вкругъ вились средь темноты;
Въ кудри дѣвы макъ росистый,
Зыбкій колосъ вилѣтены
И звѣздой сребролучистой,
Какъ вѣнцомъ, озарены.
И небесная съ любовью
Улыбалась мнѣ въ тиши,
И бросала къ изголовью
Маки пестрые свои...
„О, помедли въ быстромъ бѣгѣ,
Дщерь небесъ, не улетай!
И лобзаньемъ тихой нѣги
Ты лобзай меня, лобзай!“
Я молился, но сіяла
Ужъ Аврора въ небесахъ,
Солнце пышно всплывало
Утра въ розовыхъ лучахъ.

(1842).

ДОРИДЪ.

Дорида милая, къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазь, огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный гибкій станъ и перси наливныя?..
Нѣтъ, милая! Оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣнне такъ хладно предъ святыней!
Я не его ищу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златого,
Сорви съ своей груди рукой своей перловой
Ту розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ
Забудеть всѣ любви приманки!.. Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато, и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полупрозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! Какъ ты мила, какъ миль и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

(1842).

МАГДАЛИНА.

Посмотри: прикрывъ власами
И косматой кожей льва
Станъ свой, въ гротѣ, межъ скалами,
Дѣва. Блѣдная глава
Оперлась въ изнеможенъи
Грустно на руку; въ другой—
Сей символъ уничтоженья,
Бѣлый черепъ гробовой.
Злато, пышныя одежды
Топчетъ съ гордостью нога,
Очи подняты съ надеждой
Ко кресту изъ тростника.

(1842).

С Л А В А.

Какой таинственной силой
Влечешь насъ, дивная, къ себѣ?
Старикъ надъ бездною могилы
Еще мечтаетъ о тебѣ;
Тебя безумно юность ловить,
Подъявъ Алкидовы труды,
Тебѣ на жертвенникъ готовить
Ихъ многоцѣнные плоды.
Ирисы лентой лучезарной
Предъ ней ты стелешь жизни путь...
Сирена пышная! Коварной
Твоя любовью дышитъ грудь!
Сіяя въ ризахъ триумфальныхъ,
Въ коронѣ звѣздъ и пальмъ вѣчальныхъ
Ты передъ жадною толпой
Поешь, прелестительница, пляшешь,
Зеленымъ лавромъ гордо машешь
И ослѣпленныхъ манишь рой
Къ тобою воздвигнутому храму:
Но горе тѣмъ, кто за тобой
Идетъ къ вѣнцу и оміаму
Злаченныхъ терніевъ тропой!

Такъ змѣй, на солнцѣ грѣясь, блестя
Сребромъ и золотомъ чешуи;
Свиваясь кольцами, трепещетъ,
Какъ влаги свѣтлыя струи.
Но не ходи, о, путникъ дальный,
Къ его бронѣ сизокристалльной,
Къ его блистательнымъ красамъ:
Тебя приманитъ онъ, а тамъ
Столпомъ подымется, съ размаху
Клубами обовьетъ тебя,
И, жало въ сердцѣ утопя,
Съ тобою покатится по праху.

(1842).

ПѢВЦУ.

Когда поносить чернь хулою
Тебя, божественный пѣвецъ,
И святотатственной рукою
Съ главы срываетъ твой вѣнецъ,

Еще ты можешь сладкимъ мукамъ
Ожесточенныхъ грудь открыть,
Священной арфы яркимъ звукомъ
Подъяту длань окаменить,
И, разволнованы и сжаты,
Сердца почувють твой напѣвъ,
И, укрошенъ, приляжетъ левъ
Къ твоимъ стопамъ головой косматой.

Но если, буйные, они
Глагола мира и любви,
Какъ гробы хладные, не слышать;
Когда, подъ гимнъ молебный твой,
Какъ предъ архангельской трубой,
Они коварной злобой дышать:
Въ послѣдній разъ ты обоими
Златую арфу со слезами
И струны вѣщія перстами
Со звонкимъ грохотомъ порви!
(1842).

КОНЕЦЪ МИРА.

Пируй въ огнѣ и оиміамѣ,
Порокъ, вѣнчайся на землѣ!
Витѣйствуй въ дерзостной хулѣ
Богонепротивными устами!
Свой тронъ златой воздвигнулъ ты
Въ обломкахъ падшія святости:
Въ чаду убійства и гордыни,
До этой грозной высоты
Тебѣ ступени были—трупы!
И ты восшелъ, какъ нѣкій богъ,
На святотатственный чертогъ,
Попралъ ливанскихъ кедровъ купы;
Къ твоимъ стопамъ повергъ Офиръ
Трудами купленное злато,
Янтарь и пурпуръ гордый Тиръ,
Питомецъ степи и булата
Стада кипучихъ кобылицъ.
Какъ остовъ тлѣющій гробницъ,
Ты отвратительность нагую
Одѣлъ въ виссонъ и ткань златую,
И жертва буйства твоего,

Обрызганъ кровью, стонетъ правый...
Но небо зрѣть твой пиръ лукавый
И извы тяжкія его:
И прійдетъ мигъ—міры вселенной
Вдругъ остановятся въ пути;
Соборъ творенія мгновенно
Отчетъ великій принести
Предъ ликъ божественный предстанетъ...
О! неожиданно тогда,
Свѣтло, торжественно настанетъ
Святой и грозный часъ суда!
Творецъ речетъ, громоподобно
Архангелъ брани возгремитъ,
Труба усопшихъ пробудить,
И камень ринется надгробный,
И червь отпрянетъ отъ костей,
И кости вновь соединятся
И вновь изъ праха облачатся
Земною ризою своей...
Блаженъ, подъ знаменемъ любви
Чья ярко блещетъ правота,
Чья риза бѣлая чиста
Отъ жгучихъ пятенъ братней крови!

(1842).

МЫСЛЬ.

Все божество являетъ въ ней,
Въ ея торжественности стройной,
Въ улыбкѣ устъ, въ игрѣ очей
И въ этой гордости спокойной.
Она слетитъ: какъ серафимъ,
Наполнить блескомъ все святымъ.
Люблю смотрѣть ей въ ясны очи,
Какъ въ глубь небесъ бездонныхъ ночи,
И видѣть въ нихъ, какъ огонь порой
Въ душѣ горитъ и гаснетъ чистой—
То брезжетъ тихую звѣздой,
То брызжетъ молніей огнистой.

(1842)

ЗАРЯ.

Замолкъ и рогъ и топотъ стадъ;
Скирды на пажити стоятъ;
Дымясь, отъ зелени росистой
Курится тихій оиміамъ
И съ рощи, пылью серебристой,
По синимъ вьется небесамъ;
А небо облито волнами
Вечернихъ пурпурныхъ лучей,
Скользящихъ ввысь межъ облаками
И отраженныхъ зеркалами
Безмолвно дремлющихъ зыбей.
Спѣшитъ все къ нѣгѣ благодатной
Подъ кровомъ мирной темноты...
Чего жъ ты медлишь, лучъ закатный?
Зачѣмъ же вдругъ не гаснешь ты?
Иль подъ шатромъ листовъ росистыхъ
Ты не дослушалъ до конца
Напѣвовъ звонко-серебристыхъ
Лѣсовъ пустынного пѣвца?

Порою такъ краса младая,
Шнуровку тѣсную скидая
И косу распустивъ на грудь,
Готовясь пышно утонуть
Въ пуху дѣвической постели,
Вдругъ внемлетъ—съ шопотомъ синели
И розы, арфы тихій звонъ
Въ окно зефиромъ занесенъ.
„Не онъ ли!“ И рука нѣмѣетъ
Передъ застежкой золотой,
И сонный взоръ ея свѣтлѣетъ,
Утаенъ вздохъ, забытъ покой.

(1842).

ДВА МОРЯ.

Въ вѣнцѣ береговъ, на яблокѣ земли
Два моря есть—разрозненные братья:
Одно полно божественной любви,
А на другомъ лежитъ клеймо проклятья.
Одно легло игривою волной,
Подъ сѣнью пальмъ, на берегъ утучненный,
И города, какъ перлы многоцѣнны,

Оно вплело въ вѣнецъ свой голубой.
 Покрыты лазурными снѣгами,
 А по пятамъ увиты кругомъ
 Богатыхъ лозъ янтарными кистями,
 Глядятся горъ лдяныя цѣпи въ немъ,
 Подъ кровомъ ихъ ликующіе грады
 По яхонту полуденныхъ зыбей
 Другъ къ другу шлютъ вѣтрила кораблей,
 Какъ лебедей бѣлѣющее стадо.
 И зелены сады густые ихъ;
 Какъ жаръ горятъ ихъ мраморныя кровли;
 И зыблется въ заливахъ голубыхъ
 Игривый флагъ дѣятельной торговли.
 Какъ нѣженъ звукъ гитаръ и мандолинъ
 Въ тѣни оливъ и темной сикоморъ!
 И теплыхъ волнъ какъ сладкозвучны хоры
 По берегамъ у дремлющихъ руинъ!
 Однѣ звучатъ аккордами Россини,
 Тѣ вторятъ кликъ алжирскихъ удалцовъ,
 А тамъ онѣ, своею цѣпью синей,
 Журчатъ вокругъ эллинскихъ городовъ.
 И, мнится, тамъ, вокругъ пустынныхъ мысовъ,
 Въ развалинахъ, подъ тѣнью кипарисовъ,
 Хоръ nereидъ при мѣсячныхъ лучахъ
 Родныхъ руинъ оплакиваетъ прахъ—
 Сей дивный край, жемчужину природы,
 Блестящій перлъ на поясѣ земли...
 И съ ропотомъ полуденныя воды
 Ихъ скорбный плачъ далеко разнесли.
 Но есть вдали другое море. Дико
 Стоитъ оно на рытвинѣ великой;
 Оно горитъ какъ сизое стекло
 Межъ голыхъ скалъ, среди пустыни спящей,
 Недвижимо, лазурно и блестяще,
 Проклятіемъ навѣкъ заклеено!
 По немъ, воздѣвъ шеломъ среброкосматый,
 Станица волнъ не ратуетъ вовѣкъ;
 И не свѣжить асфальтовые скаты,
 И не клеймитъ жемчужной пѣной берегъ.
 Не рѣзалъ руль воды его лѣнливой,
 Орелъ къ нему съ небесъ не ниспадалъ,
 И съ ревомъ левъ своей златистой гривы
 Въ его водахъ зловонныхъ не купалъ.

ВИДѢНІЕ.

Прійди, товарищъ думъ, мой стихъ благоуханный!
 Я вижу нѣкій блескъ чудесно разлианный;
 Прійди... Ты видишь ли въ сіяньи семъ кумиръ
 Какъ будто мраморный? Ты слышишь горнихъ лиръ
 Невѣдомые намъ магическіе звуки?
 Вглядись, какъ движутся уста и грудь, и руки,
 И кровь вдругъ мраморны ланиты обожгла?
 Повязка падаетъ... Съ лилейнаго чела
 На плечи хлынули віющія волны
 Каштановыхъ кудрей... Глаза движенія полны...
 Колебля тихо свой холодный пьедесталь,
 Статуя сходитъ внизъ. Я руки простираю
 Къ нему; но все блѣднѣй, блѣднѣе призракъ странный...
 Рисуй его, рисуй, мой стихъ благоуханный!..

(1842)

ПЕРЕРОЖДЕНІЕ.

Немного надобно, чтобъ миръ во мнѣ вселить,
 Судьбу и жизнь мою весельемъ озарить!
 Давно ли я глядѣлъ съ печалью и тоскою
 На свой убогій кровъ?.. Забыта на стѣнѣ
 Висѣла арфа; сводъ деревъ, любимыхъ мною,
 Мечтанья сладкаго ужъ не будилъ во мнѣ;
 Меня пугаяся, наяды мнѣ не пѣли
 Въ водахъ источника; и листьями деревъ
 Внезапно надо мной дріады не шумѣли,
 И въ гроты не манилъ ихъ нимфъ незримыхъ зовъ.
 Все было чуждо мнѣ: и алый блескъ авроры
 И тайный полумракъ іюльскихъ вечеровъ...
 Теперь опять не то: опять лѣса и горы
 Проснулись; звучитъ свободно пѣснь моя;
 Опять населена природа существами
 Знакомыми; опять веду бесѣду я
 Съ скалами черными и темными лѣсами,
 И имъ передаю, безпеченъ какъ дитя,
 Стиховъ таинственныхъ волшебные наѣвы
 Про взоры томные явившейся мнѣ дѣвы.

(1842).

МИНУТНАЯ МЫСЛЬ.

Когда всеобщая настанетъ тишина
И въ куполѣ небесъ затеплится луна,
Кидая блѣдный свѣтъ на портики нѣмые,
На дремлющій гранитъ и воды голубыя,
И мачты черныя недвижныхъ кораблей, —
Какъ я завидую, зачѣмъ въ душѣ моей
Не та же тишина, не тотъ же миръ священный,
Какъ въ лунномъ сумракѣ спокойствіе вселенной.
(1843).

ПРЕДСКАЗАНИЕ.

Тебѣ пятнадцать лѣтъ. Я вѣрю, ты — ребенокъ.
Румянецъ на щекахъ; твой смѣхъ, твой голосъ — звонокъ.
Но, знай, мой другъ, близка, близка пора любви!
Все говоритъ о пей, — и тайное желанье,
И очи влажныя, и въ дымѣ кисеи
Полуразвитыхъ формъ живое очертанье.
(1842).

ИСПЫТАНИЕ.

Я помню этотъ мигъ... При шумѣ водопада,
Подъ сѣнью миртовой полуденнаго сада,
Я съ милой дѣвою наединѣ сидѣлъ.
Я тихо въ очи ей лазурныя глядѣлъ
И слушалъ дѣтскія ея мечты, признанье,
Младенческой души святое изліянье.
И нѣжность чувствъ ея, порывовъ чистота,
И пылкость страстныхъ словъ, могущество стыда,
Въ которомъ ей была ограда отъ порока,
Надежды ясныя, покой души глубокій,
Довѣрчивость, съ какою она вѣтряла мнѣ
Невинность, дивныя красы наединѣ, —
Смиряя бѣшенство любви моей кипучей,
Меня тревожили... Томимый жаждой жгучей,
Въ волненьи я главою на грудь ея упалъ;
Я не владѣлъ собой и горько зарыдалъ.
О чемъ? Сказать не смѣлъ предъ дѣвой я прекрасной...
Я плакалъ, что не могъ, подобно ей, такъ ясно
Глядѣть на міръ и жизнь; что чувство у меня

Уже такъ замерло; что прежде называлъ я
Сочувствіе двухъ душъ несбыточной мечтою,
Игрушкой слабости ничтожной и смѣшною;
Что для меня тяжка въ сей мигъ наединѣ
Довѣрчивость, съ какой она ввѣряла мнѣ
Всю будущность свою, свои красы младыя,
Уста и гибкій станъ, и кудри золотые...

(1844).

ДИКАРКА.

Дитя свободныхъ горъ и дѣвственныхъ долинъ,
Ты, рощей пальмовыхъ младая голубица,
Глухого острова пустынная царица!
Какъ чудно увидать для бѣгуна пучинъ
Тебя, пустыни перль, цвѣтокъ скалы гранитной,
Прекрасное дитя природы первобытной!
Не ты ли образъ тотъ, въ которомъ рождена
Первосозданная отъ Господа жена,
Тщеславья чуждая, не знающая силы
Ни огненныхъ очей, ни устъ улыбки милой?
Такой являлась мнѣ она: ея красы
Одѣты въ пышный шелкъ распущенной косы;
Ни лилій нѣтъ, ни розъ, ни перловой повязки;
Въ очахъ лучъ разума; въ ланитахъ нѣги краски
И непритворнаго невинности слѣда;
Улыбкою любви оживлены уста,
Невѣдомый огонь ей тихо перси движеть;
Ей птицы гимнъ поютъ, а тигръ ей ноги лижетъ,
И пусто все вокругъ, какъ дикій островъ твой,
И властвуетъ она, какъ ты надъ сей скалою,
Надъ сей природою и дѣвственной, и дикой...
Но что?—У грота ты срываешь павидики,
Ліану съ розами, сплетаешь ихъ въ вѣнокъ—
Вѣнчаешься; жемчугъ надѣвши ожерельемъ,
Ты смотришься въ ручѣ съ младенческимъ весельемъ,
Подымешь, оторвешь въ вѣнкѣ своемъ листокъ,
Откинешь на плечо искусно локонъ зыбкій,
Глядишь, какъ предъ тобою блѣднѣютъ чаши розъ,
И гордо чувствуешь весь блескъ своей улыбкой,
Могущество очей, богатство длинныхъ косъ...

(1845).

Полно притворяться,
 Юноша счастливый!
 Повинись, признайся:
 Что ты такъ встревоженъ
 И хитришь неловко?
 Я попалъ нехстати?
 Видѣлъ я, мелькнуло
 Бѣленькое платьѣ
 Посреди деревьевъ;
 Изъ сада да къ дому
 Убѣжала Нина,
 По цвѣтамъ ступая,
 Портя и ломая
 Милыя ей розы,
 Макъ и гіацинты...
 Знаешь ли ты, вѣтеръ
 Вѣется вокругъ розы,
 Вдругъ, какъ бы спугнулъ кто,
 Отъ нея умчится,
 Все еще исполненъ
 Запахомъ чудеснымъ
 Благовонной розы:
 Что же ты стыдишься?
 Очи блещутъ нѣгой,
 На душѣ такъ ясно,
 Голова весеннимъ
 Счастьемъ сіяетъ —
 Не бывалъ ты лучше!
 Годы страсть уносятъ,—
 И, повѣрь, успѣешь
 Ты еще быть старцемъ...
 А ужъ что за юность
 Безъ любви и счастья!

(1853).

ВСТРѢЧА.

Случается порой, въ весенній ясный день,
 Когда къ намъ вѣтерки съ полудня прилетаютъ,
 Съ крышъ капли быстрыя какъ золото мелькаютъ,
 И на душѣ твоей томленье, сонъ и лѣнь;
 И смотришь, какъ народъ идетъ толпой шумищей,

Какъ вздулось синее стекло замерзшихъ рѣкъ,
Какъ скачутъ вороны, коная рыхлый снѣгъ...
Вдругъ посреди толпы, какъ метеоръ блестящій,
Идетъ красавица... внезапно предъ тобой
Какъ будто бы пахнѣтъ цвѣтами и весной,
И словно обожжетъ тебя, какъ гордо взглянетъ
Въ лицо тебѣ, и ждетъ, что ты потушишь взоръ
И, какъ царицѣ, дашь стопамъ ея просторъ:
О, какъ тутъ хорошо и вмѣстѣ стыдно станеть!
Вся жизнь въ груди въ тотъ мигъ воспрянетъ ото сна,
И знать хотѣлось бы, что думаетъ она —
Межъ тѣмъ, какъ ослѣпленъ, потерянъ и встревоженъ,
Ты кажешься такъ малъ, незначащъ и ничтоженъ...
Стоишь какъ вкопанный, а взоръ за ней слѣдить
Въ толпѣ, во множествѣ мелькающихъ нарядовъ,
И все въ душѣ твоей какъ струнный гулъ дрожить
Подъ электричествомъ двухъ встрѣтившихся взглядовъ...
Вотъ такъ рождается и мысль твоя, поэтъ,
Какъ образъ пламенный, какъ мимолетный свѣтъ,
И только силишься, при трепетѣ блаженства,
Запомнить рѣзкихъ чертъ красу и совершенство,
Покуда не прошла та творческая дрожь
И душу не объялъ художническій холодъ:
Прочь, зодчій! Планъ готовъ, размѣренъ и хорошъ,
И плотничать иди пила, топоръ и молотъ!

(1854).

II. ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

С А Ф О.

I.

Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра
Себѣ чело я обвила
И лиру миртомъ убрала?..
Такъ! Мнѣ оракуль Эпидавра
Предрекъ не даромъ чашу мукъ:
Ты мнѣ невѣренъ, милый другъ!
Ты очарованъ новой страстью
У ногъ красавицы другой.
Но овладѣть она тобой,
Скажи, какой умѣла властью?
Ничто, ни мысль ни чувство, въ ней
Границъ холодныхъ не преступить;
Она безсмысленныхъ очей
Не озаритъ огнемъ страстей
И вдругъ стыдливо не потупитъ;
Не можетъ локоновъ убрать
Небрежно, но уловкой тайной,
Ни по плечамъ какъ бы случайно
Широко ризы разметать.

1841.

II.

Звѣзда божественной Киприды!
Люблю я ранній твой восходъ,
Въ часы, какъ ночь своей хламидой
Востокъ туманный обовѣтъ.
Твоя блестящая лампада
Трапезы наши золотитъ,
Гдѣ Вакхъ, въ вѣнцѣ изъ винограда
И тигра кожею покрытъ,
Съ кипящей чашей предсѣдаетъ.
Ты миръ вселяешь средь дубровъ,

Гдѣ нимфа робко пробѣгаетъ,
За ней влюбленный богъ лѣсовъ;
Твой лучъ дрожащій вызываетъ
Гимнъ Филомелы надъ ручьемъ.
Милѣй въ сіяніи твоємъ
Любви мечтательность и нѣжность,
И взоромъ отраженный взоръ,
Одежды легкая небрежность
И полускромный разговоръ.

1841.

АНАКРЕОНЪ.

Пусть гордится старый дѣдъ
Внуковъ рѣзвою семьею,
Витязь — плѣнниковъ толпою
И трофеями побѣдъ;
Красота морей зыбучихъ —
Паруса судовъ летучихъ;
Честь народовъ — мудрый кругъ
Патріарховъ въ блескѣ власти;
Для меня жъ милѣй, мой другъ,
Въ пору бури и ненастій,
Въ теплой хижинѣ очагъ,
Пня дубоваго отрубокъ
Да въ рукахъ тяжелый кубокъ,
Въ кубкѣ хмель и хмель въ рѣчахъ.

1843.

ПРОПЕРЦІЙ.

I.

Ту л л у.

Ты счастливъ, Туллъ, сидя безмолвно
Подъ сельскимъ портикомъ своимъ
За чашей греческою, полной
Лесбійскимъ сокомъ золотымъ.
Ты взоромъ слѣдуешь спокойно
За бѣгомъ лодокъ по рѣкѣ,
Пловцовъ внимая пѣснѣ стройной,
Ловя ихъ парусъ вдаль,
Или любуясь важнымъ ходомъ

Влекомыхъ вервами судовъ,
И на привѣтствія пловцовъ
Главой киваешь мимоходомъ.
Но, другъ мой, Паѳоса жрецу,
Мнѣ не вкусить тѣхъ наслажденій!
Зато, когда на ложѣ лѣни,
Склоняясь ко мнѣ, лицомъ къ лицу,
Задремлетъ Цинтія; когда я
Въ ея запутаю власахъ
Свои персты, въ тиши внимая
Сквозь сонный лепетъ на устахъ,
И ей любясь: чтò Пактолы
Златая розсыпь для меня,
Всемирный скиптръ, вѣнецъ тяжелый
И бармы пышныя царя!

1841.

II.

Цинтія.

О, Цинтія! Вдали отъ друга своего,
Когда взираешь ты на волны голубыя,
Обнявшія берега Неаполя златые,
И пальмы, и холмы, и портики его,
Ко мнѣ ль летятъ твои игривыя мечтанья?
Меня ли ищетъ взоръ на этихъ челнокахъ,
Мелькающихъ вдали на бѣлыхъ парусахъ?
Все та же ль ты, какъ въ часъ послѣдняго свиданья?
Быть-можетъ... страшная мечта!.. передъ тобой
Иной на гимнъ любви кивары строй наладилъ...
Ты улыбаешься... а дерзкою рукой
Онъ имя Цинтіи въ стихахъ моихъ изгладилъ...
Быть-можетъ, на берегу зелено-теплыхъ водъ,
Подъ тѣнью маслины, густымъ плющомъ увитой,
Довѣрчиво ему внимаешь ты—и вотъ,
Моя любовь и я, тобою все забыто!..
Прочь! Прочь, коварный сонъ! Разсѣйся ты, какъ дымъ!
Иль лучше ты яви мнѣ Цинтію младую,
Какъ бродить, грустная, надъ озеромъ лѣснымъ,
И, въ легкомъ челнокѣ, равнину водяную
Бразды весломъ, собою любитъ въ водахъ,
Теряя розаны въ взволнованныхъ струяхъ;
Иль въ полдень у ручья, за рощею зеленой,

Одежды сбросивши на бархатъ луговой,
Спускается въ ручей робѣющей ногой,
Невольнымъ визгомъ вдругъ долину оглашаетъ,
И, воды расплеснувъ, какъ лебедь выплываетъ.

1841.

ГОРАЦІЙ.

I.

Скажи мнѣ: чей челнокъ къ скалѣ сей приплываетъ?
Кто этотъ юноша, въ вѣнкѣ изъ алыхъ розъ,
Укрывъ свой челнъ въ кустахъ, взбѣгаетъ на утесъ
И въ гротѣ на скалѣ тебя онъ обнимаетъ?..
Какъ счастливъ онъ!.. Любовь въ очахъ его горитъ!..
Но онъ, неопытный, не знаетъ, какъ невѣрно
То море! Какъ оно обманчиво блеситъ,
Подобно женщинѣ, темно и лицемѣрно!
Твоя золотая рѣчь—крыло его лады.
Онъ думаетъ найти любовь и наслажденье,
Но, Боже мой! онъ бурь не слышитъ приближенья,
Свирѣпыхъ моря бурь и страшныхъ бурь любви!
Но мнѣ ужъ этихъ грозъ не страшно дуновенье:
Я вышелъ на берегъ, во храмъ; богамъ своимъ
Гирлянды возложилъ на жертвенникъ спасенья
И ризы влажныя развѣсилъ передъ нимъ.

1841.

II.

Легче лани юной ты
Убѣгаешь предо мною.
Залепечуть ли листы,
Вѣтерокъ ли надъ водою
Пробѣжитъ, или въ кустахъ
Слышенъ ящерицы шорохъ—
Ужъ ее объемлетъ страхъ,
Гнуты ноги, огнь во взорахъ.
Но я жду, что на бѣгу
Ты оглянешься къ врагу,
И замедлишь шагъ и рядомъ
Вдругъ очутишься со мной,
Страхъ забывъ, потупясь взглядомъ,
Мнѣ внимая всей душой!

1841.

МАРЦАЛЪ.

Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно,
Горечи жизни не зная, до старости поздней,—
Друга себѣ не ищи и ничѣмъ не зови себя другомъ:
Меньше ты радостей вкусишь, меньше и горя!

1842.

ОВИДІЙ.

Посланіе съ Понта.

Здорово, добрый другъ! Здорово, консулъ новый!
Я знаю,—въ пурпурѣ, и съ консульскимъ жезломъ,
И въ сонмѣ ликторовъ, покинулъ ты свой домъ,
И въ храмъ Юпитера течешь теперь, готовый
Пролить предъ алтаремъ дымящуюся кровь...
Увѣренъ, что купилъ народную любовь,
Взираешь ты, какъ чернь бросается толпами
На жареныхъ быковъ съ злачеными рогами...
Но, если вдругъ тебѣ твой рабъ письмо вручить,
Начертанное здѣсь изгнанника рукою,—
Какъ встрѣтишь ты его? Чѣмъ взоръ твой заблеститъ?
Кивнешь ли вѣстнику привѣтно головою,
Иль кинешь гнѣвный взоръ дрожащему рабу?
Что бъ ни было! Ты все стоишь передо мною
Какъ прежній добрый другъ... и я клянусь судьбу,
Стократъ ее клянусь, что разлученъ съ тобою,
Что нѣтъ на торжествѣ твоёмъ моихъ даровъ;
Что мнѣ не суждено съ сверкающимъ фалерномъ
Подняться со скамьи и голосомъ невѣрнымъ—
Отъ чувства полноты—прочестъ тебѣ стиховъ!
Увы! мнѣ самый стихъ латинскій измѣняетъ!
Ужъ мысль моя двойной одеждой щеголяетъ...
Уже Авзоніи блестящія цвѣты
Блѣднѣютъ предо мной, а мирная долина,
Пустынные берега шумящаго Эвксина
Да быта скийскаго суровыя черты
Мнѣ кажутся вѣнцомъ высокой красоты!..
А пѣсни дикарей!.. Межъ скиоовъ, въ ихъ пустынѣ,
Я самъ сталъ полу-скиоѣ. Повѣришь ли, я нынѣ
Ихъ дикимъ языкомъ владѣю какъ своимъ!
Я приучилъ его къ себѣ, какъ звѣря. Имъ
Я властвую: въ ярмо онъ выю преклоняетъ,

Я правлю, и на Пиндъ какъ вихоръ онъ взлетаетъ...
Пойми меня, мой другъ! Пойми: мой грубый стихъ
Не втунѣ ужъ звучить среди пустынь нагихъ,
А принять, повторенъ и понять человекомъ!
И скиѣ дикіе, подобно древнимъ грекамъ,
Съ улыбкою зовутъ меня своимъ пѣвцомъ!
Поэму я сложилъ ихъ варварскимъ стихомъ;
Для нихъ впервые я воспѣлъ величье Рима
И все, съ чѣмъ мысль моя вѣкъ неразлучима...
О дивномъ Августѣ звучала пѣснь моя...
Я пѣлъ Германика, имъ Друза славилъ я;
Я пѣлъ, какъ, побѣдивъ Батавовъ и Тевтоновъ,
Они вступали въ Римъ, и плѣнные цари,
Окованные, шли средь римскихъ легіоновъ,
И сыпались цвѣты, дымились алтари,
И Августъ ихъ встрѣчалъ, подобный полубогу,
И слезы лилъ тайкомъ на праздничную тогу...
Еще не кончилъ я, а эти дикари
Сверкали взорами, колчаны потрясали
И, изумленные, въ восторгъ повторяли:
„Ты славишь Августа — зачѣмъ же ты не съ нимъ?“
То скиѣ говорятъ, — а вотъ семь лѣтъ ужъ нынѣ,
Какъ, всѣми позабытъ, томлюся я въ пустынь...

1842.

ЭПИКУРЕЙСКІЯ ПѢСНИ *).

I.

Мирта Киприды мнѣ дай!
Что мнѣ гирлянды цвѣтныя?
Миртомъ любви увѣнчай,
Юноша, кудри златыя!
Мирта зеленой лозой,
Старцу, вѣнчавшись, отрадно
Пить подъ бесѣдкой густой,
Крытой лозой виноградной.

1840.

*) Эти три стихотворенія, которыя я назвалъ «Эпикурейскими пѣснями», назначались въ поэму «Три Смерти», какъ бы сочиненіе Лукана; но одно за другимъ забраковывались.

Примѣчаніе автора.

II.

Блестить чертогъ; горить елей;
Ясминъ и миртъ благоухаетъ;
Фонтанъ, шума, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Греми, волшебный гимнъ пировъ!
Несите, юноши, плодовъ
И розъ и листьевъ винограда:
Вѣнчайте насъ! Чтò въ жизни намъ?
Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ ада,
А жертва пышная въ богатствахъ вертограда —
Угоднѣ богамъ!

Настанетъ часъ — воззримъ сурово
Мы на гремѣщій жизни пиръ,
Какъ сей скелетъ бѣлоголовый,
Бѣглець могиль! На звуки флейтъ и лиръ
Онъ безотвѣтенъ, гость гробовой!
Но онъ вѣдь пѣлъ и онъ любилъ,
И богу гроздй онъ служилъ...
О, други! Сыпьте розъ Гораціева сада
По симъ бѣлѣющимъ костямъ,
И свѣжей кистью винограда
Вѣнчайте черепъ — этотъ храмъ,
Чертогъ покинутый и сирый,
Гдѣ обиталъ животворящій духъ
Во дни, когда киеара съ звонкой лирой
Его плѣняли чуткій слухъ,
И пилъ онъ розъ благоуханье,
Любилъ кристалль амфоры золотой,
И дѣвъ горячія лобзанья,
И трепетъ груди молодой!

1840.

III.

Остроумица, плясунья,
Неумолчная болтуня,
Жизнь, душа моихъ пировъ,
Ты, мой маленькій философъ,
Пристыжаешь мудрецовъ
Разрѣшенемъ ихъ вопросовъ,
Пытки мудрыхъ ихъ головъ!
И твержу я за тобою:

Смертный! Съ жизнію землею
Ты не много разсуждай!
Раньше чаръ ея приманку
И смѣлѣе разгадай!
Ты поймай ее, вакханку,
И изъ рукъ не выпускай!
Пусть, капризная, вертится,
И царапаетъ, и злится,
Ты покровъ съ нея сорви,
Мни гирлянды, плющъ и розы,
Въ мигъ всю жизнь переживи,
Счастье, клятвы, ласки, слезы,
Все безуміе любви!
Тѣ, которые узнали
Въ жизни бури вакханалій —
Нѣтъ ужъ новости имъ въ ней!
О, людская безтолковость!
Смертный! Знай, что въ жизни сей
Для тебя одна лишь новость:
Смерть — и тайный міръ тѣней.

1850.

ИЗЪ ВОСТОЧНАГО МІРА.

ЕВРЕЙСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Торжественъ, свѣтель и румянъ
 Рождался день подъ небесами;
 Бѣлѣть въ долинѣ вражій станъ
 Остроконечными шатрами.
 Въ уныньи горькомъ и слезахъ,
 Я, плѣнникъ въ станѣ семъ великомъ,
 Лежалъ одинъ на камнѣ дикомъ,
 Во власяницѣ и въ цѣпяхъ.
 Напрасно, подъ покровомъ ночи,
 Я звалъ къ себѣ привѣтный сонъ;
 Напрасно сумрачныя очи
 Искали древній нашъ Сіонъ...
 Увы! Надъ берегомъ Іордана
 Померкло солнце прежнихъ дней;
 Какъ лѣсъ таинственный Ливана,
 Храмъ безъ молитвъ и безъ огней.
 Не слышно лютень вдохновенныхъ,
 Замолкъ тимпановъ яркій звукъ,
 Порвались струны лиръ священныхъ —
 Настало время слезъ и мукъ!
 Но Ты, Господь, въ завѣтъ съ отцами,
 Ты рекъ: „Не кину Свой народъ!
 Кто сѣетъ горькими слезами,
 Тотъ жатву радости сберетъ“.
 Когда жъ, на вопль сыновъ унылыхъ,
 Сзовешь ко браннымъ знаменамъ
 Оружеборцевъ молньекрылыхъ
 На мечь неистовымъ врагамъ?
 Когда съ главы своей усталой
 Израиль пепель отряхнетъ,
 И зазвенятъ его кимвалы,
 И съ звономъ арфъ онъ воспоетъ?

II.

(Къ картинѣ „Введеніе во храмъ“).

Колыбель моя качалась
У Сіона, и надъ ней
Пальма Божія склонялась
Темной купою вѣтвей;
Бѣлыхъ лилій Идумей
Снѣжный вѣнчикъ цвѣлъ кругомъ,
Бѣлый голубъ Іудей
Рѣялъ ласковымъ крыломъ;
Отчего жъ порой грущу я?
Что готовить мнѣ судьба?
Все смиренно, все приму я,
Какъ Господняя раба!

1840.

III.

МОЛИТВА БЕДУИНА.

О, солнце! Твой щитъ вѣчнымъ золотомъ блещетъ —
А море племенъ здѣсь клокочетъ и плещетъ...
Вдали отъ серебряныхъ рѣкъ и ручьевъ,
Тамъ бродить и гибнетъ въ степи караванъ позабытый:
Напрасно ждутъ люди отъ вихрей песчаныхъ защиты
Подъ грудью верблюдовъ и сѣнью шатровъ.
О, солнце! Накрой ты порфирой зеленой
Пустыни нагія; росой благовонной
Кокосъ нашъ и финикъ и пальму питай;
Смягчи серебро ты овновъ бѣлорунныхъ Кедара;
Верблюдамъ дай силу итти средъ безводья и жара;
Конямъ легкость вѣтра пустынного дай!
Самума отъ насъ отврати ты заразы;
А къ вечеру звѣздъ сынь на небѣ алмазы:
Пусть кроткій ихъ блескъ въ сѣнь радушныхъ шатровъ
Къ намъ путниковъ степи ведетъ на ночлегъ издалѣка!
И ярче лей пурпуръ и розы съ золотого востока
На люльки дѣтей и гробницы отцовъ!

1839.

IV.

ВЕРТОГРАДЪ.

Посмотри въ свой вертоградъ:
Въ немъ нарциссъ ужъ распустился;
Зеленъ кедръ; вокругъ обвился
Ранній, цѣпкій виноградъ;
Яблонь въ цвѣтѣ благовонномъ,
Будто въ свѣжѣмъ серебрѣ;
Рѣзвой змѣйкой по горѣ
Ключъ бѣжитъ къ долинамъ соннымъ...
Вертоградъ свой отопрѣ:
Чтобъ зацвѣсть, твой розанъ снѣжной
Ждетъ твоей улыбки нѣжной,
Какъ луча молодой зари.

1841.

V.

ЕДИНОЕ БЛАГО.

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тлѣнье:
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ внидетъ снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалить, и душа въ отчизну возвратится,
И въ двери райскія къ нощлегу постучится...
Блаженъ, кого тогда небесный серафимъ
Пріосѣнитъ крыломъ привѣтливо своимъ,
И двери отопретъ, и тотъ приплещетъ усталой
Блеснетъ въ ряду лучей зари отъ вѣка алой!

1837.

VI

АНГЕЛЪ И ДЕМОНЪ.

Подъемяють споръ за человѣка

Два духа мощные: одинъ —

Эдемской двери властелинъ

И вѣчный стражъ ея отъ вѣка;

Другой — во всемъ величѣ зла,

Владыка сумрачнаго міра:

Надъ огненной его порфирой

Горять два огненныхъ крыла.

Но торжество кому жъ уступить

Въ пыли рожденный человѣкъ?

Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ

Иль чашу временную нѣтъ?

Господень ангелъ тихъ и ясенъ:

Его живить смиренья лучъ;

Но гордый демонъ такъ прекрасенъ,

Такъ лучезаренъ и могучъ!

1841.

ЭЛЕГИИ.

I.

ИСПОВѢДЬ.

Такъ, вѣтренъ я, друзья! Напрасно я учусь
 Себя обуздывать: все тщетно! Тяжкихъ узъ
 Мой духъ чуждается... Когда на взоръ мой томный
 Улыбку вижу я въ устахъ у дѣвы скромной,—
 Я самъ не свой! Прости Сенека, Локкъ и Кантъ,
 И пыльныхъ кодексовъ старинный фоліантъ,
 Лицей блистательный и портикъ величавый,
 И знаменитый рядъ именъ, вѣнчанныхъ славой!
 Опять ко мнѣ прійдутъ игривая мечта,
 И лики блѣдные, и имя на уста,
 И взоры томные, и трепеть сладкой нѣги,
 И стихи таинственный задумчивыхъ элегій.

1841.

II.

О чемъ, въ тиши ночей, таинственно мечтаю,
 О чемъ, при свѣтѣ дня, всесчасно помышляю,
 То будетъ тайной всѣмъ, и даже ты, мой стихъ,
 Ты, другъ мой вѣтреный, услада дней моихъ,
 Тебѣ не передамъ души своей мечтанья,
 А то расскажешь ты, чей гласъ въ ночномъ молчаньи
 Мнѣ слышится, чей ликъ я всюду нахожу,
 Чьи очи свѣтятъ мнѣ, чье имя я твержу.

1841.

III.

Зачѣмъ, средь общаго волненія и шума,
 Меня гнететъ одна мучительная дума?
 Зачѣмъ не радуюсь при общихъ кликахъ я?
 Иль міра торжество не праздникъ для меня?..

Блаженъ, кто сохранилъ еще знаменованье
Обычаевъ отцовъ, ихъ темнаго преданья,
Отвѣтствовалъ слезой на пѣніе псалма;
Кто, волей оторвавъ сомнѣнія ума,
Святую Библию читаетъ съ умиленьемъ,
И, внявъ церковный звонъ, въ ночи, съ благоговѣньемъ,
Съ молитвою зажегъ предъ образомъ святымъ
Свѣчу завѣтную и плакалъ передъ нимъ.

1841.

IV.

Ж И З Н Ъ.

Грядущихъ нашихъ дней святая глубина
Подобна озеру: блестящими водами
Оно покоится; волшебнаго ихъ сна
Не будить ранній вѣтръ, играя съ камышами.
Пытливый юноша, годовъ пронзая мглу,
Подходить къ берегамъ, разводить осторожно
Густыя вѣтви ивъ и мыслію тревожной
За взоромъ слѣдуетъ... По водному стеклу
Аврора пурпуръ свой разсыпала струисто...
Какъ темны гряды скалъ! Какъ небо золотисто!
Какъ стаду мелкихъ рыбъ, блистая въ серебрѣ,
На солнцѣ радостно играть и полоскаться!
Но... юноша, бѣги! На утренней зарѣ
Опять не приходи смотрѣть и любоваться
На это озеро! Теперь внимаешь ты
Лишь шопоту деревъ и плеску волнъ шумливыхъ;
А тамъ, подъ образомъ блестящей красоты,
Съ приманкою любви, съ приманкой ласкъ стыдливыхъ,
Красавицъ легкій рой мелькнетъ передъ тобой;
Ты кинешься за ней, за милою толпой,
Съ родного берега... Паденья шумъ мгновенный,
Урчаніе и стонъ пучины пробужденной
Окрестность огласить, и скоро смолкнетъ онъ,
И стихнетъ все. И что жъ подъ зеркаломъ кристалла
Увидишь ты?... Увы! Исчезнетъ все какъ сонъ!
Ни рощъ коралловыхъ, ни храмовъ изъ опала,
Ни скалъ, увѣчаныхъ въ златые тростники,
Ни нимфъ, свивающихъ въ гирлянды и вѣнки
Подводныя причудливыя травы...
Нѣтъ! Ты падешь къ однимъ скаламъ нѣмымъ,

Къ растеньямъ, дышащимъ губительной отравой:

И, вызвана паденіемъ твоимъ,

Толпа алкающихъ чудовищъ

На жертву кинется, низвергнутую къ нимъ

Приманкой красоты, и счастья, и сокровищъ.

1841.

V.

БЕЗВѢТРІЕ.

Какъ часто, возмущенъ сна грустнымъ обаяньемъ,

Мой духъ кипитъ въ избыткѣ силъ!

Онъ рвется въ облака мучительнымъ желаньемъ,

Онъ жаждетъ воли, жаждетъ крыль.

О! молодая мысль съ презрѣньемъ и тоскою

Глядитъ на жизни темной даль,

На трудъ, лелѣемый пурпурною зарею,

На скорбь, на радость, на печаль...

Питая свой восторгъ, безумный и строптивый,

Мятежно рвется въ высь она...

Въ чертоги вымысла влекутъ ее порывы—

Ужъ вотъ предъ ней блеситъ волна,

Корабль готовъ отплыть, натянуты канаты,

Вотъ якорь поднять... съ береговъ

Народъ подѣмлетъ крикъ... вотъ паруса подъяты:

Лишь вѣтра ждутъ, чтобъ грудъ валовъ

Кормою разсѣкать... на палубѣ дрожащій

Пловецъ желаніемъ горитъ:

„Простите, берега!“ Но—моря въ влагѣ спящей

Ни зыби вокругъ не пробѣжитъ,

Не будитъ вѣтерокъ игривыми крылами

Отяжелѣвшихъ моря водъ,

И туча сизая съ сребристыми кудрями

Грозы дыханьемъ не пахнеть...

На мачтѣ паруса висятъ и упадаютъ

Безъ силы долу... и пловецъ

Въ отчаяньи глядитъ, какъ воды засыпаютъ

Вездѣ недвижны, какъ свинецъ;

Глядитъ на даль... но тамъ лишь чаекъ слышнѣ крики

И видитъ рѣзкій ихъ полетъ.

Вдали теряется въ извирахъ берегъ дикій:

Тамъ безпредѣльность настаеъ...

Онъ смотритъ съ грустію—ни облака ни тучи
Не всходить въ синихъ небесахъ,
Не плещетъ, не шумитъ на мачтѣ флагъ летучій...
Ужъ ночь ложится на водахъ:
Онъ все еще глядитъ на руль, гдѣ клубы пѣны
Облиты мѣсячнымъ лучомъ,
На мачты тонкій верхъ, туманомъ покровенный
На флагъ, обвившійся кругомъ...

1839.

VI.

МРАМОРНЫЙ ФАВНЪ.

Бродилъ я въ глубинѣ заброшеннаго сада.
Гасъ красный блескъ зари. Деревья безъ листьевъ
Стояли черныя. Осенняя прохлада
Дышала въ воздухѣ. Случайно межъ кустовъ
Открылъ я статую: то фавнъ былъ, прежде бѣлый,
Теперь въ сору, въ пыли, во мху, позеленѣлый.
Умилно изъ вѣтвей глядѣлъ онъ, а онѣ,
Качаясь по вѣтру, въ лицо его хлестали
И мраморнаго пня подножіе скрывали.
Вкругъ липы древнія тѣснились; въ глубинѣ
Иныя статуи изъ-за деревьевъ мелькали;
Но мнѣ была видна, обнятая кустомъ,
Одна лишь голова съ смѣющимся лицомъ.

Я долго идиломъ забытымъ любовался,
И онъ мнѣ изъ кустовъ лукаво улыбался.
Мнѣ стало жаль его. „Ты нѣкогда былъ богъ,
Циническій кумиръ! Тебѣ, при флейтѣ звонкой,
Бывало, человѣкъ костеръ священный жегъ,
На камнѣ закалалъ съ молитвою ягненка
И кровью орошалъ тебя... О! Расскажи:
Что, жаль тебѣ тѣхъ дней? Какъ ты разстался съ властью,
Развѣнчанный? Тогда—бывали ближе ль къ счастью
Младяя племена? Иль это умной жи
Несбытныи вымыселъ, ихъ миръ и наслаждены?
Иль вѣкъ одни и тѣ жъ земныя поколѣнья?..
Ты улыбаешься?.. Потомъ была пора,
Ты былъ свидѣтелемъ роскошнаго двора;
Тебя въ развалинахъ какъ чудо отыскиали,
Тебѣ разбили садъ; вокругъ тебя собрали

Тритоновъ и наядъ, аѳинскихъ мудрецовъ,
И римскихъ цезарей, и греческихъ боговъ;
А все смѣялся ты, умильно осклабясь...
Ты видѣлъ балъный блескъ. По саду разливаясь,
Гремѣла музыка. Въ аллеѣ темной сей
Чета любовниковъ скрывалась отъ гостей:
Ты былъ свидѣтелемъ ихъ тайнаго свиданья,
Ты видѣлъ ласки ихъ, ты слышалъ ихъ лобзанья...
Скажи мнѣ: долго ли хранились клятвы ихъ
Ненарушимыми? Любовь въ сердцахъ у нихъ
Горѣла вѣчно ли, и долѣ ль, чѣмъ имъ
И увѣренья ихъ, на мраморъ твоимъ
Напечатлѣнные и... смытыя дождемъ?
Иль, можетъ-быть, опять подъ липами твоими
Являлися они, условившись, съ другими?
И твой лукавый смѣхъ изъ-за густыхъ вѣтвей
Съ любви ихъ не сорвалъ предательскую маску,
Не бросилъ имъ въ лицо стыда живую краску?

Такъ, молча, взоромъ я статую вопрошалъ,
А циникъ мраморный язвительно смѣялся.

1841.

VII.

ПРИЗВАНІЕ.

Шумя, на полныхъ парусахъ,
Какъ на распущенныхъ крылахъ,
Летѣлъ корабль, безстрашно снори
Съ волнами дѣвственнаго моря.
Казалось, чуждо было имъ
Досель невѣдомое бремя;
Спокойно вѣчный темъ
Онъ склоняли передъ нимъ.
Былъ вечеръ. Палуба безмолвна:
Одинъ пловецъ въ плащѣ стоялъ
И взоръ на западъ устремлялъ,
Гдѣ вечеръ гасъ, краснѣли волны.
Онъ видитъ—слѣва, между водъ
Громады скалъ. Ихъ очеркъ странный
Ему знакомъ. Въ выси туманной
Изъ-за утесовъ возстаетъ

Нѣмая конная статуя,
Одѣта броней, со щитомъ,
И гордо каменнымъ перстомъ
Ему на западъ указуя.
Корабль летѣлъ, за водный склонъ,
Зеленый островъ погружался,
Тонули скалы: только онъ,
Недвижный всадникъ, оставался,
На дальнѣй западъ обращенъ.

И понялъ странствователь свѣта
Сокрытый смыслъ скалы нѣмой:
То Божій перстъ! не столпъ запрета!
Впередъ! за гаснущей зарей!
Ни безграничность синей дали,
Ни ядъ, ни ропота гроза,
Ни глубь, ни въ гнѣвъ небеса
Его полетъ не утруждали.
Онъ плылъ... И скоро, будто дымъ,
Подъ небомъ вечера златымъ
Открылись очерки утесовъ,
Подъ сѣнью пальмъ, въ вѣнцѣ кокосовъ.
И пали ницъ пловцы предъ нимъ,
Познавъ въ немъ Божьяго пророка...
Что жъ думалъ онъ, пловецъ высокій,
Когда на землю онъ взиралъ,
Молился, и рукою смѣлой,
Во имя мудрой Изабеллы,
Кортесовъ знамя водружалъ?

Блаженъ, кто понялъ съ колыбели
Свое призванье въ жизни сей,
И смѣло шель между зыбей
Къ предѣлу избранная цѣли;
Кто къ ней всегда руководимъ
Единой мыслью неизмѣнной,
Какъ генуэзецъ, вдохновенный
Гранитнымъ всадникомъ своимъ!

1841.

VIII.

ЛУННАЯ НОЧЬ.

Тихій вечеръ мирно надъ полянами
Сумракъ синій въ небѣ разстилалъ,
Главы горъ одѣлися туманами,
Огонекъ въ побережьѣ засверкалъ,
И сошло молчанье благодатное:
Дремлетъ, нѣжась, зеркало зыбей,
Лишь въ поморьѣ эхо перекатное
Вторить глухо пѣснямъ рыбарей.

Чудный мигъ! Вечернія моленія
Съ оиміамомъ скошенныхъ луговъ
День увлекъ къ Престолу Провидѣнія,
Будто данъ земныхъ его сыновъ.
Ангель мира крыльями звѣздистыми
Навѣваетъ сонъ и тишину,
И зажегъ надъ долами росистыми
Стражу ночи—звѣзды и луну.

Вотъ пора святая, безмятежная!
Взоръ, блуждая, тонетъ въ небесахъ...
Эта глубь лазурная, безбрежная,
Говорить о лучшихъ берегахъ.
Что же тамъ, за гранію конечнаго?
Что вдали сіянье звѣздъ златыхъ?
То не окна ль храма вѣковѣчнаго?
То не очи ль ангеловъ святыхъ?

Не живая ль лѣтопись вселенныя,
Гдѣ начертанъ тайный смыслъ чудесъ?..
Кто постигнетъ руны довременныя
Этой звѣздной хартіи небесъ?
Слышу, грудь восторгъ колеблетъ сладостный,
Вѣсть на душу безвѣстный страхъ,
Будто зовъ знакомый ей и радостный
Ей звучитъ въ таинственныхъ словахъ...

То не гласъ ли отъ глубокой вѣчности,
Голосъ Божій? То не онъ ли насъ,
Предъ лицомъ туманной безконечности,
Поражаетъ въ полунощный часъ?
Духъ нашъ жаждетъ, въ этотъ мигъ молчанія,
Въ сонмъ святыхъ архангеловъ взлетѣть
И въ вѣнцѣ изъ звѣздъ Отцу созданія
Съ ними пѣснь хвалебную воспѣть.

IX.

O femina, semper mutabile...

Ствергла гордая мой чистый жаръ любви:
На всѣ моленія, на клятвы всѣ мои
Она улыбкою презрѣнья отвѣчала!..
Но прежде для чего искусно раздвала
Въ горячемъ сердцѣ огонь? Зачѣмъ всегда со мной
Была такъ искренна? Зачѣмъ, на мнѣ порой
Свой взоръ разсѣянный остановивъ случайно,
Смущеніемъ моимъ такъ любовалась тайно?
Зачѣмъ порою рѣчь изъ милыхъ устъ ея
Текла то медленно, то бурно... и меня
Межъ юношей ея искали взоры?
Что значить скрытый вздохъ и робки разговоры?..
Уловки женскія!.. Но, гордая, придетъ
Твоя пора! Твой часъ мучительный пробьетъ!
Узнаешь ты любовь!.. Надъ ложемъ, въ тайномъ мракѣ
Напрасно будетъ сонъ свои цвѣтисты маки
Бросать тебѣ: сама ты ихъ отвергнешь! Ты
Единый свѣтлый ликъ узришь средь темноты;
Ты станешь, страстная, склонясь на пухъ суровый,
И плакать, и молить, шептать одно лишь слово;
Въ нѣмомъ томленіи и съ жаждою любви
Прижмешь подушку ты къ пылающей груди,
И будутъ жаркія уста твои, бушующь,
Искать горячаго невольно поцѣлуя!

(1842).

X.

Не назову ея богиней,
Ни идеаломъ красоты:
Ея прелестныя черты
Не небомъ дышать, не святыней;
Ея привѣтный, кроткій ликъ
Мнѣ въ сердце солнцемъ не проникъ,
За мной не слѣдовалъ повсюду...
Такъ! Но я долго помнить буду
Игривый звукъ ея рѣчей,
Глаза, какъ двѣ звѣзды ночныя,
И кудри, кудри смоляные,
На блѣдномъ мраморѣ плечей.

1842.

XI.

Въ груди моей кипитъ святое чувство:

Имъ улетѣяны и бурны сны мои,

Вдохновлены и думы и искусство ..

Зачѣмъ же мнѣ таить волненіе любви?

Пойду и обнажу предъ дѣвою избранной

Своей души мучительныя раны!..

Но чувство, взросшее въ молчаніи, въ тиши,

Пугается, какъ голубь дикій, слова:

И рѣчь моя мертва! Угрюмый и суровый,

Хочу ли перелить волненіе души

Порой въ рѣчмѣванные звуки,

Пишу, и бойкій стихъ и блещетъ и поетъ.

Но онъ восторгу чуждъ и чуждъ душевной муки...

И что же онъ?... Онъ проскользнетъ

По сердцу милому, какъ сонъ пустой, летучій,

Какъ вѣтерокъ по лону спящихъ водъ,

Какъ разразившіяся тучи,

Какъ томный звукъ пастушескихъ роговъ

Между далекихъ горъ, когда, ища прохлады,

Плыветъ нестрѣбующее стадо

Черезъ озеро межъ дикихъ береговъ.

(1842).

XII.

КЛАДБИЩЕ.

Ужъ гаснетъ день; пурпурный океанъ

Волнуется на синими горами;

Уснулъ заливъ, увѣнчанный соснами,

Одѣянный въ серебряный туманъ.

Густѣетъ мракъ. Все дико и безмолвно,

Замолкъ въ поляхъ трудолюбивый кликъ,

Чуть шелеститъ по берегу тростникъ,

И шепчетъ листь въ дубравѣ, тайны полной...

Пустынный край!.. Одинъ, въ сѣни деревь,

Надъ гладкою, какъ зеркало, водою,

Исполненный волшебной тишиною,

Блуждаю я вдоль спящихъ береговъ.

Вотъ здѣсь, въ тиши, подъ мракомъ сосенъ смолистыхъ,

Гряды холмовъ песчаная лежитъ;

Тростникъ сухой вокругъ крестовъ ихъ мшистыхъ

И дикій плющъ гирляндами виситъ.

Нашъ бранный прахъ, добыча разрушенья,
Подъ камнями здѣсь мирно схороненъ:
Благословенъ, подъ кровомъ заустѣнья,
Благословенъ почившихъ вѣчный сонъ!
Ничто его, ничто не нарушаетъ—
Ни лучъ зари, ни молній ярый блескъ;
Лишь трепетно здѣсь эхо повторяетъ
Деревьевъ скрипъ да моря вѣчный плескъ.
Сойдетъ ли май—веселье и свобода
Одушевить долины и лѣса,
И зеленю одѣнется природа,
Осыплетъ листь алмазная роса,
Взыграетъ вѣтръ, катясь по влагъ зыбкой,
Воспрянетъ хоръ пѣвцовъ... Но здѣсь весна—
Какъ въ траурѣ прекрасная жена,
Въ вѣнкѣ изъ розъ, съ печальною улыбкой!

Привѣтствую тебя, пріютъ святой,
Гдѣ странники земель единой скрыты!
Но чей въ травѣ, чей черепъ здѣсь, открытый
Въ часъ грозныхъ бурь упорною волной?
Съ нимъ миръ, или надъ нимъ гремятъ проклятья?
Сошла ль къ нему въ могилу тишина?..
Нашъ ровень путь, но всѣхъ, но всѣхъ одна
Нашъ приметъ мать въ родимыя объятья!
И этотъ холмъ, покрытый ветхимъ мхомъ—
Святой алтарь надежды и спасенья!
А этотъ крестъ безмолвный надъ холмомъ—
Символъ нѣмой за гробомъ воскресенья!

Такъ! Зримаго конца мгновенье

Есть къ новой жизни переходъ,
Есть чудный мигъ перерожденья,
Души къ Предвѣчному полетъ.
Вотъ слышенъ звукъ святого клира...
Вотъ лучезарнѣй блещетъ даль,
И среброкрылый ангелъ мира
Вскрываетъ жизни сей скрижалъ...
Порывъ святой! Душа узрѣла
Отчины берегъ впереди,
Рванулась радостно изъ тѣла
Последнимъ трепетомъ въ груди,
Последней искрой въ мутномъ взорѣ,
Последней жизнію тепла...
И вотъ—свершилось! Вотъ выплыла

Она въ торжественное море...
Какъ ей легко! Какъ ей свѣтло!
Ничто ей бѣга не стѣсняетъ,
Ее привѣтно осыплетъ
Ея архангела крыло!

А здѣсь—сей трупъ. Мгновенно въ немъ погашень
Живительный свѣтильникъ божества.
Холодный ликъ его и святъ и страшенъ,
Недвиженъ взоръ и длань его мертва...
Вотъ нашъ покровъ, нашъ образъ земнотлѣнный!
Пустынный храмъ! Онъ мраченъ и угрюмъ!
Въ немъ совершать еще обрядъ священный
Не придетъ, какъ жрецъ, могучій умъ.
Вокругъ одра, стѣнящею толпою,
Почившаго печальные друзья:
Въ волненіи, съ безмолвною слезою,
Они борбу слѣдили бытія.
„Не стало! Нѣтъ!..“ И вопли провожаютъ
Побѣдный духъ въ преддверье къ небесамъ...
Безумные! Ужель они не знаютъ,
Какъ сладостно приплыть къ родимымъ берегамъ?
(1842).

XIII.

Намъ каждый день приходится оплакать
Не сбывшійся, но праведный порывъ.
Безплоденъ онъ въ грядущемъ остается,
Но чувствуешь, что, потрясенный имъ,
Становишься ты чище, благороднѣй...
О, жизнь, на что же ты? Какую жъ дань
Мы принесемъ далекому потомству?
Гдѣ нашихъ рукъ дѣла? И какъ узнаютъ
Потомки имена отцовъ—не славныхъ,
Но чья душа сражалася съ судьбою,
Съ ея двумя оружіями—приманкой
Обѣтовъ лестныхъ и нуждою блѣдной,
Чей духъ окрѣпъ въ святомъ негодованьи
И убивать привыкъ свои надежды?...
Иль мы, несклонные главою падать
Предъ пошлостью, лишь золотомъ могучей,
Лобзать привычную къ злодѣйству руку,
Иль мы насмѣшка демона надъ міромъ?...
Друзья мои, сдержите строгій судъ,

Не называйте робкимъ малодушьемъ
Моей души мучительную думу...
И въ пирѣ молкнеть шутка у меня,
И кубокъ падаетъ, какъ эта дума
Внезапно сердце холодомъ охватить...
Такъ посреди безумства карнавала
Вдругъ падаютъ пестрѣющія маски,
И шарлатанъ и пестрый арлекинъ
Исчезнуть, какъ раздастся звонъ печальный,
И межъ толпы блѣднѣющей идутъ
Суровые монахи и поютъ
Протяжнымъ голосомъ: „Memento mori“.

1844.

XIV.

Для чего, природа,
Ты мнѣ шепчешь тайны?
Имъ въ душѣ такъ тѣсно,
И душѣ неловко,
Тяжело ей съ ними!
Хочется иль словомъ,
Иль покорной кистью
Снова въ міръ ихъ кинуть,
Съ той же чудной силой,
Съ тѣмъ же чуднымъ блескомъ,
Ничего не скрывши,
И отдать ихъ міру,
Какъ отъ міра принялъ!

(1846).

XV.

Все вокругъ меня какъ прежде:
Пестрота и блескъ въ долинахъ,
Лѣсъ опять тѣнистъ и зелень,
И шумитъ въ его вершинахъ!..

Отчего жъ такъ сердце ноетъ,
И стремится, и болѣетъ,
Неиспытаннаго просить,
И о прожитомъ жалѣетъ?

Не начать вѣдь жизнь сначала...
Даромъ сила растерялась,
Да и попусту растратишь
Ту, которая осталась...

А вокругъ меня, какъ прежде,
Пестрота и блескъ въ долинахъ;
Лѣсъ опять тѣнистъ и зеленъ,
И шумить въ его вершинахъ!...

(1857).

XIX

ОЧЕРКИ РИМА.

I.

НА ПУТИ.

Долинъ Альпійскихъ сынъ, хозяинъ мирный мой,
 Съ какою завистью гляжу на домикъ твой!
 Не здѣсь ли счастье? Лишь съ юною весною
 Нагорные ручьи журчащую струю
 Съ холмовъ межъ зеленою младою утекутъ,
 Твой столъ обѣдненный искусно уберутъ
 Младыми розами и почками лилеи
 Подруги дней твоихъ игривыя затѣи,
 И стадо даръ несетъ, съ полей его собравъ,
 Дышавшій запахомъ новорожденныхъ травъ;
 И голосъ соловья въ саду звучить и блещетъ,
 И ласточекъ семья подъ кровлею щебечетъ,
 И пчелы шумною гирляндю летятъ
 Къ цвѣтушнымъ яблонямъ, въ твой благовонный садъ...
 Ты любишь ближняго и, гордъ своей свободой,
 Ты все нашелъ, чего вѣками ждуть народы...

1843.

II.

CAMPAGNA DI ROMA.

Пора, пора! Ужъ утро славить птичка,
 И свѣжестью пахнуло мнѣ въ окно.
 Изъ города зоветъ меня давно
 Къ полямъ широкимъ старая привычка.
 Возьмемъ коней, оставимъ душный Римъ,
 И рядъ дворцовъ его тяжеловѣсныхъ,
 И пеструю толпу вдоль улицъ тѣсныхъ,
 И воздухомъ подышимъ полевымъ.
 О, какъ легко! Какъ грудь свободно дышитъ!
 Широкий горизонтъ расширилъ душу мнѣ...
 Мой конь усталъ... мысль бродить въ тишинѣ,

Земля горить, и небо зноемъ пышетъ...
Сабинскихъ горъ неровные края,
И Аппенинъ верхи снѣговѣчнанны,
Шумъ мутныхъ рѣкъ, безплодные поля,
И, будто нищій съ ризою раздранной,
Обломокъ башни, обвитой плющомъ,
Разбитый храмъ съ остаткомъ смѣлыхъ сводовъ
Да безконечный рядъ водопроводовъ
Открылися въ туманѣ голубомъ...

Величіе и ужасъ запустѣнья...

Угрюмага источникъ вдохновенья...

Все тяжело спать, все умерло почти...

Лишь простучить на консульскомъ пути

По гладкимъ плитамъ конь поселанина,

И долго дикій всадникъ за горой

Виднѣтся въ плащѣ и съ палкой длинной,

И въ шапкѣ острой... Вотъ въ тѣни руины

Еще монахъ усталый и босой,

Окутавшись широкимъ капишономъ,

Заснулъ, склоняся на камень головой,

А вдаль, подъ синимъ небосклономъ,

На холмѣ мазанка изъ глины и вѣтвей,

И кипарисъ чернѣется надъ ней...

Измученный полудня жаромъ знойнымъ,

Вошелъ я внутрь руинъ, безвѣстныхъ мнѣ.

Я былъ объять величьемъ ихъ спокойнымъ.

Глядѣть и слушать въ мертвой тишинѣ

Такъ сладостно!.. Тутъ цѣлый міръ видѣній!..

То циркъ былъ нѣкогда; теперь онъ опустѣлъ,

Полынъ и тернъ усѣлись на ступени,

Тамъ, гдѣ народъ ликующій шумѣлъ;

Близъ ложи цезарей еще лежали

Куски статуй, курильницъ и амфоръ:

Какъ будто бы они здѣсь возсѣдали

Еще вчера, увеселяя взоръ

Ристаніемъ... но по аренѣ длинной

Цвѣтистый макъ пестрѣетъ межъ травой

И тростникомъ, и розой полевой;

И рыщетъ вѣтръ, одинъ, что конь пустынный.

Лохмотьями прикрытъ, полунагой,

Глаза какъ смоль и съ молніею взгляда,

Съ чернокудрявой, смуглой головой,

Пасетъ ребенокъ козъ пугливыхъ стадо.

Трагически ко мнѣ онъ руку протянулъ,
„Я голодень“,—со злобою зывая.
— „Я голодень!“... Невольно я вздохнулъ
И, нищаго и циркъ обозрѣвая,
Промолвилъ: „вотъ она—Италія святая!“

1844.

III.

Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!

Подъ такимъ небомъ невольно художникомъ станешь.
Природа и люди здѣсь будто другіе, какъ будто картины
Изъ яркихъ стиховъ антологіи древней Эллады.
Ну, вотъ, поглядите: по каменной бѣлой оградѣ разросся
Блуждающій плющъ, какъ развѣшенный плащъ иль
завѣса;

Въ срединѣ, межъ двухъ кипарисовъ, глубокая темная ниша,
Откуда глядитъ голова съ преуродливой миной
Тритона. Холодная влага изъ пасти, звеня, упадаетъ.

Къ фонтану албанка (ахъ, что за глаза изъ-подъ тѣни
Покрова сіяютъ у ней! Что за станъ въ этомъ аломъ корсетѣ!),
Подставивъ кувшинъ, ожидаетъ, какъ скоро водою

Наполнится онъ, а другая подруга стоитъ неподвижно,
Рукой обхвативъ осторожно кувшинъ на облитой
Вечернимъ лучомъ головѣ. Художникъ, должно-быть, германецъ,
Спѣшитъ срисовать ихъ, довольный, что случай не-
жданно

Въ ихъ позахъ сюжетъ ему далъ для картины, и вовсе не
мысли,

Что я срисовалъ въ то же время и чудное небо,
И плющъ темнолистый, фонтанъ и свирѣбую рожу тритона,
Албанокъ и даже—его самого съ его кистью!

1844.

IV.

A M O R O S O.

Выглянь, милая сосѣдка,
Въ окна комнаты своей!
Душить запертая клѣтка
Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
Ликъ твой ясный озарить
И угаснетъ, оживляя
Алый блескъ твоихъ ланить.

Выглянь! Глазками легонько,
Или пальчикомъ грозя,
Гдѣ ревнивецъ твой, тихонько
Дай мнѣ знать, краса моя!

О, какъ много бѣ при свиданьѣ
Я хотѣлъ тебѣ сказать;
Слышать вновь твое признанье
И ревнивца поругать...

Чу! твой голосъ! пѣсни звуки...
И гитары тихій звонъ...
Усыплай его, баюкай...
Тише... что?... заснулъ ужъ онъ?

Ты въ мантильѣ, въ маскѣ черной,
Промелькнула предъ окномъ;
Слышу, съ лѣстницы проворно
Застучала башмачкомъ...

1845.

V.

ПОСЛѢ ПОСѢЩЕНІЯ ВАТИКАНСКАГО МУЗЕЯ.

Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона,
Въ ушахъ звенить стрѣла изъ лука Аполлона,
И лучезарный самъ, съ дрожащей тетивой,
Восторгомъ дышащій, сіяетъ предо мной...
Я видѣлъ ихъ: въ землѣ отрытые антики,
Въ чертогахъ дорогихъ воздвигнутые лики
Миническихъ боговъ и доблестныхъ людей:
Олимпа грозного властителей священныхъ,

Весталокъ дѣвственныхъ, вакханокъ изступленныхъ,
Брадатыхъ риторовъ и консульскихъ мужей,
Толпѣ вѣщающихъ съ простертыми руками...
Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взгльдъ
По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.
Тамъ, въ залѣ царственномъ, межъ пышными столбами,
Увитыми кругомъ сребристыми листьями,
Какъ часто я стоялъ и съ думой и безъ думъ,
И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.
Антики пыльные живыми мнѣ казались,
Какъ будто бы и мысль и чувство въ нихъ скрывались...
Забытые въ глуши блистательнымъ дворомъ,
Казалось, радостно съ высокихъ пьедесталовъ
Они внимали шумъ шаговъ моихъ вдоль заловъ,
И, властвуя моимъ младенческимъ умомъ,
Они роднились съ нимъ, какъ сказки умной няни,
Въ пластической красѣ мифическихъ преданій...

Теперь, теперь я здѣсь, въ отчизнѣ свѣтлой ихъ,
Гдѣ боги межъ людей, пріявъ ихъ образъ, жили,
И взору ихъ свой ликъ безсмертный обнажили.
Какъ дальнй пилигримъ, среди святынь своихъ,
Средь статуй я стоялъ... Мнѣ было дико, странно:
Какъ будто музыкѣ безвѣстной я внималъ,
Какъ будто чудный свѣтъ вокругъ меня сіялъ,
Курился мирры дымъ и народъ благоуханный,
И нѣкто дивный былъ и говорилъ со мной...
Съ душой, подавленной восторженной тоской,
Глядѣлъ въ смущенныя на лики вѣковые,
Какъ скины дикіе, пришедшіе съ Днѣпра,
Средь блеска пурпура царьградскаго двора,
Предъ благолѣпіемъ маститой Византіи,
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи...

1845.

VI.

На дальнемъ сѣверѣ моемъ
Я этотъ вечеръ не забуду.
Смотрѣли молча мы вдвоемъ
На вѣтви ивъ, прилегшихъ къ пруду;
Вдали синѣлъ лавровый лѣсъ,

И олеандръ блестяль цвѣтами;
Густого мирта былъ надъ нами
Непроницаемый навѣсъ;
Синѣли горныя вершины;
Тумана въ золотой пыли
Какъ будто плавали вдали
И акведуки и руины...
При этомъ солнцѣ огнемомъ,
При шумѣ воднаго паденья,
Ты мнѣ сказала въ упоеньи:
„Здѣсь можно умереть вдвоемъ“...

1844.

VII.

НИЩІЙ.

Джузеппе старъ и дряхль; на площадяхъ лежить
Съ утра до вечера, читаетъ вслухъ каноны
И молить помощи онъ именемъ Мадонны;
И въ тридцать лѣтъ себѣ, какъ то молва гласить,
Два дома выстроилъ и третій кончить скоро,
Женилъ двухъ сыновей и внучекъ любить страхъ.
На пышной лѣстницѣ стариннаго собора,
Красиво развались на мраморныхъ плитахъ,
Картинно голову прикрывъ лохмотьемъ старымъ,
Казалось, онъ заснулъ... А тутъ, въ его ногахъ,
Сидѣла дѣвочка. Подъ этимъ жгучимъ жаромъ—
Съ открытой шею, съ открытой головой,
Съ обрывкомъ на плечахъ какой-то ткани грубой,—
Но—волосы, глаза—и точно перлы зубы,—
И взглядъ, поднявшійся на насъ какъ бы съ мольбой—
„Ею не разбудить“.—Худыя ноги, руки—
Мурильо!.. Но старикъ Джузеппе не дремалъ:
Во всемъ величїи отчаянья и муки
Онъ вдругъ приподнялся и глухо простоналъ:
„Я три дня голодалъ“... Рѣсницы опустила
Невольнo дѣвочка—и точно охватила
Ее внезапная и жгучая тоска...
Она вся вспыхнула и что-то намъ хотѣла,
Казалось, сказать—но говорить не смѣла,
И—быстро спряталась въ лохмотья старика...

1844.

VIII.

КАПУЦИНЪ.

Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ,
Въ истертотъ рубищѣ, съ обритой головой,
Предъ раболѣпною народною толпой,
Восторженный, держалъ евангельское слово.
Онъ слезы проливалъ, полнъ рвенія святого,
Рвалъ клочья бороды, одежду раздиралъ,
Въ нагую грудь себя нещадно ударяя.
Народъ, поверженный во прахъ предъ нимъ, рыдалъ,
Проклятыямъ и слезамъ молитвенно внимая.
Колѣно преклонилъ и я между толпой,
Но строгой истины оракулъ громовой
Не потрясалъ души моей. Иныя думы
Тревожили мой духъ суровый и угрюмый.
Провидѣнно мой взоръ въ сердца людей проникъ.
Тамъ плакать и стонать, какъ мальчижъ, ростовщикъ,
Тамъ, блѣденъ, слезы лить разбойникъ закоснѣлой;
Блудница дряхлая, узрѣвъ могилы сѣнь,
Молилась о грѣхахъ душою оробѣлой.
Но ты, дитя мое, ты, чистая какъ день,
Какъ первые цвѣты весны благоуханной,
Что плачешь ты? о чемъ? Бѣды ль тебя неожиданной
Томить предчувствіе? Иль, съ страстію въ борьбѣ,
Ты хочешь выплакать мятежныхъ чувствъ избытокъ?
Иль духъ твой напугалъ теперь раскрытый свитокъ
Пороковъ и злодѣйствъ, и мысль страшна тебѣ,
Что, можетъ, и въ твоей начертано судьбѣ
Пройти чрезъ тотъ же путь и у могильной сѣни
Слезами смыть клеймо такихъ же заблужденій?

1844.

IX.

ВЪ ОСТЕРІИ.

Пешю, выпьемъ!.. Видишь, бури
Разыгралася въ горахъ!
Въ блескѣ молній, очи жмурия,
Кони бѣсятся впотъмахъ.
Что колпакъ остроконечный
Ты надвинулъ на глаза?

Или есть недугъ сердечный,
Иль на совѣсти гроза?

Знаю, за дурное слово,
За обиду, острый ножъ,
Не боясь суда людского,
Прямо въ сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
За повадливую рѣчь,
Смѣло въ бой подѣзешь жаркой
И готовъ въ могилу слечь.

Вѣдь таковъ и левъ свирѣпой;
Былъ Андроклъ... слыхалъ ли ты?...
Нѣтъ? Такъ выпьемъ лучше, Пепно,
Безъ ученой пустоты!

1841.

X.

FORTUNATA.

Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!
Что тутъ думать? Я твоя, ты мой!

Все забудь, все брось, мнѣ весь отдайся!..
На меня такъ грустно не гляди!
Разгадать, что въ сердцѣ—не пытайся!
Весь ему отдайся—и иди!

Я любви не число и не мѣрю;
Нѣтъ, любовь есть вся моя душа.
Я люблю—смѣюсь, клянусь и вѣрю...
Ахъ, какъ жизнь, мой милый, хороша!..

Вѣрь въ любви, что счастьемъ не умчаться,
Вѣрь, какъ я, о, гордый человѣкъ,
Что намъ ввѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцѣлуя ввѣкъ...

1845.

XI.

НИМФА ЭГЕРІЯ.

Fecémmi la divina potestate,
La somma sapienza e l'primo amore.
Dante, Inf. Cant. III.

Жила я здѣсь, во мракѣ дубовъ мшистыхъ;
Молчаніе пещеры, плескъ ручья,
Густая синь небесъ, лѣсовъ тѣнистыхъ

Далекій гулъ, и жаръ золотого дня,
И ночи тишь—все было полно мною.
Учила здѣсь и царствовала я.

Во время оно мужъ, съ сѣдой главою,
Съ челомъ, на коемъ дума съ юныхъ лѣтъ
Изваялась, со свиткомъ и доскою,

Являлся звать меня. Внезапный свѣтъ
Его челу давала я. Мгновенно
Безжизненный былъ оживленъ скелетъ.

Онъ, грозный, думалъ; постѣ, на колѣно
Склонивши доску, думалъ и чертилъ
Законъ или кровавый, иль смиренной.

Онъ иногда довольствомъ свѣтель былъ;
Порой, смотря на роковыя строки,
Взоръ отвращалъ, блѣднѣлъ и слезы лилъ.

Являлась я ему въ тотъ мигъ жестокий.
Онъ голову склонялъ къ моей груди,
Какъ человѣкъ, прошедшій путь далекій

И утомленный ношею въ пути,
Иль какъ отецъ, свершая судъ суровый,
На казнь велѣвшій сына отвести.

„Ужель вѣкамъ пишу законъ громовый?
Чтобъ межъ людей добро укоренять,
Ужель нужна лишь плаха да оковы?..“

Вздыхала я, упорствуя молчать.
Старикъ опять читалъ свои скрижали,
И снова думалъ, и писалъ опять.

ХІІ.

ТИВОЛИ.

Боже! Какъ смотришь на эти лиловыя горы,
Ярко-оранжевый западъ и блѣдную синь на востокѣ,
Мракомъ покрытыя виллы и рощи глубокой долины;
На этотъ городъ, прилѣпленный къ горному склону,
Бѣлыя стѣны, покрытыя плющемъ густымъ, кипарисы,
Лавры, шумящія воды, и тамъ на скалѣ, озаренный
Слабымъ сіяньемъ зари, на колоннахъ изящныхъ,
Маленькій храмикъ Цибелы, алтарь и статуи—
Грустно подумать, что тамъ за горами, на полночь,
Люди живутъ и не знаютъ ни горъ въ багряницахъ
Огненныхъ зорь, ни широкихъ кругомъ горизонтовъ!..
Больно; сжимается сердце и мысль... Но грустнѣе
Думать, что бродишь тамъ въ полѣ, богатомъ покосомъ,
Въ темныхъ лѣсахъ, и ничто въ этой бѣдной природѣ
Мысли твоей утомленной не скажетъ, какъ этой
Виллы обломки: „здѣсь нѣкогда, съ чашей фалерна,
Въ мудрой бесѣдѣ, за долгой трапезой съ друзьями,
Тулій отыскивалъ тайны законовъ созданья“;
Розы лепечутъ: „вѣнчали мы дѣвъ смуглолицыхъ,
Сладко поющихъ Милета и Делоса дочерей,
Лирой и пляской своей потѣшавшихъ Лукулла“;
Воды: „подъ наше паденье, подъ музыку нашу
Ямбъ и гекзаметръ настраивалъ умный Горацій“;
Гроты, во мракѣ которыхъ шумятъ водопады:
„Здѣсь говорила устами природы Сивилла;
Жрецъ многотумный таинственно въ лунныя ночи
Слушалъ глаголы богини и послѣ вѣщалъ ихъ
Робкой толпѣ со ступеней Цибелина храма..
Въ нѣдрахъ горы между тѣмъ собирались, какъ тѣни,
Ратники новые вѣры, и рабъ, и патрицій;
Слышались странные звуки и чуждое пѣнье,
Будто Везувій, во мракѣ клокочущій лавой—
И выходили потомъ, просвѣтленные свыше,
Въ міръ на мученье, съ глаголомъ любви и смиренья...“

XIII.

— „Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣе?“

— Она была прекрасна...

— „Любила ли она, какъ я тебя, такъ страстно?

Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ иль братъ,

Надъ чѣмъ дозоромъ вы смѣялись заочно?

Все Расскажи... и какъ порою полуночной

Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?

Могла ль она, какъ я, такъ пламенно руками,

Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста,

Ненасытимыя въ лобзаньи никогда,

Съ твоими горячо ль сливались устами?

Въ тѣ ночи тайныя, когда бѣ застали васъ,

Достало ли бѣ въ ней силъ, открыто, не страшась,

Въ глаза имъ объявить, что ты—ея владѣнье,

Жизнь, кровь, душа ея? На строгій судъ людей

Глядѣла ли бѣ она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?

Гордилась ли бѣ она любви своей позоромъ?..

Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...

О, хороша она... и образъ ненавистой

Я вырвать не могу изъ памяти твоей!..“

— Ахъ, не брани ея! Глубоко, безкорыстно

Любили мы. Но вѣрь, ни разу, ни она

Ни я, любви своей мы высказать не смѣли.

Она была со мной какъ будто холодна;

Любя, другъ друга мы стыдились и робѣли:

Лишь худо-скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ

Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ

Незначащъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ;

Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой,

Угадывали мы душою смыслъ иной

И голоса слышали страданій сокровенныхъ.

И только разъ уста мои ея руки

Коснулись: но потомъ мнѣ стыдно, больно было,

Когда она ко мнѣ безмолвно обратила

Взоръ, полный слезъ, молебъ, укора и тоски...

Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ; онъ требовалъ пощады...

Онъ говорил мнѣ: намъ пора, разстаться надо...

— „И вы разстались?“

— Разстались. Я сказать

Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;

Но тутъ вошли—должны мы были замолчать...

— „Любить! Молчать!!... И вы любили?!.. Боже, Боже!..“

1844.

XIV.

ХУДОЖНИКЪ.

Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ,
Проклялъ ты Римъ и лилово-сребристыя горы;
Ходишь какъ чумной; на дѣвъ смуглолицыхъ не смотришь;
Ночью до утра сидишь въ остеріи за кружкой,
Хмурый, какъ родина наша... И Лора горюетъ,
Тщетно гадая, о чемъ ты тоскуешь, и смотреть
Въ очи тебѣ и порой ловить бредъ твой сквозь-сонный.
Что? Не выходитъ твой Римъ на картинѣ? Что? Воздухъ твой
Тонкой струей не бѣжитъ между листьевъ? Иль солнце
Легкимъ, игривымъ лучомъ не скользитъ по аллеѣ?
Горы не ридятся въ легкую дымку тумановъ полудня?
Руку, художникъ! Ты тайну природы постигнешь!
Думать будетъ картина—ты самъ, негодуя,
Выносишь въ сердцѣ тяжелую думу.

1845.

XV.

FIORINA.

„**С**муглянка милая, я изъ страны далекой,
И здѣсь въ развалинахъ блуждаю одинокой,
И все-то чудно мнѣ... Скажи, ты рождена
Въ долину здѣсь: скажи, какое это зданье?
Ты знаешь, ангелъ мой, какъ говорить преданье,
Кѣмъ строено, зачѣмъ, въ какія времена?“
— Не знаю, мы сюда за земляникой ходимъ,
А на зиму стада пастись сюда приводимъ.
Бываютъ многіе и смотреть. Кардиналъ
Сюда съ дворомъ своимъ намеренъ пріѣзжать.
Я ягодъ подала ему; онъ взялъ немного,

Благословилъ меня, велѣлъ молиться Богу,
Красавицей меня и умницей назвалъ...
На мнѣ въ тотъ день вѣнокъ былъ изъ листковъ дубовыхъ,
А въ косы я вплела нить бисеровъ перловыхъ.

1845.

XVI.

ДВОЙНИКЪ.

Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ,
Въ сосуды хрустальные налилъ вина золотого,
Убралъ молодыми цвѣтами свой столъ, и заранѣ
Веселый, что скоро здѣсь клики и смѣхъ раздадутся,
Вокругъ я ходилъ, поправляя приборы, плоды и гирлянды.
Но гости не идутъ никто... Измѣнила и ты, молодая
Царица стола моего, для которой нарочно
Я лучший вѣнокъ приготовилъ изъ лилій душистыхъ,
Которой бы голосъ и яркія очи, уста и ланиты
Служили бы солнцемъ веселости общей, закономъ
И сладкой уздой откровенному Вакху... Что жъ дѣлать?
Печально гляжу я на ясныя свѣчи, рядъ длинный приборовъ...
А гдѣ же друзья? гдѣ она?... отчего не явились?... Быть-можетъ...
Вѣдь женское сердце и женская клятва, что вѣтеръ...
Эхъ, сяду за кубокъ одинъ я. Одинъ ли? А онъ, неотступный,
Зачѣмъ онъ, непрощенный гость, предо мною усѣлся,
Съ насмѣшкой глядитъ мнѣ въ глаза? И напрасно движенъ
Досады и ревности скрыть передъ нимъ я стараюсь...
Охъ, трудно привыкнуть къ нему, хоть давно мы знакомы!
Все страшно въ немъ видѣть свой образъ, но только безъ
сердца,

Безъ страсти и съ вѣчно-холодной логической рѣчью...
Софистъ неотступный, оставь меня! Что тебѣ пользы,
Хирургъ безпощадный, терзать мою душу?..

1844.

XVII.

LORENZO.

Слава Богу, деньги есть.
Шляпу на брови надвину,
Плащъ широкий перекину
Черезъ плечо... войду я въ честь.

Встрѣтитъ князь меня съ почтеньемъ,
И поклонится аббать,
И маркизы съ приглашеньемъ
Мнѣ навстрѣчу полетять.

Я высокъ, красивъ и ловокъ...

Рѣчь — серебряная нить;

Знаю тайну всѣхъ уловокъ

Сердце женщины дразнить.

Въ будуаръ благоуханный

Въ ночь прокрадусь я тайкомъ...

Потоскуеть сердце Нанны,

Знаю я... да что жъ мнѣ въ томъ?

Деньги выйдутъ... что жъ за дѣло?

Молотокъ возьму я свой,

Буду сѣчь я мраморъ бѣлый

У скульптора въ мастерской.

А наскучить — повалюся

Я на паперти церковей

И калѣкой притворюся,

Моль, уродецъ съ дѣтскихъ дней!

Стыдно, что ль? Пускай пеняютъ,

Что казны не клалъ подъ спудъ!..

А маркизы?.. Не узнаютъ!

А узнаютъ — прочь пойдутъ.

Что мнѣ въ нихъ? Всегда отъ Нанны,

Будь въ чести ль, въ лохмотьѣ ль я,

Я услышу: „другъ желанный,

Гость мой милый, я твой!“

1845.

XVIII.

Все утро въ поискахъ, въ пещерахъ подъ землей,
Въ гробницахъ, въ циркахъ! Ну, пусть трудъ свершаютъ свой
Сопутники мои — этрускій антикварій
И нѣмецъ — кропотунъ въ разборѣ всякой стари!
Довольствуюся я, какъ славянинъ прямой,
Идеей общеою въ наукѣ Винкельмана.
Какое дѣло мнѣ до точности годовъ,
До вѣрности именъ! Голодный, я готовъ
Хоть къ чорту отослать Метелла и Траяна...

И жаръ невыносимъ! Вся выжжена земля!
Зеленыхъ ящерицъ пугливая семья
Подъ листья прячется, шума плюсомъ руины;
Далекій горизонтъ въ серебряной пыли...
А! Вотъ подъ аркою старинною въ тѣни
Домишко, слѣпленный изъ тростника и глины!
Прощайте! Ну, мой конь! вотъ берегъ! берегъ! въ путь!
Вѣдь въ этой хижинѣ живетъ какой-нибудь
Потомокъ Ромула, Помпея или Нерона!
Стучусь. „Э-ге! кто тамъ! Signor padron! padrona!“
О, Римъ, о, чудный край! Все кажется здѣсь сномъ!
Передо мной стоитъ, съ широкими косами,
Хозяйка стройная, съ блестящими очами,
Со смугло-палевымъ классическимъ лицомъ
И южной граціей движеній и улыбокъ...
А какъ роскошный станъ изваянъ! какъ онъ гибокъ!..
Я съ жадностью слѣдилъ, какъ ставила она
Передо мною сыръ съ фіаскою вина...
„Вы замужемъ?“— „Мой мужъ уѣхалъ въ городъ“.—
„Долго
Пробудеть?“— „Дня два, три...“ Тутъ говорилъ я ей
О мнимой святости супружескаго долга,
Что вообще любить не надобно мужей,
А сердцу выборъ дать. Она сперва молчала,
Иль съ миной набожной серьезно отвѣчала:
„Такъ Богъ велитъ“. Потомъ, вдругъ пальчикъ свой
прижавъ къ
Къ устамъ и глазками на уголь указавъ,
Шепнула: „Завтра“. Я взглянулъ на уголь темный,
И вижу, капишонъ спустивши, тихо, скромно,
Храня смиренія и умиленія видъ,
Молитву набожно свершаетъ іезуитъ.

1845.

XIX.

ГАЗЕТА.

Сиди въ тѣни виноградника; жадно порою читаю
Вѣсти съ далекаго Сѣвера — поприща жизни разумной...
Шумно за Альпами движутся въ страшной борьбѣ поколѣнья!
Ломятся съ трескомъ подмостки старинной громады, и смѣло
Мысль обрываетъ кулисы съ плачевнаго зрѣлища правды.
Здѣсь же все тихо: до сѣни спокойно-великаго Рима

Громы борьбы ихъ лишь эхомъ глухимъ изъ-за Альпъ
долетаютъ;
Точно изъ вѣрной обители смотришь, какъ молніи стрѣлы
Тучи чертятъ, вѣковые лѣса зажигаютъ,
Крестъ золотой съ колокольни ударомъ сорвутъ и разгонятъ
Въ страхъ людей, какъ пугливое стадо овецъ изумленныхъ...
Такъ бы хотѣлось туда! Тоже смѣло бы, кажется, бросилъ
Огненный стихъ съ сокрушительнымъ словомъ!.. Поникнешь
въ раздумьѣ

Вдругъ головой: выпадаетъ изъ рукъ роковая газета...
Но, какъ припомнишь подробности въ цѣломъ торжественной
драмы,
Жалкихъ Ахилловъ журнальнаго міра и мелкихъ Улиссовъ;
Вспомнишь корысть ихъ, какъ двигатель — впрочемъ,
великаго дѣла —

Точно какъ сонъ отряхнувъ, поглядишь на тебя, моя Нина,
Какъ ты, ревнуя меня не къ газетѣ, а къ Нантѣ-сосѣдкѣ,
Сядешь напротивъ меня, сохраняя серьезную мину,
Губки надувъ, и нарочно не смотришь мнѣ въ очи...
Мгновенно

Все позабудешь, и грязь, и величье общественной драмы;
Бросишься мигомъ тебя цѣловать. Ты противишься, съ
сердцемъ,
Чуть не сквозь слезъ, уклоняя уста отъ моихъ поцѣлуевъ,
и послѣ
Легкой борьбы добровольно уступишь, и долгимъ лобзаньемъ
Я заглушаю въ устахъ у тебя и укоры и брань.

1845.

XX.

АНТИКИ.

О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣній!
Въ могилахъ тебя отыскиали средь пепла и камней;
Художникъ сложилъ во-едино разбитые члены,
Трудясь съ любовью, какъ будто бы складывалъ вмѣстѣ
Куски драгоценные писемъ отъ милой, безумно
Разорванныхъ въ гнѣвъ... Израненный, нынѣ предъ нами
Стоишь ты въ чертогахъ, и люди къ тебѣ издалека
Стремятся, какъ къ чудной святынѣ толпы пилигримовъ...
Творцы твои были, быть-можетъ, честимы и славны,
На площади града вѣнчанны шумящимъ народомъ,
Въ палаты царей приходили, какъ лучшіе гости!..

Иль, можетъ-быть, въ жизни узнали лишь горе да голодъ,
Труда вдохновенныя ночи, да творчества гордость,
И нынѣ ихъ имя погибло, и можетъ-быть, поздно
Узнали ихъ гений... и имъ неизвѣстно осталось,
Какой оиміамъ воскурень имъ далекимъ потомствомъ,
Неживый и чистый, подобный тому, что курили
Въ Аѳинахъ жрецы алтарямъ неизвѣстнаго бога...

1843.

XXI.

И Г Р Ы.

„Хлѣба и зрѣлищъ!“

Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащія рабы
Въ аренѣ съ ужасомъ плачевной ждутъ борьбы.
А тигръ межъ тѣмъ ревѣлъ, и прыгаль барсъ игривой,
Голодный левъ рычалъ, желѣзо клѣтки грызъ,
И кровью, какъ огнемъ, глаза его зажглись.
Отворено: взревѣлъ, взмахнувъ хвостомъ и гривой,
На жертву кинулся... Народъ рукоплескалъ...
Въ толпѣ, окутанный льняною грубой тогой,
Съ нахмуреннымъ челомъ сѣдой старикъ стоялъ,
И ликъ его сіялъ, торжественный и строгой.
Съ угрюмой радостью, казалось, онъ взиралъ,
Спокоенъ, холоденъ, на страшныя забавы,
Какъ кровожадный тигръ добычу раздиралъ
И злился въ клѣткѣ барсъ, почуя духъ кровавый.
Близъ старца юноша, смущенный шумомъ игръ,
Воскликнулъ: „Проклять будь, о, Римъ, о, лютый тигръ!
О, проклять будь народъ безъ чувства, безъ любви,
Ты, рукоплещущій, какъ звѣрь, при видѣ крови!“
— „Кто ты?“—спросилъ старикъ.—„Аѳинянинъ! Привыкъ
Рукоплескать однимъ я стройнымъ лиры звукамъ,
Однимъ жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мукамъ...“
— „Ребенокъ, ты не правъ“,—отвѣтствовалъ старикъ.
— „Злодѣйство хладное душѣ невыносимо!“
— „А я благодарю боговъ-пенатовъ Рима“,—
— „Чему же ты такъ радъ?“—„Я радъ тому, что есть
Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ—честь.“

Бросаются рабы у насъ на растерзанье—
Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!
Что толку въ жизни ихъ—привыкнувшихъ къ цѣлямъ?
Достойны ихъ они, достойны поруганья!“

1846.

XXII.

Сижу задумчиво съ тобой наединѣ;
Какъ прежде, предо мной синѣютъ даль и горы...
Но съ тайной робостью покоишь ты на мнѣ
Внимательной тоски исполненные взоры...
Ты чувствуешь, что есть соперница тебѣ—
Не дѣва юная... ты слышишь, призываетъ
Меня нѣмая даль, влечетъ къ иной судьбѣ...
Ты чувствуешь, мой духъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
Какъ плѣнный вожь, возсталъ отъ сладкихъ сновъ
любви,

И силы новыя онъ чувствуетъ въ крови,
И, зодчій ревностный, упрямое мечтанье
Уже грядущаго сооружаетъ зданье...

1843.

XXIII.

ДРЕВНІЙ РИМЪ.

Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной
И храмы, и дворцы, поросшіе травой,
И плиты гладкія старинной мостовой,
И колесницъ слѣды подъ аркой триумфальной,
И въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндой аркадъ,
Полуразбитыя громады Колизея...
Здѣсь, посреди сихъ стѣнъ, гдѣ плоть растетъ, чернѣя,
На прахѣ Форума, гдѣ у телѣгъ стоятъ
Привязанные вкругъ коринѣской капители
Рогатые волю,—въ смущеньи я читалъ
Всю лѣтопись твою, о, Римъ, отъ колыбели,
И духъ мой въ сладостномъ восторгѣ трепеталъ.
Какъ пастырь посреди пустыни одинокой
Находитъ на скалѣ гиганта слѣдъ глубокой,
Въ благоговѣннiи глядитъ, и, полнъ тревогъ,

Онъ мыслить: здѣсь прошелъ не человѣкъ, а богъ,—
Сыны печальные безцвѣтныхъ поколѣній
Мы, сердцемъ мертвые, мы, нищѣ душой,
Считаемъ баснею мы вѣкъ громадный твой,
И школьныхъ риторовъ созданиемъ твой геній!..
Иные люди здѣсь, намъ кажется, прошли
И врѣзали свой слѣдъ нетлѣнный на земли—
Великіе въ бѣдахъ, и въ битвѣ, и въ сенатѣ,
Великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ!
Ты палъ, но палъ, какъ жилъ... Въ паденіи своемъ
Ты тотъ же, какъ тогда, когда, храня свободу,
Подъ знаменемъ ея ты бросилъ кровь и домъ,—
И кланялся сенатъ строптивому народу...

.....
Такимъ же кончилъ ты... Пускай со всей вселенной
Пороковъ и злодѣйствъ неслыханныхъ семья
За колесницею твоею позлащенной
Вползла въ твой вѣчный градъ, какъ хитрая змѣя;
Пусть голосъ доблести уже толпы не движеть;
Пускай Лицинія она цѣлуетъ прахъ,
Пускай Лициній самъ слѣды смиренно лижетъ
Сандалій Клавдія, бьетъ въ грудь себя; въ слезахъ
Предъ статуей его пусть падаетъ въ молитвѣ,—
Да полный урожай полямъ онъ ниспошлетъ,
И къ пристани суда безвредно приведетъ:
Ты духу мощному, испытанному въ битвѣ,
Искалъ забвенія... достойнаго тебя.
Нѣтъ, древней гордости въ душѣ не истребя,
Старикъ своихъ сыновъ училъ за чашей яду:
„Покуда молоды—плюща и винограду!
Дооблачныхъ палатъ; танцовщицъ и пѣвицъ!
И бѣшеныхъ коней, и быстрыхъ колесницъ,
Позорищъ ужаса, и крови, и мученій!
Взирая на скелетъ, поставленный на пиръ,
Въ конецъ исчерпай все, что можетъ дать намъ міръ!
И, выпивъ весь фіалъ блаженствъ и наслажденій,
Чтобъ жизненный свой путь достойно увѣнчать,
Въ борьбѣ со смертію испробуй духа силы,—
И, вокругъ созвавъ друзей, себѣ открывши жилы,
Учи вселенную, какъ должно умирать“.

1845.

XXIV.

PALAZZO.

Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами,
Земнымъ полубогамъ сооруженный храмъ.
Прохлада царствуетъ межъ этими стѣнами,
Лѣниво бьетъ фонтанъ по мраморнымъ плитамъ;
Террасы убраны роскошными цвѣтами,
И древніе гербы блистаютъ по стѣнамъ—
Эмблемы доблести фамилій, гордыхъ властью:
Кабаньи головы да львы съ открытой пастью.

Здѣсь все еще хранить слѣды временъ былыхъ;
Вездѣ минувшаго остатки вѣковые.

Вотъ груды пыльные доспѣховъ боевыхъ
И исполинскій мечъ, и латы пудовыя,
И Палестины вѣтвь, и кость мощей святыхъ;
Тамъ пытокъ варварскихъ орудья роковыя,
Колеса и зубцы; вкругъ дивный даръ руинъ,
Антики желтые и длинный рядъ картинъ:

То предки гордые фамиліи высокой.

Тамъ старцы: латы ихъ изрублены въ бояхъ,
И страшенъ яркій взглядъ, съ улыбкою жестокой...
Тамъ красный кардиналъ, въ маститыхъ сѣдинахъ,
Колѣнопреклоненъ съ молитвою глубокой
Передъ Мадонною съ Младенцемъ на рукахъ;
Тамъ юноша, средь музъ, любимый Аполлономъ,
Вѣнчанный миртами лукавымъ Купидономъ.

Тамъ жены: та бѣла, какъ мраморъ гробовой,
Въ потускнемъ взглядѣ скорбь и ужасъ затаенный...

То жизнь, убитая болзною и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирѣлаго рабой
И сластолюбія забавою презрѣнной;

Какъ будто говоритъ она: „здѣсь дни губя,
Жила и умерла я въ мукахъ, не любя...”

Та—жизни полная, и въ блескѣ самовластья—
Сомкнутыя уста, нахмуренная бровь...
Обыкновенныхъ женъ ей мало было счастья,
И гордая душа прорвалась изъ оковъ;
Служили ей кинжалъ, и ядъ, и сладострастье
На шумныхъ оргіяхъ, и мщеніе, и любовь—

И взоръ ея горитъ насмѣшкой изступленной,
Всей гордостью души, глубоко оскорбленной...

И нынѣ пусто все въ блестящей галлерей...
На этихъ мраморахъ густая пыль лежитъ;
Оборванный лакей, въ истасканной ливрей,
На креслахъ бархатныхъ раскинувшись, храпитъ;
И въ залахъ, какъ среди развалинъ Колизея,
Семейство англичанъ кочуетъ и шумитъ.
А вы—вы кинули отцовъ чертогъ печальный,
Наслѣдники ихъ правъ и чести феодальной?

Благословенъ вамъ! Не злато, не гербы
Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,
И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы—
Отъ правъ, украденныхъ отцами у народа,
И вняли вы призывъ торжественной борьбы,
И движетъ вами кликъ: „Италіи свобода!“
И гордо шелеститъ, за честь страны родной,
Болонская хоругвь надъ вашей головой!

Благословенъ вамъ! Италіи спасенной
Въ васъ избавителей увидѣть суждено!..
Но тише... Здѣсь живутъ: раскинуть столъ зеленый,
Вчера здѣсь пиръ былъ: все исписано сукно;
Тамъ дребезги стекла... бокалъ неосушенный...
И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женскія и бюстъ Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

1847.

XXV.

СКУЛЬПТОРУ.

Былъ грубъ когда-то человѣкъ:
Младенцемъ былъ и умеръ грекъ.
И въ простотѣ первоначальной,
Что слышалъ въ сердцѣ молодомъ,
Творилъ довѣрчиво рѣзцомъ
Онъ въ красотѣ монументальной,
Творилъ, какъ пѣснь свою поетъ
Рыбакъ у лона синихъ водъ,
Какъ дѣва въ грусти или весельѣ,
Въ глуши альпійскаго ущелья...

И вокругъ священныхъ алтарей
Народы чтили человѣка
Въ созданьяхъ дѣвственнаго грека...
А ты, художникъ нашихъ дней,
Ты, аналитикъ и психологъ,
Что въ нашемъ духѣ отыскалъ?
Съ чего снимать блестящій сколокъ
Ты мрамору и бронзѣ далъ?
Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь
И, мучась тяжелой пустотой,
Боговъ Олимпа къ намъ низводишь,
Забывъ, что было въ нихъ душой,
Какъ ликъ Гамлета колоссальный
Актеръ коверкаетъ шальной
Предъ публикой провинціальной.
(1847).

XXVI.

АНАХОРЕТЪ.

Двадцать лѣтъ въ пустынѣ,
На скалѣ я прожилъ,
Выше тучъ, тумановъ,
И громовъ, и молній.
Изгнанный изъ міра,
Горько міръ я бросилъ,
Но забыть съ нимъ трудно
Порванные связи.
И когда вдругъ солнце
Облака разгонитъ,
Города въ долинѣ
Заблестятъ, какъ искры,
Мнѣ на мысль приходитъ—
Въ двадцать лѣтъ, быть-можетъ,
Все давно свершилось,
Изъ чего я бился:
Бѣдный свергъ оковы;
Сильны и прекрасны
Разумомъ и волей
Племена земныя...
Лжи не воздвигаютъ
Пышныя кумирни,

Ловкаго злодѣя

Не честить какъ бога...

Иль... быть-можетъ, нынѣ

Люди и забыли,

Чѣмъ во дни былые

Доблестны мы были!..

(1847).

XXVII.

Думаль я, что небо

Ясное полудня,

Сѣнь оливъ и мирта,

Музыкальный голосъ,

Жаркія лобзанья

Женъ высокогрудыхъ

Исцѣлять недуги

Страждущаго сердца;

Думаль я, что сила

Строгаго искусства,

Вѣковая почва—

Прахъ святой героевъ,

Хоть забвеньемъ сладкимъ

На душу повѣютъ,

И что въ ней замолкнуть

Жажда теплой вѣры

И безвѣрія муки,

Жажда дѣлъ высокихъ

И тоска безсилья;

Разума гаданья,

И надъ нимъ насмѣшки...

За порывъ восторга

Платишь горькой мукой:

Старая проснется

Прежняго острѣе,

Какъ хозяйка злая,

За одинъ взглядъ бѣглый

На красу чужую,

Встрѣтитъ бранью злѣе,

Старое припомнить,

И извить, и колеть...

Хоть бѣги со свѣта!

(1847).

XXVIII.

Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ
И рѣчь, блестящую порывами живыми;
Слѣжу за легкими движеньями твоими:
Подымешь ли кувшинъ съ сверкающимъ виномъ,
Мнѣ взора не отвести отъ пальцевъ бѣлоснѣжныхъ,
Отъ мраморной руки съ поднятымъ рукавомъ,
Отъ обнаженныхъ плечъ и ихъ изгибовъ нѣжныхъ...

Блѣднѣешь ты?.. Не слышишь ли вдали
Шаговъ завистливыхъ лдяного подозрѣнья?
Брось ихъ, не отравляй минуты наслажденья
И праздника украденной любви.

Дверь замкнута... Одинъ я твой властитель!..
Гирлянды, свитыя заботливо тобой,
Воспламененною я дерзко рву рукой..
Прочь пирные огни! Пускай въ твою обитель
Войдетъ глухая ночь: пусть видитъ лишь луна,
Скользя черезъ стекло высокаго окна,
Сребро и золото сосудовъ осушенныхъ,
Цвѣты твои, запутанные мной
Въ распушенныхъ косахъ, и мраморъ снѣговой
Какъ воскъ прозрачныхъ плечъ, отъ ризъ освобожденныхъ.
(1847).

XXIX.

ОТРЫВКИ ИЗЪ „ДНЕВНИКА ВЪ РИМЪ“.

I.

Двулицый Янусъ.

Мнѣ снилось, взомель я на холмъ, отъ вершины до низу
Покрытый обломками нѣкогда славнаго храма:
Разрушенный мраморъ, низвергнуты своды, аркады,
Священныя урны, алтарь, испещренный ваяньемъ
Жрецовъ, закалающихъ тучныя жертвы, статуи,
Обрубленный торсъ, голова, раздробленные члены,—
Какъ падшихъ воителей трупы на полѣ сраженья..
Люблю любоваться, какъ чудомъ, изящной рѣзбою
Печальныхъ обломковъ: люблю я-коринѣской колонны
Аканѣе листья, живымъ обвитые аканѣемъ,
Овна завитые рога, увѣнчанные хмелемъ ползучимъ.

Надъ грудой развалинъ въ пыли и поросшихъ травю
Одинъ возвышался изъ мрамора Янусъ двулицый:
Одно обращалъ онъ лицо къ заходящему солнцу,
На западъ, гдѣ въ темной, глубокой долинь, густые
Верхи кипарисовъ на пламенномъ небѣ чернѣлись;
Другое глядѣло на темный востокъ, созерцая
Грядущаго книгу, хранило угрюмую тайну.

Проникнутый вымысломъ дивнымъ, въ священномъ восторгѣ,
Стоялъ я и думалъ, какъ много бѣ открылося тайны,
Когда бы изрекъ онъ, что въ будущемъ видить.

„Скажи мнѣ, таинственный богъ, проникающій взоромъ
Въ грядущіе вѣки; молю, просвѣти наши очи
И лживыя басни разсѣй нашихъ бѣдныхъ гаданій!
Что ждетъ насъ? Отвѣтствуй! Куда мы стремимся?

Зачѣмъ здѣсь на холмѣ громады камней громоздили,
И кто онъ, откуда, сей жидущій духъ, въ насъ живущій,
Который въ насъ мыслью пылаетъ и движетъ могучею дланью,

И ждетъ, и ждетъ... чтобъ послѣ разрушить; разрушивъ,
Изъ праха опять созидаетъ?“ Безмолвствовалъ идолъ,
Угрюмый, какъ жрецъ, погруженный въ глубокое чтенье
Таинственной книги, невѣдомой черни. Внезпно
Послѣднею вспышкой вечерняго блеска другое
Лицо просіяло, и рѣчью уста разомкнулись.

— Ты хочешь проникнуть въ грядущаго тайны; но, вѣдай,
Мы связаны оба таинственной силой, и прежде

Прошедшаго голосъ внемли,—а потомъ ужъ подѣмля
Завѣсу съ того, что въ чревѣ грядущаго зрѣть.
Во мракѣ гробницъ обитаетъ мой взоръ: тамъ почіють
Народы, какъ спать у васъ въ памяти мысли и думы—
Спокойно и тихо: я властенъ ихъ вызвать изъ вѣчной тем-
ницы,

Какъ можешь въ душѣ пробудить ты прошедшія мысли...
Какъ образы ихъ предо мною въ тѣни кипарисовъ,
Накрывшихъ могилы, встають исполинскія тѣни
Людей, и народовъ, и царствъ,—все умчалъ всесильное время!..
Я вижу великую рѣку... всечасно я слышу паденье,
Удары низверженныхъ волнъ съ высоты величавой...
Пространство міровъ ей русло, и межъ нихъ. низвергаясь,
Свергая, снося, обрывая утесы и камни,
Она все несется, подобная вѣчно-живому,
Падающему грозно изъ урны вѣковъ океану...
И гдѣ ей начало, и гдѣ ей конецъ?.. я не знаю...
Но съ бѣгомъ быстрѣй и полнѣе, шумнѣе и шире
Свирѣпыя воды, и мнится, съ паденьемъ ихъ въ бездну,

Обрушится все, что встрѣчалось мнѣ въ бѣгѣ,
Что мчалось съ ними, противясь ихъ силѣ—
Все рухнетъ—и сущіе нынѣ народы, и царства,
Туда же обрушатся въ омутъ, куда уже пали
И Римъ колоссальный, съ всемірнымъ вѣнцомъ и рабами,
Со златомъ палатъ, колесницъ и кровавыхъ ристалищъ,
И Оивъ пирамиды, и Мемфиса мраморны стѣны—
И онъ—Вавилонъ, со своей донебесною башней...
Я вижу, блѣднѣя, зриаешь ты на эту рѣку
(И смертный, безплотной душой отрѣшившись отъ тѣла,
Обнять ее взоромъ способенъ), и ужасъ колеблетъ
Твой духъ: оглушенный неистовымъ гуломъ паденья,
Влекомыхъ, низверженныхъ ею громадныхъ обломковъ,
Ты мыслишь, что значишь ты самъ въ семъ безмѣрномъ,
Бездонномъ горнилѣ, средѣ царствъ и имперій?
И страшно исчезнуть тебѣ въ немъ, какъ легкому пеплу,
Подъ крыльями вѣтра, свой путь не означивъ, гдѣ шелъ ты,
Не бросивши трудъ исполинскій въ всеобщую бездну...
Смѣшное мечтанье!.. Источникъ отчаянья горькій!
Взгляни вокругъ себя на роскошную мать-природу,
Какъ съ каждой весной она новыя силы являетъ,
Богатства свои измѣняя, какъ новую ризу;
Все такъ же она, какъ и прежде, въ величій стройномъ
Рождаетъ деревья и травы и летѣ голубые
Ручьи, оглашая ихъ пѣньемъ пернатого царства.
Но это—одежда, не болѣ, она жъ неизмѣнна...
Подобно природѣ живетъ человѣчество: часто
Смѣняются, шумно чредуясь, идутъ поколѣнья.
Они—лишь одежда безсмертнаго, вѣчнаго духа...
Какъ тополь и ландышъ прекрасны въ убранствѣ природы—
Такъ каждому мѣсто свое въ поколѣньѣ; какъ роза,
Какъ терній въ природѣ,—въ гармоніи общей всѣ люди
Въ цѣпи человѣчества—всѣ непремѣнныя звенья...
Какъ тамъ, посреди преходящихъ явленій юдольнаго міра,
Однажды-рожденные высятся горы,—такъ вѣчно
Останется ясенъ въ потомствѣ не гаснущій геній,
И мысль не погибнетъ въ томъ омутѣ мрачномъ;
Самъ геній не мыслить о славѣ,—и зрѣть въ трудѣ онъ...
Ты хочешь, чтобъ передъ твоей триумфальной статуей
Потомокъ съ главою проходилъ обнаженной... Послушай,
Не бѣгай, какъ юноша пылкій за гордою дѣвой,
За славой: трудися. Сама прійдетъ гордая дѣва,
Отыщеть чело ей любезное, лавромъ накроетъ;
Въ живыхъ не застанетъ—отыщеть гробницу, украсить

Вѣнцомъ и триумфомъ, и если бы кости и прахъ твой
Разсѣялись вѣтромъ, и въ черепѣ нѣтопырь дикій
Гнѣздо свое виль,—освятить она пепель бездушный,
Вкругъ сторожемъ станеть и путника вдругъ преисполнить
Восторгомъ, и слезы и думу тебѣ посвятить онъ...
Такъ жертвуютъ Гвебры могучему Фебу не въ храмъ—
Въ снѣжныхъ горахъ, подъ шатромъ безконечнаго неба.

1843.

II.

Во мнѣ сражаются, меня гнетуть жестоко
Порывы юности и опыта уроки.
Меня влекутъ мечты, во мнѣ бунтуетъ кровь,
И знаю я, что все—и пылкая любовь,
И пышныя мечты пройдутъ и охладятся,
Иль къ безднѣ приведутъ... Но съ ними жаль разстаться!
Любя, увѣренъ я, что скоро разлюблю,
Порой, притворствуя, самъ клятвою шалю;
Внимаю ли изъ устъ, привыкшихъ лицемѣрить,
Коварное „люблю“, я имъ готовъ повѣрить;
Порой бѣшусь, зачѣмъ я чувство удержалъ;
Затѣмъ въ душѣ моей, волненіямъ открытой,
Отъ всѣхъ высокихъ чувствъ осадокъ ядовитый.

(1845).

ЖИТЕЙСКІЯ ДУМЫ.

I.

ПОСЛѢ БАЛА.

Мнѣ душно здѣсь! Вашъ міръ мнѣ тѣснѣ!
 Цвѣтовъ мнѣ надобно, цвѣтовъ,
 Веселыхъ лицъ, веселыхъ пѣсень,
 Горячихъ споровъ, острыхъ словъ,
 Гдѣ бъ былъ огонь и вдохновенье,
 И безпорядокъ, и движенье,
 Гдѣ бъ походило все на бредъ,
 Гдѣ бъ каждый былъ хотъ мигъ—поэтъ!
 А то—сберетесь вы чинно;
 Гирлянды дамъ сидятъ въ гостиной;
 Забава ихъ—хула и ложь;
 Танцуетъ въ залѣ молодежь—
 Дѣвицы съ устъ улыбку гонятъ,
 По лицамъ ихъ не разберешь—
 Тутъ веселятся иль хоронятъ...
 Вы сами—бьетесь въ ералашъ,
 Чинопоклонствуете, лжете,
 Торгуете и продаете—
 И это праздникъ званый вашъ!
 Не даромъ, съ бала исчезая
 И въ санки быстрыя садясь,
 Какъ будто силы оправляя,
 Корнетъ кричитъ: пошелъ въ танцклассъ!
 А ваши дамы и дѣвицы
 Изъ-за кулисъ бросаютъ взоръ
 На пиръ разгульной модной львицы,
 На золотой ея позоръ!

1850.

II.

УТОПИСТЪ.

Свои помѣстья умнымъ нѣмцамъ
 На попеченіе отдавъ,
 Ты самъ межъ ними чужеземцемъ
 Проводишь вѣкъ—и что жъ? ты правъ...

Твои мечты витають выше...
Что передъ ними—нищихъ полкъ,
Да избы съ сломанною крышей,
Да о житейскихъ дрязгахъ толкъ?
Подобно мудрому Зевесу,
Ты въ олимпійской тишинѣ,
На міръ накинувъ тучъ завѣсу,
Сидишь съ собой наединѣ.
Сидишь—для міра вымышляя
И лучший строй, и новый чинъ,—
И весь Олимпъ молчитъ, гадая,
Чѣмъ озабоченъ властелинъ?..
И лишь для рѣзваго Эрота—
У жизнедавца и отца
Міродержавная забота
Спадаетъ съ грознаго лица.

1857.

III.

Передъ твоей душой пугливой
Титаномъ гордымъ онъ предстанетъ,
Въ которомъ міръ непрозорливый
Родства съ богами не призналъ.
И ты, воспитанная въ горѣ,
Внезапнымъ свѣтомъ залита,
Въ замаскированномъ актерѣ
Не разгадала ты—шута!
И, какъ обманутая Геба,
Ты отъ Зевесова стола,
Скорбя, ему, какъ сыну неба,
Зевесовъ нектаръ подала...
Чтобъ заглушить его угрозы
Всему, что дорого тебѣ,
Ты падаешь, глотая слезы,
Къ его стопамъ, въ нѣмой мольбѣ;
Но тщетно трепетныя руки
Зажать уста его хотятъ!
Твои младенческія муки
Его смѣшать и веселить...
Ему такъ новы—думъ свобода
И свѣжесть чувствъ въ твоихъ рѣчахъ,
Какъ горожанину природа
Въ весеннихъ краскахъ и лучахъ.

1853.

IV.

Боишься ты прослыть глупцомъ
И средь пирушки откровенной
Хранишь упорно видъ степенный
И смотришь важнымъ мудрецомъ.
Ты критикуешь очень здраво,
Что Вакхъ внушаетъ намъ лукавый...
Но извини,—все зло въ винѣ!—
Что вдругъ пришелъ на память мнѣ
Одинъ хористъ, синьоръ Скоттини,
Который тщился показать
Всегда, что онъ-то могъ бы дать
Урокъ безсмертному Рубини,
Когда тотъ плакалъ и рыдалъ,
И, имъ глубоко потрясенный,
Ему, очнувшійся мгновенно,
Въ слезахъ театръ рукоплескалъ.
(1853).

V.

ВЕСЕННІЙ БРЕДЪ.

(М. П. Заблоцкому).

Здорово, милый другъ! Я прямо изъ деревни!
Быль три дня на конѣ, двѣ ночи спалъ въ харчевнѣ,
Усталъ, измучился, но какъ я счастливъ былъ,
И какъ на счетъ костей я душу освѣжилъ!
Ужъ въ почкахъ яблони; жужжать и выются пчелы;
Ужъ свѣжей травкою подернулась земля...
Вчера Егорьевъ день—какой гурьбой веселой
Деревня выгнала стада свои въ поля!
Священникъ съ причетомъ, крестомъ и образами
Молебень отслужилъ предъ пестрыми толпами
И, окропивъ водой, благословилъ стада—
Основу счастья и сельскаго труда.
И къ морю я забрелъ: что плещутся уклеики!
Въ бору застигъ меня весенній первый громъ,
И первымъ дождикомъ облитый, какъ изъ лейки,
Продрогши, ввечеру согрѣлся я чайкомъ
Въ трактирѣ съ чухнами, среди большой дороги.
Но сколько испыталъ я въ сердцѣ новыхъ чувствъ!

Продумалъ сколько думъ о мірѣ и о Богѣ,
Провѣрилъ наши всѣ теоріи искусствъ,
Все перебралъ, о чемъ съ тобой мы толковали,
Искали истины—и безпощадно врани!
Повѣришь ли, мой другъ, что на конѣ верхомъ,
Или ворочаясь въ ночи на сѣновалѣ,
Межъ тѣмъ какъ вкругъ шумѣлъ весь постоянный домъ,
Пробѣжкіе коней впрягали, отпрягали,
И подлѣ же меня до утреннихъ лучей
Я слышалъ чавканье коровъ и лошадей,—
Я, другъ мой, нашу всю науку пересѣдалъ!
Ученымъ и тебѣ—всѣмъ по заслугамъ воздалъ!
Я думалъ: Боже мой! Ну вотъ, межъ тѣмъ какъ и
Съ душою, раннею весною обновленной,
Такъ ясно вижу все, и разумъ просвѣтленной
Отвагой дышитъ, полнъ сердечнаго огня,—
Ты, въ душевной комнатѣ, боясь сквозного вѣтру,
О мірѣ, можетъ-быть, систему сочинилъ...
О, вандалъ! Ты весну не сердцемъ ощутилъ—
Прочелъ въ календарѣ, узналъ по барометру!
Вѣдь такъ и съ истиной въ наукѣ-то у васъ!
Вы томы пишете, начнете свой рассказъ
Съ ассиріянъ, мидянъ и кончите Россіей,—
И что жъ? Толкуя намъ, какъ думали другіе,
Сказали ли хоть разъ, какъ думаете вы?
Ну, что бы подойти къ предмету просто, прямо,
Чѣмъ споры древнихъ лѣтъ поддерживать упрямо
Съ надменной важностью безсмысленной совы?
О, эрудиція! О, школьные вериги!
Да что за польза намъ, что поняли вы книги!
Нѣтъ, дайте истины живое слово намъ,
Какъ видѣлась она стариннымъ мудрецамъ,
Еще блестящая восторгомъ вдохновенья
И окропленная слезами умиленья!
Она—дѣти любви и жизни,—не труда!
Ученость вѣдь еще не мудрость, господа!
Системы, сшитыя логически и строго—
Хитро созданный храмъ, въ которомъ нѣтъ лишь—Бога!
Но, впрочемъ, вы враги восторга и мечты!
Вы—положительны! Для васъ въ наукахъ точность
Ручательство за ихъ достоинство и прочность,
И, изучая жизнь, что вамъ до красоты!
„Все бредъ, что пальцами ощущать невозможно!
Намъ греки не примѣръ: они учились жить

И міръ невидимый старались объяснить;
 Мы цѣнимъ только то, что твердо непреложно,—
 И въ цифрахъ выразить готовы вы весь міръ!..
 Что я пойму, когда, описывая пирь,
 Ты скажешь—столько-то бутылокъ оеушили?
 Нѣтъ, было ль весело, скажи, и какъ вы пили?
 И въ грязномъ кабацкѣ бутылкамъ тотъ же счетъ,
 Что у дворецкаго въ Перикловомъ чертогѣ,
 Гдѣ пироваль Сократъ и поучаль народъ
 О благѣ, красотѣ и о единомъ Богѣ.
 И много стѣдитъ вамъ и муки и трудовъ
 Найти у грековъ счетъ ихъ селъ и городовъ,
 Или республикъ ихъ опредѣлить доходы..
 О, близкіе еще къ младенчеству народы!
 Вѣдь о грамматикѣ не думали они,
 А пѣли ужъ стихи великой Иліады,
 И эта пѣснь жива еще по наши дни
 И служить намъ еще, какъ ключъ въ стени, отрадой..
 Я каюся, милый мой, брани меня, ругай,
 Иль дѣйствиємъ весны на разумъ объясняй,
 Но мысли странныя въ умѣ моемъ рождались.
 Представилъ живо я нашъ непонятный вѣкъ,
 Все, что мы видѣли, чѣмъ жили, вдохновлялись
 И, какъ игрушкою наскучивъ, въ быстрый бѣгъ
 Отъ стараго впередъ все далѣ устремлялись;
 Припомнилъ лица я, и страсти, и слова,
 И вопль паденія, и клики торжества,
 Что вырывалось внезапно, вдохновенно,
 Что было жизнію, казалось всей вселенной,
 Въ чемъ каждому изъ насъ была и роль и честь, —
 И вдругъ подумалъ я—пройдетъ столѣтій шесть,
 И кинется на насъ ученыхъ вереница!..
 Я думалъ—Боже! какъ ихъ вытянутся лица,
 Когда въ громадѣ книгъ, что нашъ оставитъ вѣкъ,
 Ища съ трудомъ у насъ Сократовъ и Сенеку,
 Найдутъ какія-то печальныя замѣтки—
 Сухого дерева раскрашенные вѣтки!
 Увидятъ кини книгъ, истлѣвшія въ пыли,
 Гдѣ правила ремеслъ въ науки возвели;
 Тамъ сочиненіе, подъ коимъ гнется полка—
 „О цѣнности вещей въ правленіе Святополка“.
 Увидятъ, что у насъ равно оцѣнены
 За остроту ума и реалистъ и мистикъ;
 Тамъ цифры мертвыя безжизненныхъ статистикъ,

Романы самые статистикой полны...
Найдутъ, какъ тщилися тугіе корнесловы
Языкъ нашъ подвести подъ чуждыя оковы;
Откроютъ критиковъ и важныхъ и смѣшныхъ;
Грамматиковъ—и, ахъ! несходство между нихъ!
Историковъ идей, историковъ событий,
Историковъ монетъ, историковъ открытій...
Но, исчисляя тутъ познаній нашихъ кругъ,
Одну припомнилъ я науку, милый другъ,
И такъ захохоталъ среди ночного мрака,
Что спавшая въ сѣняхъ залагла собака.
Вѣдь мало намъ наукъ и сложныхъ и простыхъ!
Намъ мало даже книгъ, хотъ перечестъ ихъ мѹка!
Для насъ еще нужна еще особая наука—
Исторія... чего?.. Да этихъ самыхъ книгъ!..
Но мой шутливый смѣхъ и грустію смѣнялся,
И съ горемъ пополамъ, ей-Богу, я смѣялся,
Покуда крѣпкій сонъ меня не уломалъ.
Когда жъ проснулся я, востокъ зарей сіялъ,
Летѣли облака съ зардѣвшими краями,
Какъ полчища, пройти предъ царскими очами
Готовыя на смотръ; и неся паръ сѣдой
Надъ сталью озера; земля ночнымъ морозомъ
Была окрѣплена съ подмерзнувшей травой,
И тонкій ледъ звенѣлъ, дробясь подъ ногой.
Пора ужъ двигаться ночевщикамъ-обозамъ!
Взборошенный мужикъ ужъ вытѣзъ на крыльцо
Расправить холоdkомъ горячее лицо
И мрачно чешется... Тамъ мальчуганъ пузатый
Съ просонокъ поднялся и выскочилъ изъ хаты,
И сталъ какъ Купидонъ извѣстный у ключа...
Весь домъ задвигался, зѣвая и ворча.
Пора на рынокъ въ путь лѣнивому чухонцу...
Телѣги тронулись... И мнѣ коня! И въ путь!
Куда?.. Куда-нибудь! Да хотъ навстрѣчу солнцу!
О, радостная мощь мою подъемятъ грудь!
Дыханье такъ свѣжо и вылетаетъ паромъ!
И мысль во мнѣ кипитъ, свѣтлѣя и горя, —
Какъ будто глянула и на нее заря,
Пылающая тамъ, по небесамъ, пожаромъ!
Какъ будто кто-то мнѣ таинственно шепталъ,
Когда вчерашній бредъ я свой припоминалъ,
И „радуясь!—вѣщаль—что ты рожденъ поэтомъ!
Пускай ученые трудятся надъ скелетомъ!

Пусть строить плотники науки прочный храмъ!
 Мысль зданья имъ чужда,—но каждый пусть келейникъ
 Несетъ соломинку на общій муравейникъ!
 Ты жъ избранъ говорить грядущимъ племенамъ
 За вѣкъ, за родину! Тебѣ предъ свѣтомъ пѣлымъ
 Глаголомъ праведнымъ и вдохновенно-смѣлымъ
 Ихъ душу возвѣститъ потомству суждено!
 Ученымъ—скорлупа! Тебѣ, пѣвецъ, зерно!
 Въ тебѣ бьетъ свѣтлый ключъ науки вѣчно новой!
 Въ тебѣ живая мысль выковываетъ слово—
 Пусть ловятъ на лету грамматики его:
 Оно лишь колыбель созданья твоего!
 Пускай родной языкъ непризванные мучать,
 На чуждый образецъ его ломаться учать,
 Клеймятъ чужимъ клеймомъ и гнуть въ свое ярмо:
 Ты видишь, точно конь онъ дикій не дается
 И въ пѣнѣ ярости и бѣсится, и бьется,
 И силится слизать кровавое клеймо.
 Но какъ онъ вдругъ дохнетъ родныхъ степенъ разгуломъ
 Подъ ловкимъ всадникомъ! Какъ мчится по полямъ!
 Вѣдь только пыль змѣю вьется по слѣдамъ,
 И только полнится окрестность звонкимъ гуломъ!“

(1854).

VI.

АРЛЕКИНЪ.

Меня всю ночь промучилъ сплинъ.
 Передо мной кѣ стѣнѣ прибитый
 И, видно, няней позабытый,
 Висѣлъ бумажный арлекинъ.
 Едва хочу я позабыться—
 Вдругъ арлекинъ зашевелится,
 Начнетъ приплясывать, моргать,
 И точно хочетъ что сказать.
 Я ободрилъ его. Онъ началъ:
 —У васъ мнѣ просто нѣтъ житья.
 Здѣсь для дѣтей забава я,
 А то ли я въ Европѣ значилъ?
 Тамъ всѣ ужъ знаютъ и твердятъ,
 Что нынче вѣкъ арлекинадъ.
 Мы маскируемся, хлопочемъ,
 Кутимъ, жуируемъ, морочимъ,

Потапенко, И. Н. СОЧИНЕНИЯ. Т. I. „Счастье поневоле“. Т. II. „На действительной службе“. Т. III. „Живая жизнь“. Т. IV. „Здравия попятна“. Т. V. „Победа“. Т. VI. „Пьесы“. Т. VII. „Два счастья“. Т. VIII. „Один“. Т. IX. „Записки старого студента“. Т. X. „Свѣтлый луч“. Т. XI. „Любовь“. Т. XII. „Сильфида“. Изящно издан. книги in 8°. Цѣна каждого тома 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; въ перепл. 2 р. 60 к., съ перес. 2 р. 85 к.

Саловъ, И. А. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Т. I. „Мертвое тѣло“. Т. II. „Разбитая жизнь“. Т. III. „Ольшанскій молодой баринъ“. Т. IV. „Грызуны“. Т. V. „Грезы“. Т. VI. „Грачевскій крокодилъ“. Изящное изданіе in 8°. Цѣна каждого тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Баранцевичъ, К. С. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Т. I. „Чужакъ“. 26 рассказовъ.—Т. II. „На волю Божью“. 36 рассказовъ.—Т. III. „Тихое счастье“. 22 рассказа.—Т. IV. „Петербургскій случай“. 23 рассказа.—Т. V. „Закатъ“. 32 рассказа.—Т. VI. „Послѣдняя воля“. 16 рассказовъ.—Т. VII. „Победа“. 18 рассказовъ. Т. VIII. „Раба“. 24 рассказа. Т. IX. „Муть“. 33 рассказа. Изящное изданіе in 8°. Ц. каждого тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Мольеръ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ въ 4 т., съ портретомъ Мольера. Подъ ред. П. Вейнберга и П. Быкова. Цѣна каждого тома 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.; въ перепл. 2 р. 35 к., съ перес. 2 р. 60 к.

Полевой, П. Н. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Съ портретомъ и критико-биогр. очеркомъ П. В. Быкова. Т. I. „На роковомъ просторѣ“. Т. II. „Среди перелетовъ“. Т. III. „Братья-соперники“. Т. IV. „Избранный Божій“. Т. V. „На рубежѣ поколѣній“. Т. VI. „Въ туманѣ величія“. Цѣна каждого тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Свѣтловъ, В. Я. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Вышли изъ печати: Т. I. „Змѣя и чаша“. Романъ и др. рассказы. Т. II. „Колхида“. Повѣсти и рассказы. Т. III. „Звенья цѣпи“. Т. IV. „Даръ слезъ“. Т. V. „Темный блескъ“. Т. VI. „Внутри“. Ц. кажд. тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ пер. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Стернь, А. В. ПОЛНОЕ СОБРА. СОЧИНЕНИЙ. Т. I. „На кон-курсахъ“. Т. II. „Выростъ“. Т. III. „Забятая тетрадь“. Т. IV. „Гордость семьи“. Т. V. „Изъ глѣзда“. Т. VI. „Бракъ по любви“. Т. VII. „Очнулась“. Цѣна каждого тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Данилевскій, Г. П. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. 9-е изд. въ 24 томахъ (12-ти книгахъ), съ портретомъ, факсимиле и биогр. очеркомъ. Изящное изданіе, на прекрасной бумагѣ. Цѣна 15 р., съ перес. 16 р.; въ переплѣтахъ 18 р. 50 к., съ перес. 19 р. 50 к.

МЕЙ, Л. А. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ въ 3-хъ томахъ. Новое изданіе in 8°. Цѣна 3 томамъ—5 р., съ перес. 5 р. 50 к.; въ 3-хъ перепл. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.

Чеховъ, Антонъ. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. То-мы: I, II, III, IV, V, VI, VIII, IX и XII—„Рассказы“. Т. VII—„Пьесы“. Т. X—„Островъ Сахалинъ“ (Изъ путевыхъ записокъ). Т. XI—„Рассказы и пьесы“. Изящно изданныя книги, отпечатанныя на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ 8-ю д. л. Цѣна каждого тома 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.; въ коленкор. переплѣтъ по 2 р., съ перес. по 2 р. 30 к.

Горбуновъ, И. Ѳ. СОЧИНЕНИЯ. 2-е изданіе подъ ред. и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони. Въ 2-хъ томъ, съ портретомъ-гелиографюрю И. Ѳ. Горбунова и одною изъ его мимическихъ сценъ. Изящное изданіе на хорошей бумагѣ, 1049 стр. in 8°. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ перепл. 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.

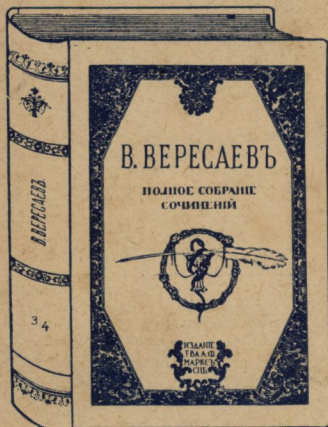
Гоголь, Н. В. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Редакція Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. 17-е изданіе въ одномъ большомъ томѣ (1668 столбцовъ въ 8-ю д. л.), съ портретомъ Н. В. Гоголя, биогр. очеркомъ В. И. Шенрока и съ примѣч. редактора. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.; въ переплѣтъ 1 р. 80 к., съ перес. 2 р. 30 к.

Гоголь, Н. В. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ въ 12 т., съ 2 портретами, факсимиле и автографомъ Гоголя, съ нѣсколькими собственноручными его рисунками и примѣч. редактора. 16-е изд. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ перепл. 6 р. 50 к., съ перес. 7 руб.

Собранія сочиненій РУССКИХЪ КЛАССИКОВЪ: 1) А. С. Грибоедова, 2) А. И. Полежаева, 3) Импер. ЕКАТЕРИНЫ II, 4) И. И. Козлова, 5) А. В. Кольцова, 6) М. В. Ломоносова, 7) Д. И. Фонвизина, — составленныя, въ первенныя и дополненныя подъ ред. А. И. Введенскаго, съ біографіями и портретами авторовъ. Цѣна за 1 экз. каждого изъ означенныхъ семи собраний сочиненій—1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб. Сочиненія эти (за исключеніемъ соч. Кольцова, Грибоедова и Ломоносова) отпечатаны на лучшей веленовой бумагѣ, по цѣнѣ за экзempl.—2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; въ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

— Контора „Нивы“ считает долгом обратить внимание гг. подписчиков на то, что на изготовленных нашей переплетной крышках к соч. **Ө. И. Тютчева, Л. Андреева, В. В. Вересаева и Мольера** вытиснены: надпись „Заявлено Отдѣлу Промышленности“ и утвержденная марка Товарищества, и что нашего изготовления являются только переплеты съ указанной надписью и маркой и только того рисунка, который изображенъ на помѣщенныхъ здѣсь снимкахъ. Съ своей стороны, Контора будетъ преслѣдовать законнымъ порядкомъ всякую поддѣлку.

КРЫШКИ НА ПРИЛОЖЕНИЯ „НИВЫ“ 1913 г.,

изготовленные изъ лучшаго англійскаго колѣнѣра, съ красивыми тисненіями золотомъ и красками по рисунокъ художника **Я. Я. Бельзена** и др.

1 крышка на полн. собраніе сочиненій (въ 3 кн.). **Ө. И. ТЮТЧЕВА**

Цѣна: 25 к., съ перес. 40 к.

4 крышки на полн. собраніе сочиненій (въ 17 кн.). **Леон. АНДРЕЕВА**

(по одной крышкѣ на каждыя 4—5 книгъ).

Цѣна: 4 крышк. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

2 крышки на полн. собраніе сочиненій (въ 10 кн.). **В. В. ВЕРЕСАЕВА**

(по одной крышкѣ на каждыя 5 книгъ).

Цѣна: 2 крышк. 60 к., съ перес. 75 к.

2 крышки на полн. собр. сочиненій (въ 10 кн.). **МОЛЬЕРА**

(по одной крышкѣ на каждыя 5 книгъ).

Цѣна: 2 крышк. 60 к., съ перес. 75 к.

Крышки имѣются красн., зелен., коричн., фіолет., кремъ, голуб. и синяго цвѣтовъ. При выпискѣ крышекъ просимъ обозначать 2—3 желательныхъ цвѣта на случай замѣны распроданнаго цвѣта другимъ.

1 крышка на журналъ „НИВА“ 1913 г.

Цѣна этой крышкѣ на полн. томъ журн. за весь годъ — 75 к., съ перес. въ Европ. Россіи 1 р.

Выписывающіе одновременно крышки на соч. Тютчева, Андреева, Вересаева и Мольера, на „Ниву“ и „Литер. Прилож.“ платятъ за совмѣстную перес. въ Европ. Россіи лишь 1 р.

3 крышки на 12 книгъ „Литературныхъ Приложеній“ за 1913 г.

(по 1 крышкѣ на 4 книги). Цѣна 3 крышкамъ 75 к., съ перес. 1 р.

КРЫШКИ НА „НИВУ“ И ПРИЛОЖЕНИЯ прошлыхъ лѣтъ:

Соч. ГАРШИНА, ПОМЯЛОВСКАГО. Ц. 1 крышкѣ на полн. собр. соч. cadaго автора 25 к., съ перес. 40 к. **Соч. МЕЯ, ГОРБУНОВА, ФЕТА, УАЙЛДА.** Ц. 2 крышк. на соч. cadaго автора 60 к., съ перес. 75 к. **Соч. ГАУПТМАНА, ЖУКОВСКАГО.** Ц. 3 крышк. на соч. cadaго автора 75 к., съ перес. 1 р. **Соч. КУПРИНА, гр. А. ТОЛСТОГО, ИБСЕНА.** Ц. 4 крышк. на полн. собр. соч. each. автора 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. **Соч. ГАМСУНА.** Ц. 5 крышк. на полн. собр. соч. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. **Соч. УСПЕНСКАГО, ГЕЙНЕ, ГОГОЛЯ, ГРИГОРОВИЧА, БОБОРЫКИНА.** Цѣна 6 крышкамъ на полн. собр. сочинен. cadaго изъ означенныхъ 5 авторовъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб. **Соч. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКАГО, ДАНИЛЕВСКАГО, ГОНЧАРОВА, ТУРГЕНЕВА.** Цѣна 7 крышк. для полн. собр. соч. cadaго изъ означенныхъ 4-хъ авторовъ 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к. **Соч. ПИСЕМСКАГО.** Цѣна 8 крышкамъ на полн. собр. сочиненій 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. **Соч. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА, СТАНЮКОВИЧА, ЛѢСКОВА, ДОСТОВЕКАГО.** Цѣна 12 крышк. на полн. собр. соч. cadaго изъ этихъ 4-хъ авторовъ 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к. **Соч. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.** Цѣна 16 крышкамъ на полн. собр. соч. 4 руб., съ перес. 4 р. 75 к. **Соч. АНТ. П. ЧЕХОВА.** Ц. 9 кр. на полн. собр. соч.—2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 75 к. (Ц. 6 крышк. на 16 том. (1903 г.)—1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 3 кр. на дополн. 12 кн. (1911 г.)—75 к., съ перес. 1 р.

Цѣна 1 крышки на полный томъ журн. „Нива“ за каждый изъ прошлыхъ годовъ — 75 к., съ перес. въ Европ. Россіи—1 руб. Цѣна одному комплекту крышекъ на 12 книгъ **Ежем. Литер. Приложений** за каждый изъ прошлыхъ годовъ—75 коп., съ перес.—1 руб.

Требованія адресовать въ Контору журнала „НИВА“, СПб., ул. Гоголя, 22.

